

Первобытные Афины, описанные Фукидидом

Джейн Эллен Харрисон

Primitive Athens as described by Thucydides

by

JANE ELLEN HARRISON,

HON. D.LITT. (DURHAM), HON. LL.D. (ABERDEEN),
STAFF LECTURER AND SOMETIME FELLOW OF NEWNHAM COLLEGE, CAMBRIDGE.

Cambridge
at the University Press
1906

The Project Gutenberg eBook of Primitive Athens as described by Thucydides.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Первобытные Афины в изложении Фукидида

Автор: Джейн Эллен Харрисон

Дата выхода: 7 июня 2024 года [eBook #73789]

Язык: Английский

Оригинальное издание: Cambridge: University Press, 1906

Авторские права: deaurider и Online Distributed Proofreading Team на <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK PRIMITIVE ATHENS AS DESCRIBED BY THUCYDIDES

Первобытные Афины в изложении Фукидида

CAMBRIDGE UNIVERSITY PRESS WAREHOUSE,
C. F. CLAY, Manager.

Лондон: ФЕТТЕР ЛЕЙН, Э.К.
Глазго: 50, WELLINGTON STREET.

Лейпциг: Ф. А. БРОКГАУЗ.
Нью-Йорк: КОМПАНИЯ МАКМИЛЛАН.
Бомбей и Калькутта: MACMILLAN AND CO., Ltd.

[Все права защищены].

Первобытные Афины в изложении Фукидида

By JANE ELLEN HARRISON,
HON. D.LITT. (DURHAM), HON. LL.D. (ABERDEEN),
ШТАТНЫЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ И МНОГОЛЕТНИЙ СТИПЕНДИАТ НЬЮНХЭМСКОГО КОЛЛЕДЖА,
КЕМБРИДЖ.

Кембридж в университетской типографии
1906

Кембридж:
PRINTED BY JOHN CLAY, M.A.
В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

ВИЛЬГЕЛЬМО ДОЕРПФЕЛЬД

HUNC QUALEM CUNQUE LIBELLUM
ANIMO SALTEM NON INGRATO
DEDICAT

J. E. H.

Πηγὴν μὲν πολὺκροῦνον Ἀθηναίης ἀνέφηνας
πηγὴ δ' αὐτὸς ἔφυς καλλιροοῦ σοφίης.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Моя книга *"Мифология и памятники древних Афин"* уже некоторое время не выходит из печати. Я решил не выпускать второго издания. Поэтому необходимо дать пояснения относительно цели настоящих страниц.

С момента выхода моей книги об Афинах появился большой комментарий доктора Фрейзера к Павсанию, и для ученых второе издание, поскольку моя книга была комментарием к Павсанию, стало излишним. Потребность в популярном справочнике была удовлетворена книгой профессора Эрнеста Гарднера *"Древние Афины"*. Однако случилось так, что по вопросу, имеющему кардинальное значение для понимания ранней истории Афин, я придерживаюсь взглядов, диаметрально противоположных обоим этим авторам. Эти взгляды я считаю необходимым изложить.

Этот кардинальный вопрос заключается в интерпретации рассказа Фукидида о характере и границах древних Афин. И доктор Фрейзер, и профессор Эрнест Гарднер придерживаются интерпретации, которая, хотя и была почти повсеместно распространена до недавнего времени, была, по моему мнению, опровергнута недавними раскопками Немецкого археологического института в Афинах и объяснением их результатов профессором Дёрпфельдом. Адекватное рассмотрение новой теории, вероятно, вряд ли можно было ожидать в такой книге, как книга профессора Гарднера, и оно там не будет найдено. Д-р Фрейзер, нет нужды говорить, изложил точку зрения профессора Дёрпфельда с полнотой и

справедливостью, насколько это было возможно в то время или соответствовало его основной цели. Но отрывок Фукидида заслуживает и требует более полного рассмотрения, чем то, которое он мог бы получить случайно в издании Павсания. Кроме того, в то время, когда д-р Фрейзер посетил Афины, раскопки были только в процессе, и их результаты еще не были полностью проработаны к моменту публикации его книги. Поэтому д-ру Фрейзеру не удалось дать в одном месте такой связный отчет о новых доказательствах и теориях, который в вопросе такого масштаба кажется желательным.

Изложенная мною точка зрения принадлежит не мне, а профессору Дёрпфельду. В свете его изучения отрывка Фукидида то, что было простым "эпизодом Эннеакруноса", интересным только для специалистов, сразу же стало жизненно важным вопросом, затрагивающим всю историю первобытных Афин. Взгляды профессора Дёрпфельда убедили меня еще до того, как они были подтверждены раскопками. Я выразил свою поддержку в книге *"Мифология и памятники древних Афин"*, но тогда я еще не понимал их полного значения. Для английских читателей эти взгляды до сих пор излагались как ересь, с которой нужно бороться, или как поспешные домыслы, нуждающиеся в сигналах опасности. Мне же кажется, что опасность заключается в другом. На мой взгляд, это тот случай, когда приверженность традиционным взглядам может привести к тому, что мы окажемся в безвыходном положении из-за наступающего потока знаний. Поэтому я излагаю взгляды профессора Дёрпфельда не апологетически, а с полным доверием, как освещающие истины, по сути, примирительные и конструктивные.

За исключением Заключения, посвященного вопросу о *метастазах*, я не добавил к топографическому аргументу ничего своего. Если местами я не смог удержаться от соблазна забрести на окольные тропы религии и мифологии, то, надеюсь, читатель простит меня, который по природе своей не топограф. Что касается топографии, то все, что я сделал, - это изложил как можно яснее и полнее несколько запутанных аргументов.

Эта задача - не очень легкая, потому что чуждая моей собственной нынешней работе - была облегчена благодаря помощи многих друзей. Профессор Дёрпфельд во время раскопок в Пергаме нашел время, чтобы ознакомиться с моими доказательствами и заверить меня, что его взгляды представлены правильно. Немецкий археологический институт щедро предоставил в мое распоряжение все свои официальные публикации, из которых в основном взяты мои иллюстрации. Аналогичные возможности в отношении раскопок Акрополя были любезно предоставлены мне д-ром Каббадиасом. Другие источники указаны вместо них. В вопросах перерисовки, реставрации и изменения планов я снова должен поблагодарить миссис Хью Стюарт за сложную и тонкую работу, которую мог выполнить только тот, кто является не только археологом, но и художником.

Мой долг, ставший уже привычным, перед доктором Верраллом будет проявляться на протяжении всей книги. Мистер Гилберт Мюррей написал для меня критическое примечание и сделал много плодотворных предложений. Мистер Ф. М. Корнфорд помогал мне на протяжении всего времени и пересмотрел все мои гранки. И наконец, за точность, которой удалось достичь при печати, я обязан мастерству и заботе университетской типографии.

ДЖЕЙН ЭЛЛЕН ХАРИСОН.

Ньюнхэм-колледж, Кембридж.
18 января 1906 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ВВЕДЕНИЕ.

стр. 1-4

ГЛАВА I.

АНТИЧНЫЙ ГОРОД, ЕГО ХАРАКТЕР И ГРАНИЦЫ.

Рассказ Фукидида. Его случайный характер и цель. Разрозненные *бурги*. *Синойкисмос*. Определение античного города. Четырехкратное доказательство его малых размеров. Древний город - это Акрополь времен Фукидида с *добавлением* "по направлению к югу". Раскопки плато Акрополя подтверждают утверждение Фукидида. Природные особенности Акрополя. Пеласгическая" окружная стена. Аналогия с другими микенскими *городами* или укрепленными холмами. Свидетельства раскопок к северу от Эрехтейона и к югу от Парфенона. Мифические мастера-строители. Гиганты и киклопы. *Пеласги* и *Пеларгои*. Аисты с *поросского* фронтона. *Пеласгикон* и *Пеларгикон*. *Дополнение* к Югу. Эннеапилай и подход к цитадели. [стр. 5-36](#)

ГЛАВА II.

СВЯТИЛИЩА В ЦИТАДЕЛИ.

Святыни "других божеств". Поздний Эрехтейон, построенный с целью оградить комплекс культов. Профессор Дёрпфельд объясняет его план. Гробница героя Кекропса. Кекропс и семейство Кекропиде. Змея-герой. Змеи *поросского* фронтона Гекатомпедона. Пандросейон. Пандрозои. Девы. *Семья*. Священная олива. Море. Знак трезубца. Его первобытное значение и связь с Посейдоном. Посейдон и Эрехтей. Афина. Геракл. [стр. 37-65](#)

ГЛАВА III.

СВЯТИЛИЩА ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЦИТАДЕЛИ.

Значение слов "к этой части". Четыре святилища (1) святилище Зевса Олимпийского, (2) Пифион. Их положение взаимозависимо. Местонахождение Пифона определено. Доказательства из "Иона" Еврипида. Длинные скалы. Свидетельства Павсания. Свидетельства недавних раскопок. Пещера Аполлона. Вотивные таблички, посвященные Фесмотее. Аполлон Патроос и Пифиос. Два святилища Зевса Олимпийского. Девкалион и Зевс Мейлихиос. Зевс и Аполлон. Ион и ионийцы. Пещера Пана. Святыни Аглароса. (3) Святыни Ге. (4) Святыни *Диониса на болотах*, которое следует отличать от святилища Диониса Элевтерия. Два праздника Диониса в Афинах. Два театра и их окрестности. Оркестр в агоре. Свидетельства раскопок. Иобакхейон и более ранний Дионисион. Ранний Дионисион - треугольный участок, содержащий винный пресс, алтарь, храм. Ленайон и Ленайя. Хитройи. Другие святилища. Аминейон. Аминос и Асклепий. Дексион. Святыни Семны Теи. Святыни Афродиты Пандемос. Свидетельства надписей. Восточное происхождение культа. [стр. 66-110](#)

ГЛАВА IV.

ИСТОЧНИК КАЛЛИРРОЭ-ЭННЕАКРУНОС "ВОЗЛЕ" ЦИТАДЕЛИ.

Источник Каллирроэ. Водоснабжение Афин. Геологическое строение *Лимны*. Место Каллирроэ, зафиксированное в скале Пникс. Усилия по укреплению водоснабжения до эпохи тиранов. Водопроводные сооружения тиранов. Поликрат на Самосе. Водовод Пейсистрата из верховьев Илисса в Пникс. Сравнение с водоводом Поликрата. Большое водохранилище. Фонтанный дом. Водные сооружения Теагена в Мегаре. Аналогия между его Фонтанным домом и Эннеакруносом. Свидетельства вазовой росписи. Центральная

площадь перед Эннеакруносом. Панафинейский путь. Агора и ее развитие. Аргументация возобновлена. [стр. 111-136](#)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. [стр. 137-158](#)

Критическое примечание [р. 159](#)

Библиография [стр. 160-163](#)

Указатели

1. Общие [стр. 164-167](#)

2. Классические авторы [стр. 167-168](#)

Статуя "Дева" с Акрополя [Фронтиспис](#)

Карта ([рис. 46](#)) [между стр. 136 и 137](#)

ВВЕДЕНИЕ.

Путешественник, впервые посетивший Афины, естественно, если он является ученым-классиком, с самого начала посвятит себя знакомству с городом Перикла. Здесь его задача не будет сопряжена с серьезными трудностями. Акрополь, каким его оставил Перикл, известен нам в достаточной степени как по литературным, так и по монументальным свидетельствам. Археологические исследования сейчас мало что могут добавить к привычной картине, и то в вопросах весьма незначительных деталей. Парфенон, Пропилеи, храм Никии Аптерос, Эрехтейон (последний, вероятно, был запланирован, хотя, конечно, не выполнен Периклом) все еще остаются для нас; их планы и их реставрации по большей части являются архитектурной уверенностью. Более того, даже за пределами Акрополя положение и границы города Перикла достаточно хорошо выяснены. Сам Акрополь, как мы знаем, был укрепленным святилищем внутри большого города, обнесенного стеной. Этот город, по словам оракула в Геродоте^[1], лежал "в форме колеса" вокруг оси священного холма. То тут, то там виднеются части внешней стены, а фундамент великих Дипилонских ворот отчетливо виден и отмечен в каждом путеводителе. Внутри контура этих стен, во внутреннем Керамейкосе, межевой камень которого до сих пор сохранился, находилась агора. Снаружи все еще можно увидеть древнее кладбище с его улицей гробниц.

Если симпатии ученого распространяются на римскую эпоху, у него все еще есть все необходимое для создания мысленной картины. На извилистых улицах современных Афин его постоянным ориентиром является прекрасная Башня Ветров; Адриан с его Олимпией, триумфальной аркой, библиотекой встречается с ним на каждом шагу; когда он идет на большой стадион, чтобы посмотреть "Олимпийские" игры или возрожденную "Антигону", когда он смотрит с Акрополя на огромный Одеон, Ирод Аттикус не может быть забыт. Более того, если он действительно хочет узнать, какими были Афины в римские времена, ученый может оставить позади себя Муррея и Бедекера и взять в качестве единственного гида современника Адриана, Павсания.

Но возвращаясь, как он неизбежно будет делать, снова и снова к Акрополю, ученый постепенно начнет осознавать, пусть и смутно, другие, более ранние Афины. На своем плане Акрополя он найдет отмеченные фрагменты очень ранней кладки, которые, как ему скажут, являются "пеласгийскими". Пройдя к югу от Парфенона, он наткнется на глубокие котлованы, обнесенные перилами, и внутри них увидит следы этих "пеласгийских" стен и других кладок,

о которых в путеводителе сказано не слишком подробно. К югу от Пропилеи, к его большому удовлетворению, он находит цельный кусок пеласгической стены, все еще находящийся над землей. К востоку от Эрехтейона он увидит вырубленную в скале лестницу, которая когда-то, как он узнает, вела вниз из дворца древних доисторических царей, "крепкого дома Эрехтея". К югу от Эрехтейона он с некоторым усилием может различить план раннего храма; ему говорят, что здесь есть основания колонн, относящихся к еще более раннему сооружению, но их, вероятно, ему не удастся найти.

При всех своих усилиях он может составить лишь смутную картину этого раннего Акрополя, этой цитадели до персидских войн. Вероятно, он мог бы оставить этот вопрос как представляющий лишь антикварный интерес - вопрос, который следует скорее отметить, чем осознать, - но следующий опыт приносит неожиданное откровение. Умело скрытый от глаз, чтобы не мешать его восприятию периклеанских Афин, небольшой Музей Акрополя. Войдя в него, он на мгновение оказывается в тех других, более ранних Афинах, которые смутно различал, и тут же узнает их, не как мир планов и фрагментарных пеласгических укреплений, а как царство искусства и человечества, яркое по цвету и красоте.

Проходя в нетерпении по передним залам, он на ходу бросает взгляд на огромного синего льва и быка, на клубок грозных разноцветных змей, на длиннокрылых птиц с добычей в клюве и когтях; Он остановится, чтобы улыбнуться в ответ трем добродушным "синегородам", обрадуется, увидев, что знакомый теленок нашел свои ноги и свое имя, заметит длинные ряды торжественных вотивных терракот, и, наконец, предстанет перед теми Девами-образами, которые среди всего этого цветного архитектурного великолепия были посвящены поклонению Деве. Персы изгнали их, Перикл оставил их валяться под ногами, но их античная прелесть осталась нетронутой и сохранилась. Они живы, они все еще ждут, в тихом, намеренном ожидании, но не для нас. Мы выходим из их присутствия, как из святилища, и отныне каждый камень пеласгийской крепости, где они обитали, для нас священен.

Но если он покинет этот музей с новым энтузиазмом, полный решимости узнать все, что можно узнать о том античном мире, то на пороге своего исследования ученый непременно встретит трудности и разочарование. Трудности - потому что информация, которую он ищет, рассеяна в массе иностранной периодической литературы, немецкой и греческой; разочарование - потому что на простые вопросы, которые он хочет задать, он не может получить четкого, прямого ответа. Он хочет знать, каковы были природа и размеры древнего города, распространялся ли он за пределы Акрополя, если да, то в каком направлении и как далеко? каковы были примитивные святилища внутри пеласгических стен, какие, если таковые имелись, находились снаружи и где? Где находился древний городской колодец (Kallirrhoe), где агора, где та примитивная орхестра, на которой до постройки большого театра проходили драматические состязания? Сразу же он оказывается в самом котле споров. Одни относят древнюю агору к северу, другие - к югу, третьи - опять к западу. К своему удивлению, он обнаруживает, что вопрос о ее расположении неразрывно связан с вопросом о том, где находится Эннеакрунос, фонтан, с которым до сих пор он не был слишком хорошо знаком; одно лишь упоминание об Эннеакруносе вызывает либо бурное обсуждение, либо, что еще хуже, ледяное молчание.

Эта атмосфера споров, наэлектризованная личными предрассудками, как ни возбуждает она исповедующего археологию, повергает ученого в глубокое уныние. Его заботит не *jurare in verba magistri* - он хочет знать не *кто*, а *что* правильно. Он задается только двумя вопросами. Первый, и, возможно, для него не слишком важный: что в отношении первобытного города представляют собой литературные свидетельства самих древних, и желательно свидетельства не схолиастов и лексикографов, а классических писателей,

которые знали и жили в Афинах, Фукидида, Павсания? Во-вторых, что к этим литературным свидетельствам добавили монументальные свидетельства, полученные в результате раскопок?

Именно для ответа на эти два вопроса и написаны следующие страницы. Настоящий автор убежден, что споры по поводу основных контуров картины, хотя, возможно, вначале и неизбежные, при имеющемся сейчас материале являются анахронизмом; что факты выделяются ясно и четко, и что между литературными и монументальными свидетельствами нет никаких расхождений. Поэтому план, принятый на вооружение, будет состоять в том, чтобы изложить как можно проще то, что представляется установленной истиной о древнем городе, и изложить эту истину, не обремененную разногласиями. Затем, и не раньше, будет полезно упомянуть другие существующие мнения и кратко рассмотреть, каковы, по-видимому, ошибки в методе, которые привели к их принятию.

ГЛАВА I. ДРЕВНИЙ ГОРОД, ЕГО ХАРАКТЕР И ГРАНИЦЫ.

По редкой счастливой случайности мы имеем от самого Фукидида сведения о характере и размерах города Афин во времена царской власти. Этот рассказ, правда, не столь ясен в деталях, как хотелось бы, но в общих чертах он ясен и ярок. Для ученого воспоминание об этом рассказе - как луч света во тьме. Если он не может найти дорогу в лабиринтах археологических споров, то, по крайней мере, его дело - читать Фукидида и надеяться понять его.

Рассказ о первобытных Афинах носит случайный характер. Фукидид рассказывает, как во время Пелопоннесской войны, когда враг собирался на перешейке и нападение на Аттику казалось неминуемым, Перикл посоветовал афинянам покинуть свои загородные дома и укрыться в городе. Афиняне были убеждены его доводами. Они отправили своих овец и скот на Эвбею и острова; они снесли даже деревянные постройки своих домов, а сами, с женами, детьми и всем своим движимым имуществом, переселились в Афины. Но, говорит Фукидид[2], это "бегство" далось им нелегко, и почему? Потому что "они всегда, большинство из них, привыкли к деревенской жизни".

Эта привычка "жить в поле", эта деревенская жизнь, продолжает Фукидид, была не вчерашним делом; она была такой с древнейших времен. На протяжении всего царствования от Кекропса до Тесея люди жили разрозненно, небольшими общинами - "деревенскими общинами", как мы ожидаем услышать от него, поскольку он настаивает на привычке к деревенской жизни; но, хотя он знает слово "деревня" (κῶμη) и использует его при обсуждении Лаконии в другом месте[3], здесь он его не употребляет. Он говорит, что жители Афин жили "в городах" (κατὰ πόλεις), или, как было бы безопаснее перевести, "в бургах".

Прежде всего, необходимо четко понимать, что означает слово *polis*. Мы используем слово "город" в противоположность деревне, но из рассказа Фукидида ясно, что люди могли жить в *полисе* и при этом вести сельскую жизнь. Наше слово "город" еще менее уместно; "город" для нас означает очень большой населенный пункт, место, где люди живут тесно друг к другу. *Полис*, как использует это слово Фукидид, представлял собой сообщество людей, живущих на укрепленном холме или цитадели и непосредственно вокруг них - цитадель-

община. Жизнь в такой общине была, по сути, деревенской. *Полис* - это цитадель, только в нашем слове "цитадель" слишком много военных ассоциаций.

Афины во времена Кекропса и других царей вплоть до Тесея были одной из многих других цитаделей-общин или бургов. Как и у других разбросанных бургов, таких как Афидна, Торик, Элевсис, у нее было свое местное самоуправление, свой дом совета, свои магистраты. Эти цитадели-общины были настолько независимы, что, как рассказывает Фукидид, однажды Элевсис при Эвмолпосе фактически вступил в войну с Афинами при Эрехтее.

Так продолжалось до правления Тесея и его знаменитого Синоикисмоса, "Жилища-вместе" или "Объединения". Тесей, по словам Фукидида, был человеком идей и силы характера, необходимой для их осуществления. Он заменил одного на многих; он покончил с маленькими местными советами и домами советов и сосредоточил управление Атикой в Афинах. Где есть правительство, туда, естественно, стекается население. Люди стали съезжаться в Афины, и для определенной части населения городская жизнь стала модной. Тогда, и только тогда, город стал "великим", и этот "великий" город Тесей передал потомкам. "И с того времени и по сей день афиняне празднуют богине за государственный счет праздник, называемый Жилище-объединение[4]".

Один единый город и одна богиня, *богиня*, которая не нуждается в имени. Свое единство и величие афиняне вряд ли забудут, но вспомнят ли они время до объединения, когда Афины были всего лишь Кекропией, одной из многих разбросанных цитаделей-общин? Вспомнят ли они, насколько малым было их собственное начало, насколько ограниченным был их город, насколько невозможным - ведь именно об этом идет речь - было то, что он должен был содержать в своем узком кругу большое городское население? Фукидид явно боится, *что не вспомнят*. Многие препятствовало такому пониманию. Стены Фемистокла, когда Фукидид писал, окружали *полис*, который был не намного меньше современного города; стены более ранней общины, старого небольшого бурга, были частично разрушены. Поэтому для того, чтобы историк мог ясно выразить свою мысль - о малочисленности древнего бурга и его непригодности для городской жизни, - ему необходимо было определить его границы. К этому он сразу же и приступает. Вся наша дискуссия будет сосредоточена вокруг его определения и описания, и вначале необходимо привести этот отрывок полностью. Сразу же после упоминания о празднике "Жилища", посвященном "богине", Фукидид[5] пишет следующее:

"До этого то, что сейчас является цитаделью, было городом, вместе с тем, что находится под ним по направлению к югу. Доказательства таковы. Святилища находятся в самой цитадели, в том числе и других божеств[6] (например, богини). А те, что снаружи, расположены в этой части города больше (чем в других местах). Таковы святилище Зевса Олимпийского, и Пифион, и святилище Ге, и святилище Диониса-в-болотах (которому посвящается древнейший праздник Дионисия в 12-й день месяца Антестериона, как это принято и по сей день у ионийских потомков афинян); здесь же находятся и другие древние святилища. А источник, который сейчас называется Девятиструйным, от формы, которую ему придали деспоты, но который раньше, когда источники были открыты, назывался Прекрасным Фонтаном - этот источник (я говорю), находясь рядом, они использовали для самых важных целей, и даже сейчас еще сохранился обычай, происходящий от древней (привычки), использовать воду перед свадьбами и для других священных целей. Из-за древнего поселения здесь цитадель (как и нынешний город) афиняне и по сей день называют городом".

Несмотря на некоторые неясности, вызванные в основном характерной для Фукидида чрезмерной конденсацией стиля, основная цель аргументации ясна. Фукидид, как мы помним, хочет доказать, что город до Тесея из-за своих малых размеров не мог вместить большое городское население. Но поскольку современникам Фукидида этот небольшой размер был не очевиден, он приступает к определению границ древнего города. Он делает заявление и подкрепляет его четырьмя доказательствами.

Он утверждает, что *древний город состоял из нынешней цитадели и того, что находится под ней по направлению к югу*. Четырехкратное доказательство заключается в следующем:

1. В самой цитадели находятся святилища других божеств, а также Богини.
2. Те древние святилища, которые находятся снаружи, расположены в этой части нынешнего города больше, чем в других местах. Приводятся четыре примера таких внешних святилищ.
3. Неподалеку находится источник, издревле использовавшийся для самых важных целей и до сих пор используемый в священных случаях.
4. Цитадель, как и нынешний город, еще во времена Фукидида называлась "городом".

Начнем с утверждения о границах города. Только после того, как мы четко поймем, что именно утверждает Фукидид, как много и как мало, мы сможем правильно взвесить четыре доказательства, которые он предлагает в поддержку своего заявления.

До этого то, что сейчас является цитаделью, было городом, вместе с тем, что находится под ним по направлению к югу". Город до Тесея был цитаделью или акрополем времен Фукидида, плюс что-то еще. Цитадель или акрополь не нуждались тогда и не нуждаются сейчас в дополнительном определении. Под ним явно подразумевается не весь холм до основания, а плато на вершине, огороженное стенами Фемистокла и Кимона вместе с фортификационными сооружениями на западном склоне, сохранившимися и во времена Фукидида. Но вторая, второстепенная часть утверждения менее четко определена. Слова не дают и не предполагают, по крайней мере, для нас, какой бы то ни было линии окружности; только направление, и то достаточно расплывчатое: "примерно на юг". В такой момент ученый, естественно, задается вопросом: а есть ли у археологии что сказать?

Но прежде чем задать этот вопрос и ответить на него, следует отметить, что из одной только формы предложения можно сделать определенный вывод. То, что нынешняя цитадель находится на одной территории со старым городом, является главным утверждением. Нам кажется, что Фукидид мог бы остановиться на этом и все же донести свою мысль, а именно о малости этого древнего города. Но Фукидид - человек осторожный, он помнит, что эти два города не совсем соразмерны. К старому городу следует отнести еще часть под цитаделью (τὸ ὑπ' αὐτήν), часть, которую, как будет видно позже, его читатели могли забыть; поэтому он добавляет ее к своему изложению. Но, судя по тому, как она навешена, мы, естественно, должны понимать эту часть как "не только подчиненную акрополю, но и каким-то образом тесно с ним связанную". По отношению к акрополю эта дополнительная территория, чтобы оправдать расположение слов Фукидида, должна быть частью не большой и не самостоятельной[7]".

Итак, многое можно почерпнуть из текста; пора посмотреть, какие дополнительные свидетельства принесет археология.

Фукидид был, по его мнению, скрупулезно точен. Однако по природе вещей он не мог быть строго точным в отношении границ древнего города. Необходимые памятники к его времени

были спрятаны глубоко под землей. Его первое и главное утверждение, что одна часть старого города была соразмерна с цитаделью его времени, не совсем верно. Эта верхняя часть старого города была гораздо меньше; тем лучше для его аргументации, если бы он знал об этом! Благодаря систематическим раскопкам мы знаем о границах старого города больше, чем сам Фукидид, и любопытно, что эти более точные и очень недавние знания, хотя и заставляют нас уличить Фукидида в реальной и неизбежной неточности, дают нам также причину его осторожности. Это объясняет нам, почему к своему заявлению о городе и цитадели он осторожно *добавляет* несколько туманное *дополнение*: "вместе с тем, что находится под ним по направлению к югу".

Сегодня вершина Акрополя предстает перед нами как ровное плато, полого склоняющееся на запад к Пропилеям, и это плато окружено крепостными стенами, чьи четкие прямые линии свидетельствуют о том, что они искусственные. Очень похожим во всех отношениях был вид холма для современников Фукидида, но таким не был древний Акрополь. О том, каким был первобытный холм, свидетельствуют раскопки, проведенные греческим правительством в 1885-1889 годах. Экскаваторы, за исключением тех случаев, когда им мешали фундаменты зданий, везде докопались до живой породы, каждая горсть *обломков* была тщательно изучена, и теперь ничего больше не осталось для открытия.

Когда путешественник впервые достигает Афин, он настолько впечатлен неожиданной высотой и доминирующим положением Ликабеттуса, что удивляется, почему он играет столь незначительную роль в классической летописи. Платон[8], по-видимому, считал, что Ликабетту трудно обойти стороной. В своем описании первобытных Афин он говорит: "В старые времена холм Акрополя простирался до Эридана и Илисса и включал Пникс с одной стороны и Ликабеттус как границу на противоположной стороне холма", и в этом описании Платона есть некая грубая геологическая справедливость. Все эти холмы - отроги последнего отростка Пентелика, известного в наше время как Турковуни. Однако для мудрой Афины Ликабеттус был лишь строительным материалом; она несла холм по воздуху, чтобы укрепить свой Акрополь, когда встретила ворона[9], который сообщил ей, что непослушные сестры открыли сундук, и тогда она уронила Ликабеттус и оставила его... воронам.

Немного поразмыслив, можно понять, почему был выбран Акрополь, а Ликабеттус остался. Ликабеттус - хороший холм, чтобы подняться на него и полюбоваться закатом. Он не имеет достаточно ровного пространства для поселения. Акрополь обладает двумя *необходимыми качествами* древнего города - пространством, на котором можно поселиться, и удобством обороны.

Акрополь, каким его нашли первые поселенцы во времена неолита, представлял собой, как видно на [рис. 1](#), длинный скалистый хребет, изломанный через определенные промежутки[10]. На него можно было легко подняться только с западной и юго-западной сторон, остальные стороны были повсеместно обрывистыми, хотя местами и не совсем недоступными. Для первобытного поселения это была идеальная ситуация. Поселенцам оставалось сделать две вещи: во-первых, выровнять поверхность, отколов зазубренные скалы и засыпав трещины землей и камнями, чтобы сделать площадки для своих домов и святилищ; во-вторых, дополнить то, что уже сделала природа, укреплением; то тут, то там сделать крутые скалы более крутыми, построить стену вокруг своего поселения, и, прежде всего, укрепить западный и юго-западный конец и построить неприступные ворота. Клейдемос[11], писавший в пятом веке до нашей эры, говорит: "Они выровняли Акрополь и сделали Пеласгикон, который они построили вокруг него девятигранным". Они выровняли поверхность, они построили вокруг нее стену, они оснастили крепостную стену воротами.

Для удобства мы начнем со стены. Прослеживая ее ход, процесс выравнивания виден наиболее отчетливо. Вопрос о воротах будет рассмотрен в последнюю очередь.

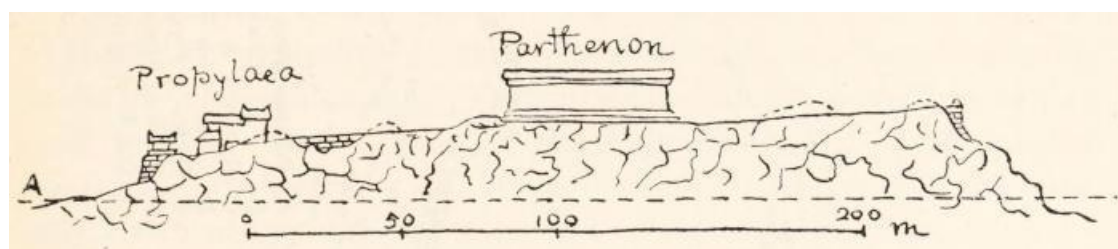

Рис. 1.

На плане на [рис. 2](#) показано, что открыли раскопки древней пеласгийской крепости. Мы сразу же видим неточность главного утверждения Фукидида. Не "то, что сейчас является Цитаделью", было основной частью старого города, а нечто существенно меньшее, меньшее примерно на одну пятую часть общей площади. Мы также видим, что этого Фукидид знать не мог. Пеласгическая стена, повторяющая изломанные очертания естественной скалы, в его времена была перекрыта искусственной платформой, доходившей повсюду до стены Кимона. В одном месте, и только в одном, во времена Фукидида пеласгическая стена попала в поле зрения, и там она до сих пор остается над землей, как и всегда, за исключением тех случаев, когда ее временно закрывали турецкие сооружения. Этот видимый фрагмент - большой фрагмент (A), шириной 6 метров, к югу от нынешней Пропилеи и рядом с более ранними воротами (G). Во времена Фукидида он возвышался на несколько метров. Об этом у нас есть четкие монументальные свидетельства. Юго-восточный угол стены юго-западного крыла нынешней Пропилеи скошен[12] так, чтобы прилегать к этой пеласгической стене, и скос можно увидеть и сегодня. Эта часть пеласгической стены отличается исключительной прочностью и толщиной, несомненно, потому, что она была частью укреплений ворот, естественной точкой нападения.

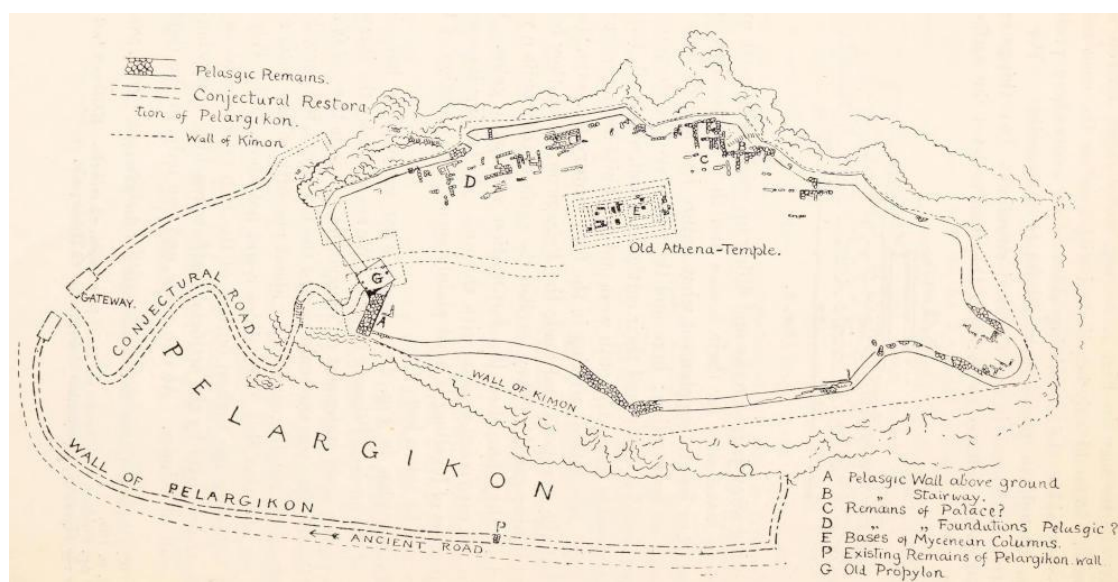

Рис. 2.

За этим единственным исключением пеласгические стены лежат сейчас, как и во времена Фукидида, ниже уровня нынешнего холма, и об их существовании до начала раскопок можно было лишь смутно догадываться. Литературная традиция гласила, что существовала кольцевая стена, но где она проходила, можно было только догадываться; ушедшие ученые даже помещали ее *под* Акрополем. Теперь очертания, хотя и далеко не полные, достаточно ясны. На юге и юго-западе Парфенона, как видно на плане, сохранились значительные остатки, и то, что исчезло, можно легко восполнить. С северной стороны остатки скудны. Причина очевидна: линия пеласгических укреплений на юге проходит по линии стены Кимона; пеласгическая стена была засыпана, но не разрушена намеренно. На севере она совпадала со стеной Фемистокла, и поэтому, по большей части, была снесена или использовалась в качестве фундамента.

Но не менее очевидно, что центр тяжести древнего поселения находился к северу от плато. Хотя северная стена была разрушена, именно на этой северной стороне были обнаружены остатки, которые *могут* принадлежать царскому дворцу. План этих останков не может быть детально разобран, но общая аналогия кладки с Тирином и Микенами не оставляет сомнений в том, что перед нами остатки "микенской" эпохи. К северо-востоку от Эрехтейона находится вырубленная в скале лестница (В), ведущая вниз через естественную расщелину в скале на равнину. Как и в Тирине и Микенах, поселение на Акрополе имело не только большие входные ворота, но и второй, меньшего размера, доступный только для пеших пассажиров, и, возможно, предназначенный только для правителей.

Хотя остатки этого поселения неполны, сам факт его существования и близкая аналогия с дворцами Тирина и Микен представляют собой бесценную ценность. Древние Афины перестали быть чем-то самостоятельным, они встали в один ряд со всеми другими древними "микенскими" укрепленными холмами, с Торикой, Ахарной, Афидной, Элевсисом. Цитадель Кекропса отныне - цитадель Агамемнона и цитадель Приама. Крепкий дом Эрехтея - это не храм, а жилище царя. Кроме того, мы имеем дело не с городом в современном понимании, имеющим неопределенные размеры, а с компактным укрепленным бургом.

Фукидид, несомненно, виновен в некоторой неточности в деталях, но в главном своем утверждении, как видно, строго прав: *"То, что сейчас является цитаделью, было городом"*. Укрепив это в своем сознании, мы можем вернуться к рассмотрению его неточности в деталях. Рассмотрев некоторые части пеласгической стены более внимательно, мы поймем, насколько меньше было пространство, которое она окружала, чем Акрополь, известный Фукидиду.

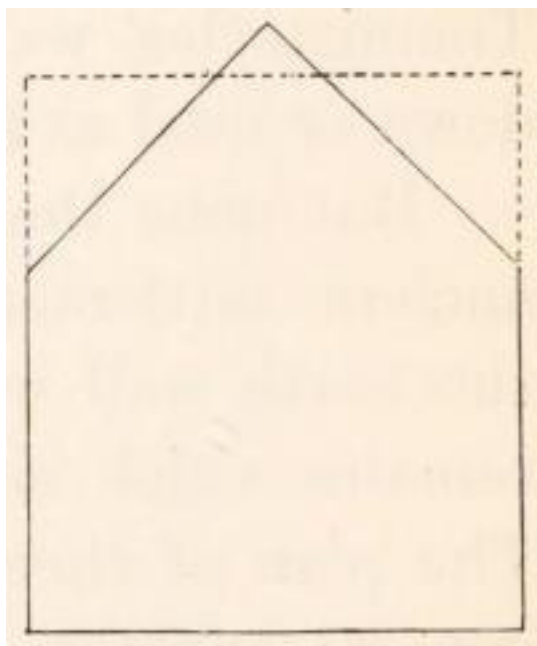

Рис. 3.

Общая форма холма и его последующие изменения лучше всего видны на простой иллюстрации доктора Дёрпфельда[13]. Представляя собой вертикальный срез естественной скалы, она имеет форму дома (рис. 3) с обычной двускатной крышей. Стороны дома представляют собой крутые недоступные скалы на севере, юге и востоке; линии крыши наклонены, как линии верхней части холма, сходящиеся в середине. Если предположить, что боковые стороны дома поднимаются вверх до высоты конька крыши, а образовавшееся треугольное пространство заполняется, мы получим состояние Акрополя, когда стены Кимона были завершены. Заполнение этих пространств - это история постепенного "выравнивания поверхности холма, работа многих сменяющих друг друга поколений". Сечение на рис. 4 показывает, что это выравнивание пришлось делать в основном северной и южной сторонах; на востоке и западе живая порода находится близко к поверхности.

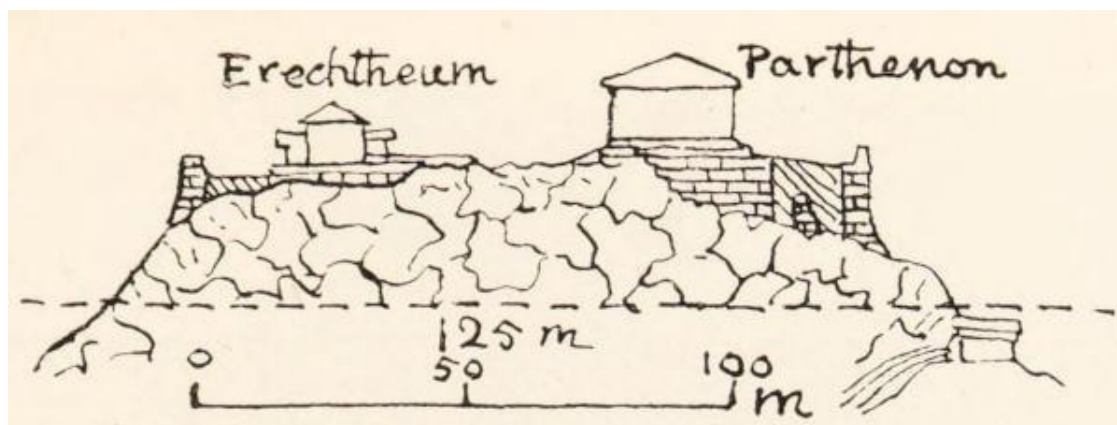

Рис. 4.

Уже отмечалось, что на северной стороне Акрополя фактические остатки пеласгийской стены немногочисленны и незначительны; но поскольку стена Фемистокла, которая заменила ее, повторяет контуры скалы, мы можем быть уверены, что здесь они почти совпадали. Стена Фемистокла и по сей день остается вечным памятником бедствия, причиненного персами. В нее напротив Эрехтея, не случайно, а для выразительной памяти, вмонтированы фрагменты архитрава, тригливов и карниза из камня порос, а также

мраморные метопы из старого храма Афины, который персы сожгли. Другие памятники лежали незаметно, и о них стало известно благодаря раскопкам 1886 года. Экскаваторы[14] расчищали площадку к северо-востоку от Пропилеев. 6 февраля на глубине 3-4½ метров под поверхностью они наткнулись на четырнадцать "Дев"[15]. На разрезе[16] на [рис. 5](#) показано место, где они спали своим долгим сном. Нам хотелось бы думать, что они были положены там в полном благоговении перед своей красотой, но суровые факты заставляют нас признать, что, хотя их захоронение могло быть вызвано отчасти благоговением перед их святостью, практичный афинянин не отказался от использования их в качестве материала для выравнивания.

Отложение, как хорошо видно, состояло из трех пластов. Каждый слой состоял из статуй и фрагментов статуй, надписей на основаниях, горшков, обугленного дерева, камней и земли. Каждый слой, и это очень важный факт, отделен от вышележащего тонким слоем щебня, отбросов материала, использованного в стене Фемистокла. Вывод для архитектора очевиден. При строительстве стены, возможно, для экономии средств, не использовались строительные леса; но после укладки нескольких ярусов земля внутри была выровнена, и для этой цели что могло быть лучше, чем статуи, сбитые персами? Безголовые, безрукие, их святость исчезла, а красота осталась без внимания. В самом верхнем из трех пластов - пласте, который дал первую находку "Девы" - был найден клад монет: тридцать пять аттических тетрадрахм, две драхмы и двадцать три оболы. Все они относятся ко времени Солона, за исключением восьми обол, которые датируются несколько раньше. Кроме "Дев", на северной стороне Акрополя были обнаружены и другие памятники, многие бронзовые, среди которых прекрасная плоская Афина[17], красивая терракотовая доска[18] с фигурой гоплита и бесчисленные вотивные терракоты.

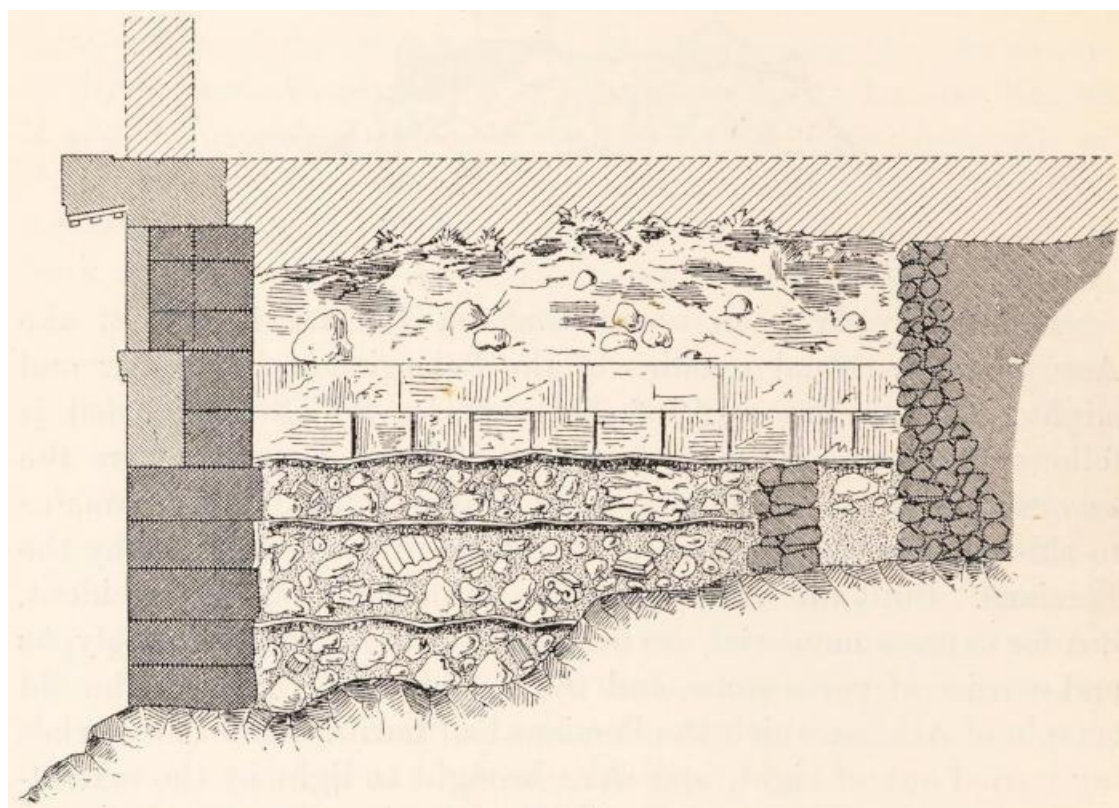

Рис. 5.

Раскопки на южной стороне Акрополя принесли много ценного как для искусства, так и для науки, а для наших знаний о масштабах пеласгийских укреплений - результаты первой

важности. В разрезе на [рис. 7](#), сделанном на сайте в юго-восточном углу Парфенона, показано положение дел. Этот разрез следует сравнить с видом на [рис. 6](#).

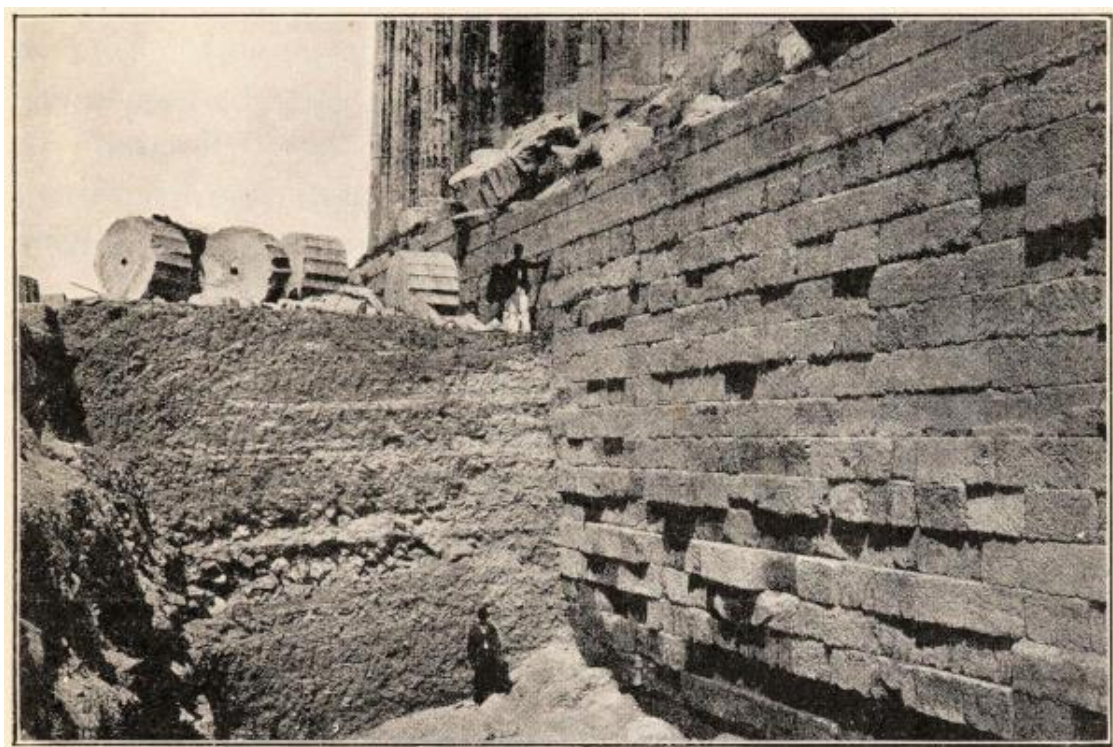

Рис. 6.

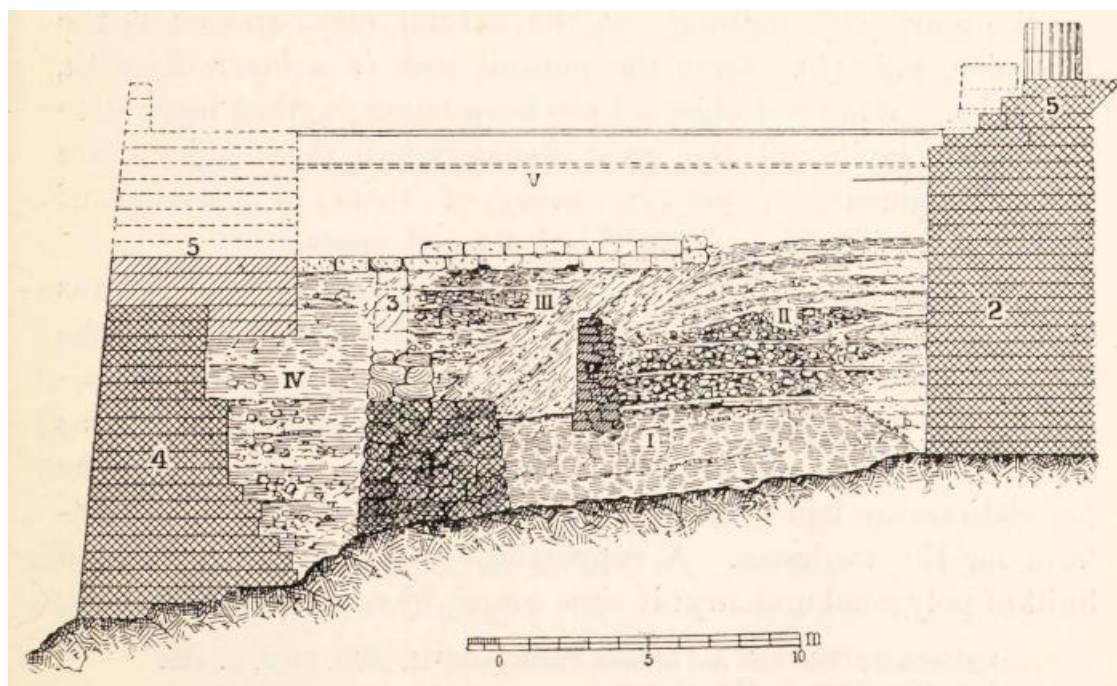

Рис. 7.

Кладка, отмеченная цифрой 2, - это фундамент, глубокий и массивный, превосходящий все ожидания, заложенный не для Парфенона, каким мы его знаем, а для более раннего Парфенона, начатого еще до Персидской войны, которому не суждено было завершиться. В 4 мы видим великую Кимонскую стену в том виде, в каком она существует сегодня, хотя и заслоненная средневековой оболочкой. Все это, если мы хотим представить себе первобытные Афины, мы должны продумать. Дата возведения стены Кимона, конечно,

приблизительно определена как вскоре после 469 года до н. э., фундамент раннего Парфенона, безусловно, находится до Персидской войны, возможно, после даты Писистрата. Мы можем, хотя и не вполне определенно, отнести их ко времени первой демократии, деятельности Клейстена[19], периоду, когда были построены театральный Пникс, новая агора в Керамейкосе и Стоа афинян в Дельфах. Лаурия только начала давать серебро из своих шахт. Фемистокл, до и после войны, был сторонником фортификации; алкмеонид Клейстен, возможно, потакал наследственной склонности к строительству храмов.

Датировка ранних храмовых фундаментов не имеет для нас особого значения. Их важность заключается в том, что, если бы не строительство Парфенона, раннее и позднее, у нас, по-видимому, никогда не было бы больших изменений и дополнений к южной стороне холма, и древняя пеласгийская стена никогда не была бы засыпана. Давайте посмотрим, как это произошло[20].

Начнем с того, что у нас нет ничего, кроме природной скалы, а на ней - пеласгийской стены (1). Поверх естественной скалы находится слой земли, обозначенный I. Все предметы, найденные в этом слое, датируются временем до закладки большого фундамента; в основном это фрагменты керамики, многие из которых имеют "микенский" характер, и несколько обычных чернофигурных ваз.

Решено построить большой храм, и начинается закладка фундамента. Местность быстро уходит под уклон, поэтому южная сторона храма должна быть основана на искусственной платформе. В слое земли выкапывается траншея (b); затем, как и на северной стороне холма, не используются строительные леса, но, поскольку фундамент закладывается постепенно, обломки используются в качестве платформы для рабочих. Необходима опорная стена (2), которую строят из многоугольной кладки; она поднимается ход за ходом, соответствуя платформе из обломков. И тут происходит то, чего можно было ожидать, но, видимо, не предвиделось. Стройная стена не может быть поднята выше, и примерно на втором ходе на нее наваливается безопорный *дебрис*, как показано на III.

Обломки, ничем не сдерживаемые, обрушились вплоть до старой пеласгийской стены. Насколько высокой она была первоначально, сейчас сказать невозможно; но, судя по тому, что за пределами опорной стены слои *обломков* снова лежат горизонтально, и по аналогии с другим участком, взятым дальше к западу, который здесь обсуждать не нужно, можно предположить, что старая стена была поднята несколькими новыми курсами, и что более высокие из них были из четырехугольных блоков, как показано на рис. 7.

Пока что все, что было сделано, - это поднятие старой пеласгийской стены и выравнивание террасы до новой высоты. То, что эти террасы поднимались шаг за шагом вместе с фундаментом Парфенона, очевидно. Между каждым слоем земли и фрагментов порося - как мы видели в аналогичных обстоятельствах на северной стене (стр. 15) - находится слой осколков и фрагментов камней, использованных при строительстве фундамента. Это хорошо видно на II. в разрезе на рис. 7.

Может показаться странным, что Клейстен или тот, кто строил более ранний Парфенон, не воспользовался сразу же Пеласгийской стеной и смело не навалил свою террасу на ее опору. Но следует помнить, что пространство между Парфеноном и Пеласгийской стеной было очень велико; для заполнения такого пространства потребовалось бы огромное количество *обломков*, и, вероятно, было экономичнее построить многоугольную опорную стену ближе к Парфенону. В любом случае совершенно ясно, что многоугольная стена не была временной конструкцией. Ее фасад показывает, что ее хотели видеть, а то, что терраса

предназначалась для постоянного использования, ясно из того, что она соединена лестницей с нижней террасой под Пеласгической стеной (рис. 8). Очевидно, что тот, кто проектировал эти ступени, не предполагал, что нижняя терраса будет выровнена.

Несомненно, тот, кто заполнил террасу до высоты пеласгийской стены, считал свою работу завершённой. Но Кимон думал иначе. Мы точно знаем, что именно он построил великую завершающую стену, которая сохранилась до наших дней, хотя и частично скрыта средневековой обшивкой Рис. 7 (4). Плутарх[21] рассказывает, что после битвы при Эвримедоне (469 г. до н. э.) в результате продажи трофеев персов было собрано столько денег, что народ смог позволить себе построить южную стену. Мы также знаем, что эта стена Кимона была, по крайней мере, не только укреплением, но и подпорной стеной для большой террасы. Для заполнения пространства между пеласгийскими укреплениями и собственной стеной у Кимона было, к сожалению, достаточно материала. У него были обломки, оставленные персами после разграбления Акрополя. Фрагменты скульптуры и архитектуры, сохранившие следы пожара, находятся в слоях, обозначенных как IV, и только в них, поскольку только эти слои были заложены после Персидской войны[22]. Последние ярусы "стены Кимона" (5) были заложены Периклом, и именно он окончательно засыпал террасу до ее нынешнего уровня (V).

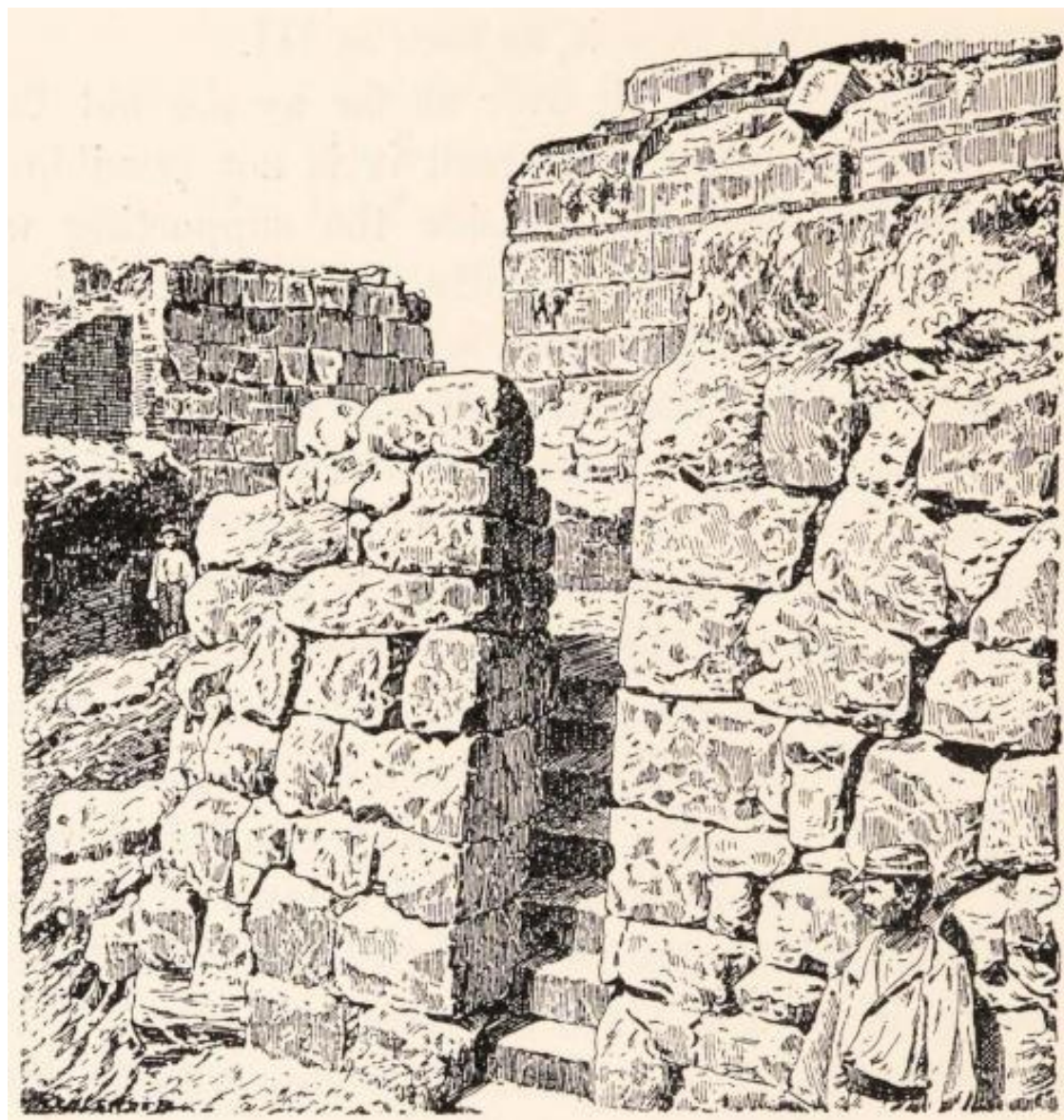

Рис. 8.

Взаимосвязь последовательных стен и террас показана на плане земли на [рис. 9\[23\]](#). Двойные заштрихованные линии от А до Е и D показывают неровный ход старой пеласгической стены. Пунктирными линиями от В до F показана многоугольная опорная стена первой террасы. Как видно, она шла почти параллельно Парфенону. Ее ход теряется из виду после того, как она проходит под новым музеем, но первоначально она, несомненно, соединялась с пеласгической стеной в точке С. В точке В находилась лестница, соединяющая две террасы. Затем наступило время, когда по мере обрушения обломков стены потребовалось больше места, и часть Пеласгической стены была использована и поднята. Это показано толстой черной линией от В до Е, совпадающей с пеласгической стеной; кладка здесь была из четырехугольных блоков *poros*. Совпадение с пеласгической стеной было лишь частичным. На GH торчал независимый угловой форпост, и снова на EF новая стена отделена от старой; на FD она совпадала с более ранней полигональной стеной террасы. Стена Кимона обозначена внешними двойными линиями, а в пространстве между этими линиями и стеной НЕК лежали обломки Персидской войны. Над этим обломком лежал еще более поздний слой, отложенный во время строительных работ Перикла.

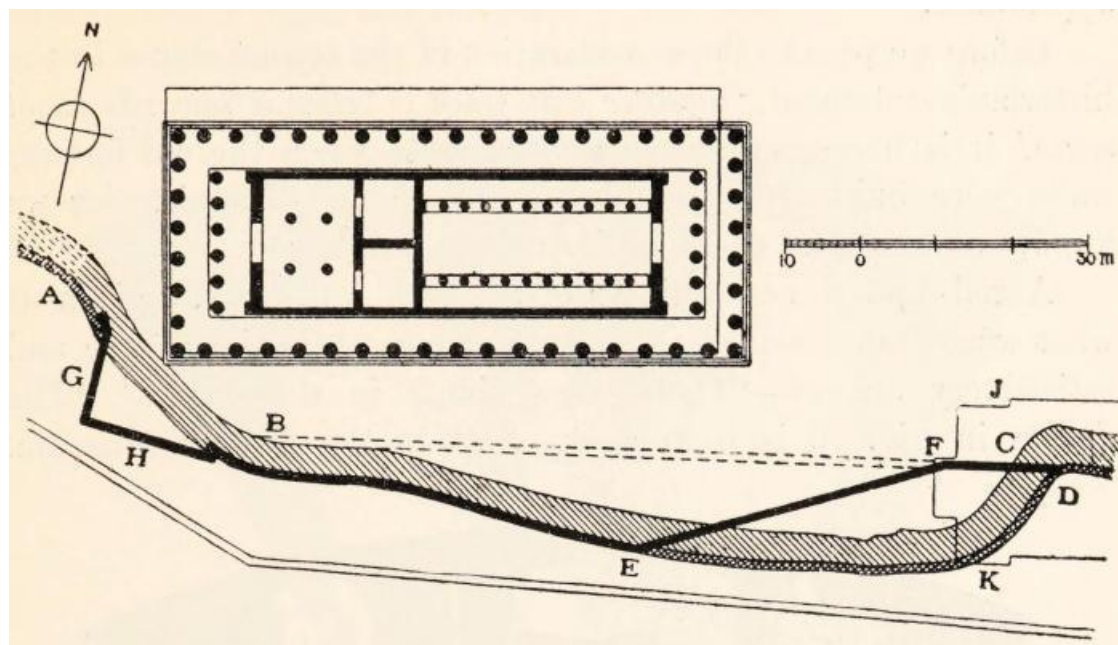

Рис. 9.

Различные террасы и стены были рассмотрены несколько подробнее, поскольку их изучение помогает нам как ничто другое осознать, насколько искусственным сооружением является южная сторона Акрополя, а также - что для нас имеет первостепенное значение - насколько раннее состояние холма отличалось от его более позднего вида.

Прежде чем перейти к рассмотрению второго пункта в утверждении историка, *"вместе с тем, что находится под ним по направлению к югу"*, необходимо сказать пару слов о том, когда и кем были построены старые крепостные стены. Кимон и Фемистокл нам известны, но кто были эти более ранние мастера-строители?

Краснофигурный вазописец V века до н. э. дает нам то, что современному афинянину показалось бы безопасным и удовлетворительным ответом: *"В те времена были гиганты"*. Изображение на [рис. 10](#) взято с скифоса[24] в Луврском музее. Афина собирается укрепить выбранный ею холм. Она не носит эгиды, так как ее работа мирная; она воткнула свое копье в

землю, возможно, в качестве измерительного жезла, и выбрала себе работника. За ней трудится великан, над которым начертано имя *Гигас*, несущий огромный "циклопический" камень. Она указывает рукой, где он должен его положить.

Рис. 10.

На аверсе той же вазы (рис. 11) изображена сцена аналогичного значения. По обе стороны от небольшого дерева, обозначающего лесной фон, стоит человек довольно дикого и неопрятного вида. Мужчина слева бородат, и на его имени написано *Phlegyas*. Правый мужчина моложе и явно напоминает гиганта с аверса. Он показывает Флегиасу какой-то предмет, который они оба рассматривают с намерением и недоумением. И не зря. Это строительная *стафила*^[25], или измерительная линейка, утяжеленная свинцовыми шариками, похожими на виноградные гроздья; отсюда и название. Флегиас^[26] и его гигантские фессалийцы были типичными беззаконными разбойниками древности; они грабили Дельфы, нападали на Фивы после того, как их укрепили Амфион и Зетх. Но Афина поставила их у своего престола мастерами-строителями. Вся слава Афине!

Рис. 11.

Не только в Афинах легенды о гигантских, сказочных рабочих громоздятся вокруг "микенских" останков. Флегиас и его гиганты трудятся для Афины, а в Тирине, согласно преданию, киклопы работают на царя Прозета[27], и они же построили стены и Львиные ворота Микен[28]. В Фивах Кадмея[29] - дело рук Амфиона и Зета, сыновей богов, и манера, в которой искусство изображает Зета трудящимся, точно такая же, как у нашего гиганта на вазе. Мантия, которую носил Ясон, была вышита, как рассказывает Аполлоний Родосский[30], зданием Фив,

Антиопа, рожденная в реке.

Сыновья были сотканы, Зетх и его близнец

Амфион, и все Фивы, еще не поднятые

Вокруг них лежали. Они стремились лишь теперь установить

Камни ее первого здания. Как человек, изнуренный

в труде, Зетх на огромных плечах понес

На гребень горы, покрытый камнями; а рядом

Амфион шел с менестрелями.

Звenea золотой лирой, и вдвое огромней

Немая скала вздымалась и искала его, когда он проходил мимо.

Сисифос, древний царь Коринфа, построил на акрополе Коринфа свой великий дворец - Сисифейон. Он - коринфский двойник Эрехтея с его Эрехтейоном. Страбон[31] сомневался,

называть ли Сисифейон дворцом или храмом. Как и старый Эрехтейон, он был одновременно и крепостью, и святилищем. В Аиде для вечной памяти, не о своем грехе, как думали позже, а о своем ремесле мастера-строителя, Сисифос[32], как Зетх, как наш великан, до сих пор катит огромный камень по склону. Везде одна и та же история. Все определенные записи или воспоминания о строительстве "циклопических" стен утеряны; их строил какой-то царь-герой, какой-то бог, какой-то полубог, какой-то великан. Так и дьявол в древние времена возводил свои мосты по всей Англии.

Традиция любит украшать историю именами и конкретными деталями. Благоразумный аттический вазописец называет нам только безымянного "великана". Другие знали больше. Павсаний[33] слышал настоящие имена строителей и пытался установить их расу. Он говорит нам - как только покидает Акрополь - "За исключением части, построенной Кимоном, сыном Мильтиада, весь круг укреплений Акрополя был, как говорят, построен пеласгами, которые когда-то жили под Акрополем. Говорят, что Агролас и Гипербиос... и, спросив, кто они такие, я узнал только, что по происхождению они были сикелийцами и что они переселились в Акарнанию".

Несмотря на лакуну, ясно, что Агролас и Гипербиос - это предполагаемые строители. Упоминание о Сицилии относится, вероятно, к тому времени, когда киклопы поселились на острове. Два брата-строителя напоминают нам Амфиона и Зета, а их прототипы - Диоскуров[34]. Плиний[35] рассказывает о похожей паре, хотя и дает одному из них другое имя. Братья Эвриалос и Гипербиос первыми построили в Афинах кирпичные печи и дома; до этого они использовали для домов пещеры в земле".

Имена двух "пеласгийских" братьев, как мы знаем из вазовых росписей[36], являются именами "великанов", и *Гипербиос*, очевидно, подходит. Эти имена оставляют нас в области мифов, но традиция, согласно которой братья были "пеласгами", заслуживает более пристального внимания.

Описывая старую стену, мы говорили о ней как о "пеласгийской", и в этом мы следуем классической традиции. Цитируя Гекатея (ок. 500 г. до н. э.), Геродот[37] говорит о земле под Гиметтом, отданной пеласгам "в уплату за крепостную стену, которую они ранее построили вокруг Акрополя". И снова Геродот[38] рассказывает, что когда царь Спарты Клеомен достиг Афин, он вместе с теми гражданами, которые хотели быть свободными, осадил деспотов, которые были заперты в пеласгийском укреплении.

Пеласгийское укрепление, постоянная традиция, согласно которой Афины были населены пеласгами, - казалось бы, мы стоим на твердой почве. Однако при ближайшем рассмотрении доказательства связи названия укрепления с именем "пеласги" рассыпаются. В единственной официальной[39] надписи, которой мы располагаем, это слово написано не Пеласгикон, а Пеларгикон. Точно так же у Фукидида[40], где это слово встречается дважды, оно пишется через "р". Пеларгикон - это "крепость аистов", а не "пеласгийская крепость". Путаница, вероятно, началась с Геродота, который специально интересовался пеласгами.

Почему старая цитадель называлась "крепостью аистов", мы не можем сказать - сейчас там нет аистов, - но у нас есть одно восхитительное свидетельство того, что для афинян VI века до н. э. "*крепость аистов*" была реальностью.

Непосредственно к югу от нынешнего Эрехтейона лежат фундаменты древнего дорического храма[41], который в настоящее время известен под простительным германизмом как "старый храм Афины". Для его датировки у нас есть определенный *terminus ante quem*. Колоннада относится ко времени Писистрата; она была более поздним дополнением; целла

храма существовала раньше - насколько раньше, мы не знаем. Усердие и мастерство профессора Дёрпфельда в области архитектуры, Виганда и Шрадера в области скульптуры восстановили перед нами картину этого древнего дорического храма, наполненную жизнью и красками и в сущности полную[42].

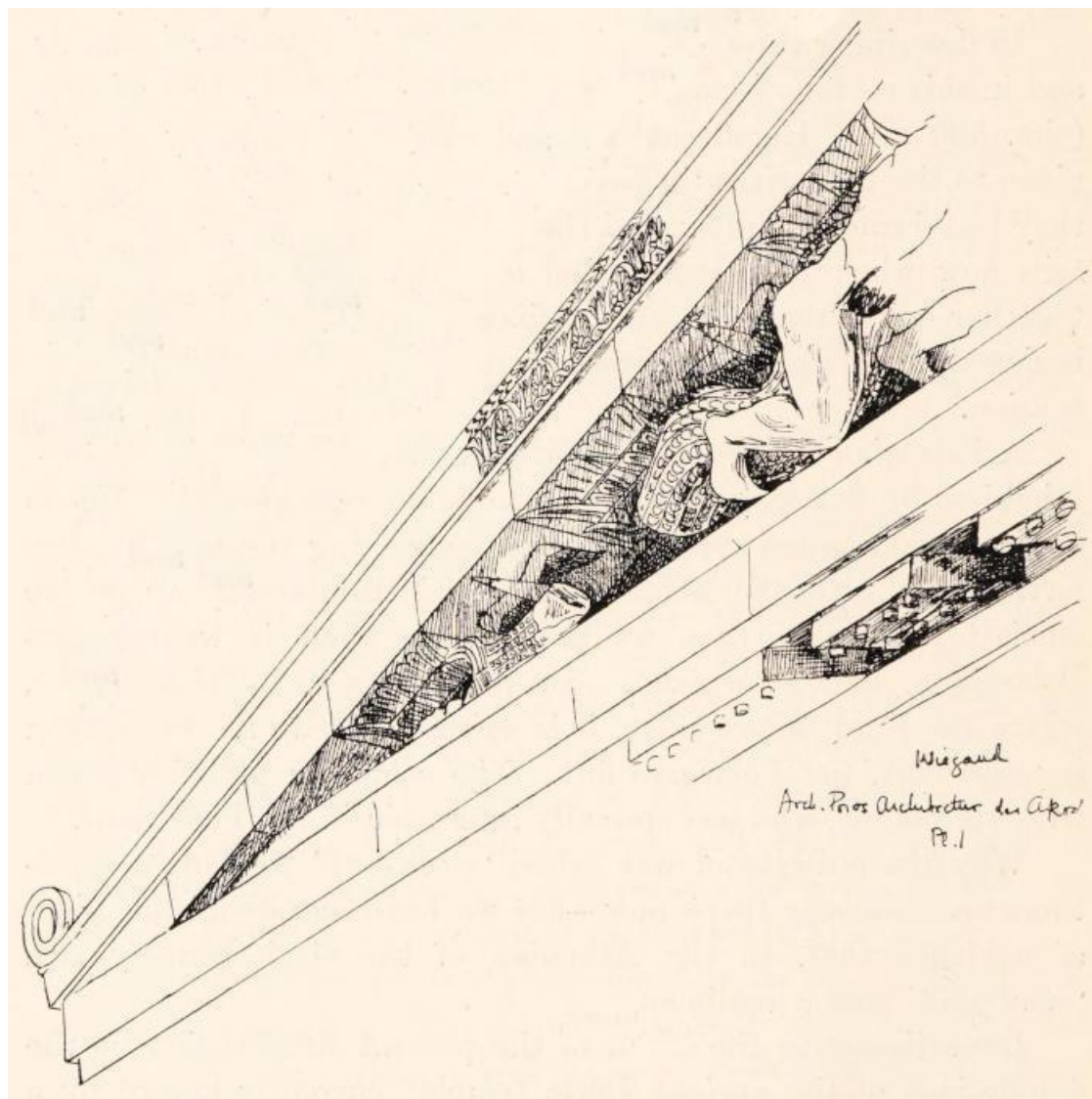

Рис. 12.

Из всех чудесных фрагментов ранней скульптуры, обнаруженных недавно, ни один не пользуется более широкой известностью и более справедливой популярностью, чем улыбающееся трехголовое чудовище, известное во всей Европе как "Синяя борода". Он принадлежит к скульптурам западного фронтона внутренней допейсistrатовской целлы "старого храма Афины", часть которого показана на рис. 12. Возникает соблазн отвлечься и подробно обсудить всю композицию фронтона, к которой он относится. Однако вскоре мы увидим (с. 37), что наш аргумент запрещает любое детальное обсуждение святилищ Афины, и фронтоны ее самого раннего храма имеют для нас на данный момент лишь случайный интерес.

Однако для ясности можно и нужно сказать следующее. Дизайн западного фронтона состоял из двух частей. В одном углу, слева от зрителя, Геракл борется с Тритоном; правая

часть, не изображенная здесь, занята тройной фигурой "Синебородого", чье правильное мифологическое имя, вероятно, Тифон[43]. Он не главный герой, а лишь великолепный улыбающийся зритель. Центр фронтона, где в искусстве Фидия мы должны были бы ожидать кульминации интереса, занят аксессуарами - стволом дерева, на котором, как на вазовых картинах, висят лук и стрелы и лишние одежды Геракла.

Не малый мифологический интерес представляет тот факт, что в этом и двух других примитивных фронтонах главным героем является, как и следовало ожидать, не местный герой Тесей, а полуазиатский Геракл; но и этот вопрос мы должны оставить в стороне; наш непосредственный интерес представляют не скульптурные фигуры фронтона, а богато расписанный декор на крыше фронтона над их головами.

Недавние раскопки на Акрополе принесли большое количество расписных архитектурных фрагментов, место и значение которых поначалу были далеко не ясны. Из этих фрагментов сорок были украшены двумя формами цветка лотоса; двадцать имели на себе фигуры птиц двух видов. Хотя птицы в основном фрагментарны, два вида (аисты и орлы), благодаря реалистичности перьев, клюва, ног и когтей, тщательно разграничены. Аист (πελαργός) в "Пеларгиконе" вызывает удивление и восторг. Думал ли Аристофан[44] об этом Пеларгоконе, когда для строительства своей Нефилокигии он привел

Для каменщиков мириады аистов.

Один из аистов представлен на рис. 13. Птицы в оригинальных фрагментах имеют яркую и нежную окраску. Их яркие красные ноги переносят нас в Дельфы. Мы вспоминаем Иона[45] с его лавровым венцом, луком и стрелами, его предостерегающую песню лебедю и орлу.

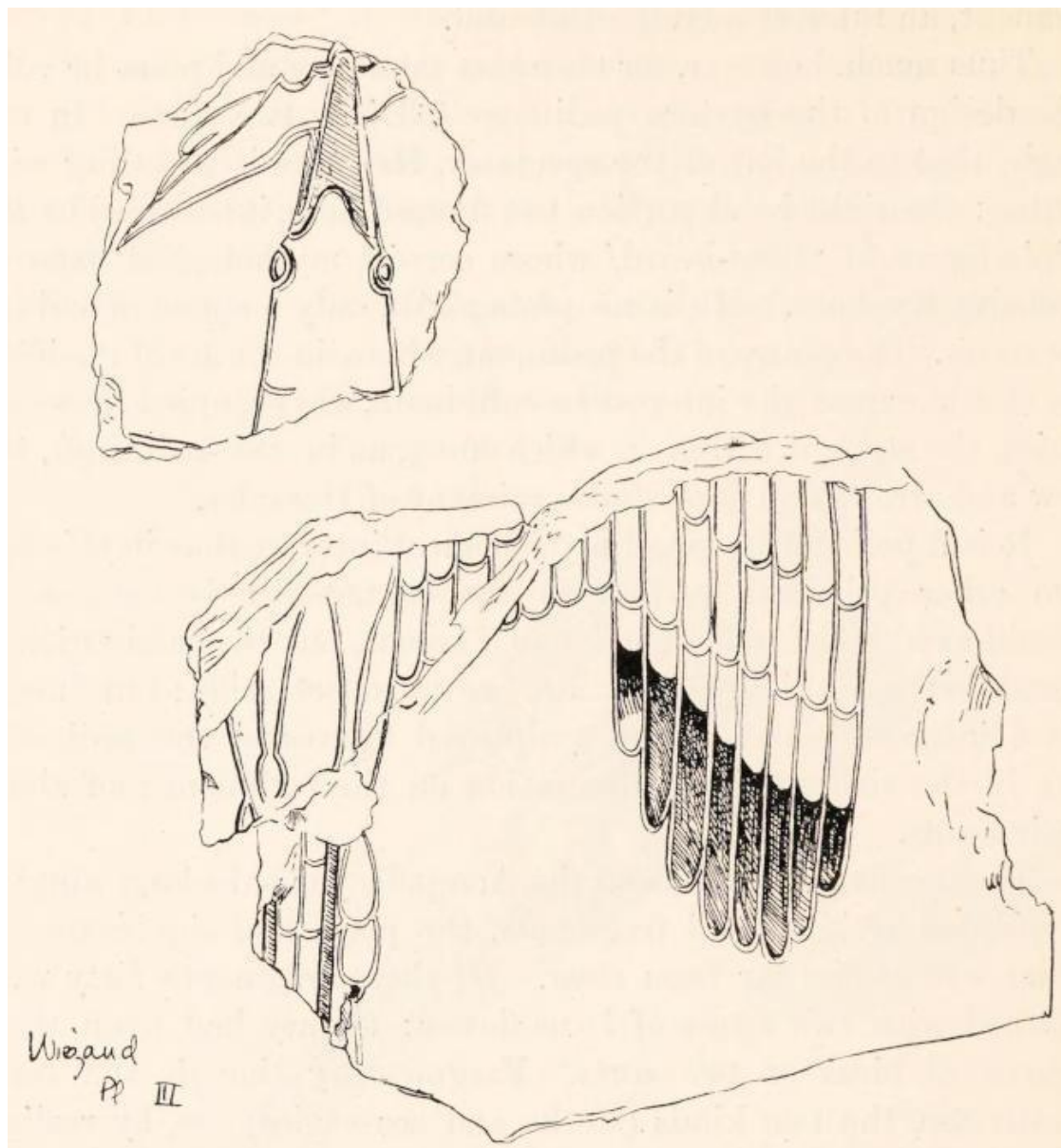

Рис. 13.

Вот видите! Птицы поднялись: они летят
В свои гнезда на Парнасе высоком
И сюда стремятся. Я предупреждаю вас всех
К золотому дому и мраморной стене
Не подходите. И снова мой лук
Птица-вестник Зевса, уложит тебя на землю;
Из всех летающих могущественнейший ты
В когтях! Вот еще один
Плывет вдаль - лебедь! Прочь
Прочь, красноногий!

Во времена, когда на алтарях под открытым небом курились жертвы и в изобилии продавались священные пироги, птицы были реальным и очень частым присутствием. К головам многих статуй, найденных на Акрополе, прикреплен острый шип, чтобы птицы не садились[46]. Они были священными и в то же время профанными.

Цветы лотоса переносят нас в Египет. Богатое сочетание мотивов животного и растительного царства - совершенно "микенское". Человек в искусстве, как и в жизни, все еще дома со своими братьями - рыбой, птицей и цветком. После этой древней полноты и тепла жизни фронтон Фидия поражает холодом. Его человечность холодна и одинока. Человек забыл, что

Земля - это покров, укрывающий тебя, одежда для тебя.

Есть два вида птиц, два вида цветков лотоса, и есть два фронтона. Естественно предположить, как и доктор Виганд, что орлы принадлежали восточному, главному фронтону. Там, как будет показано позже (стр. 47), восседали божества этого места. Наш фронтон украшал западную часть, более скромную резиденцию героев, а не богов. Там Геракл боролся с Тритоном; там старый Синяя Борода - несомненно, чудовище более раннего периода - нес свою вахту; и над этой древней борьбой героя и чудовища корпел аист.

Сами аисты напоминают нам, что старое название цитадели было *Пеларгикон*, и что Пеларгикон означало "крепость аистов"; в результате легкой перемены оно превратилось в Пеласгикон[47], и отныне этимологически ложная ассоциация с Пеласгиями.

Этимологически ложная, но, возможно, на самом деле верная, поскольку, к счастью, аналогия между стенами Пеларгонии и Микен не вызывает сомнений, и если "микенцы" были пеласгами, то стены, в конце концов, пеласгические.

Мы видели, что и Фукидид, и официальная надпись пишут "Пеларгикон"; их утверждения стоит рассмотреть подробнее.

Фукидид, рассказав об узких границах города до появления Тесея, возвращается к основной теме своего повествования - тесноте жителей Аттики в городских стенах. Некоторые немногие, - говорит он[48], - действительно имели жилища и укрывались у своих друзей или родственников, но большинство из них поселилось на пустырях города и в святилищах и святилищах героев, за исключением Акрополя и Элевсиниона, а также всех других, которые могут быть закрыты. И то, что называется Пеларгокон под Акрополем, жить в котором было проклято и запрещено в конце действительного пифийского оракула по этому поводу,

Пеларгокон лучше не использовать,

Тем не менее, в результате непосредственного давления он был густо заселен".

Этот отрывок на мгновение шокирует. Мы думали о Пеларгиконе как об Акрополе, мы проследили круг его стен *на* Акрополе, а теперь вдруг обнаруживаем, что эти два места резко разграничены. Акрополь, хотя и закрыт, но, конечно, не проклят. Акрополь - одно из определенно закрытых мест, куда беженцы не могут попасть; Пеларгокон, хотя и проклятый, открыт для них, и они им овладевают; эти два понятия явно не могут совпадать. Но, к счастью, слова "под Акрополем" навевают воспоминания, а вместе с ними и озарение. То, что называется Пеларгиконом *под Акрополем*, несомненно, является тем уделом цитадели, о котором Фукидид так туманно упоминает во втором абзаце. Древний *полис* включал в себя не только "то, что сейчас является цитаделью", но и вместе с ней "то, что находится под

ней по направлению к югу[49]". Фукидид избавил бы мир от проблем, если бы указал, что "то, что ниже к югу" - это Пеласгикон; но он этого не делает, вероятно, потому, что его интересуют размеры, а не номенклатура.

Пеласгикон первоначально означал всю цитадель, древний город, как его определяет Фукидид. Такое же значение он имел и во времена Геродота. В Пеласгиконе осаждали тиранов (с. 25). Но ко времени Фукидида собственно Акрополь, т.е. гораздо большая и более важная часть старого города, перестал быть "пеласгическим"; старые укрепления были скрыты новыми подпорными стенами Фемистокла и Кимона. Пеласгические укрепления были видны только на западе и юго-западе, поэтому эта часть под Акрополем стала называться так же, как и весь город; но это ограниченное использование слова сначала было условным. Фукидид говорит: "которая *называется* Пеларгикон". Это совершенно не похоже на определенное "пеласгийская цитадель", используемое Геродотом. Форма прилагательного среднего рода, насколько мне известно, никогда не использовалась для обозначения всего комплекса Акрополя *плюс* того, что находится ниже.

От Фукидида мы узнаем только, что то, что называлось Пеларгикон, находилось *ниже* Акрополя. "Ниже" означает сразу, вертикально ниже, ибо когда в "Рыбаке" Лукиана[50] Парфесиадес, наживив крючок фигами и золотом, забрасывает удочку, чтобы ловить лжефилософов, Философия, увидев его нависающим, спрашивает: "На что ты ловишь рыбу, Парфесиадес? Камни из Пеласгикона? Надпись[51] конца V века подтверждает проклятие, упомянутое Фукидидом, и показывает нам, что Пеларгикон был четко определенной территорией, поскольку на него распространялось специальное законодательство. Царь (т.е. магистрат с таким именем) должен установить границы святилищ в Пеларгоконе, и отныне в Пеларгоконе нельзя ставить алтари без согласия совета и народа, нельзя добывать камни в Пеларгоконе, нельзя вывозить из него землю и камни. А если кто нарушит эти постановления, тот должен заплатить 500 драхм, и царь доложит о нем Совету". Поллукс[52] далее рассказывает, что за покос травы в Пеларгиконе полагался штраф в 3 драхмы и издержки, и три офицера, называемые паредроями, охраняли от этого правонарушения. Очевидно, что укрепления Пеларгокона, частично разобранные персами, стали популярной каменной каменоломней; очевидно, государство не собиралось, чтобы эти укрепления пришли в полный упадок. Естественно, возникает вопрос, каково было предназначение этого уцелевшего Пеларгокона, почему он не погиб вместе с остальными пеласгическими укреплениями?

Ответ прост: пеларгония сохранилась потому, что была великим укреплением ворот цитадели. Согласно Клейдемосу, как мы помним (стр. 11), работа первых поселенцев была тройной: они выровняли поверхность цитадели, построили вокруг нее стену и оснастили укрепления воротами. Где будут эти ворота? Взгляд на разрез [на рис. 1](#) показывает, что они *должны быть* там, где они *есть*, то есть в единственной точке, где скала имеет удобный для подхода склон, - на западе или юго-западе. Мы советуем *говорить "юго-запад"*. Большие ворота Мнесикла, Пропилеи, сохранившиеся до наших дней, обращены на запад; но внутри этих больших ворот до сих пор сохранились фундаменты[53] меньших, более древних ворот ([рис. 2, G](#)), построенных в непосредственной связи с большой пеласгической крепостной стеной, и эти более древние ворота, находившиеся здесь до Персидской войны[54], обращены *на юго-запад*.

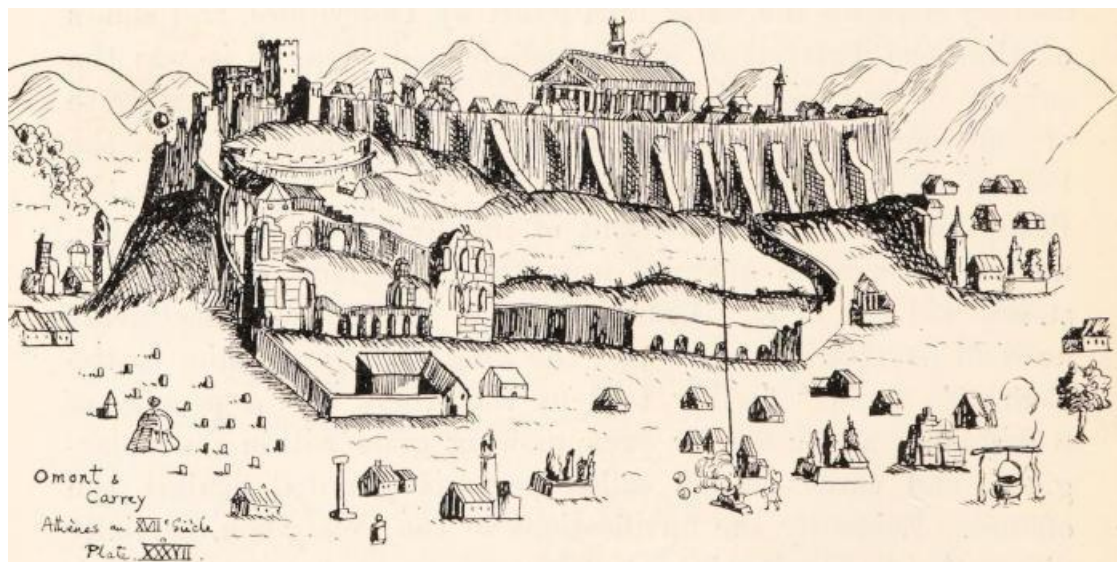

Рис. 14.

Эти ворота, выходящие на юго-запад, находятся на вершине холма и являются единственными. Клейдемос (стр. 11) говорит нам, что в Пеларгиконе было девять ворот. Невозможно представить, чтобы вокруг Акрополя было девять ворот, такое расположение ослабило бы укрепления, а не усилило их. Последовательные ворота должны были каким-то образом располагаться одни внутри других, а укрепления, скорее всего, имели форму террасы. Западный склон Акрополя вполне поддается такому расположению, и в турецкие времена этот склон был занят чередой редутов (рис. 14). Укрепленные турецкие Афины в некотором смысле ближе к старым пеласгийским крепостям, чем к современному Акрополю. Мы, вероятно, не ошибемся, если представим себе подход к древней цитадели как извилистый путь (рис. 15), ведущий постепенно вверх по сменяющим друг друга террасам, проходящий через сменяющиеся друг друга укрепленные ворота[55] и достигающий, наконец, самого верхнего пропилона, выходящего на юго-запад. Эти террасы, ворота, укрепления, занимающие большое пространство, границы которого мы сейчас определим, составляли единое целое, известное со времен Фукидида до Лукиана как Пеларгикон или Пеласгикон.

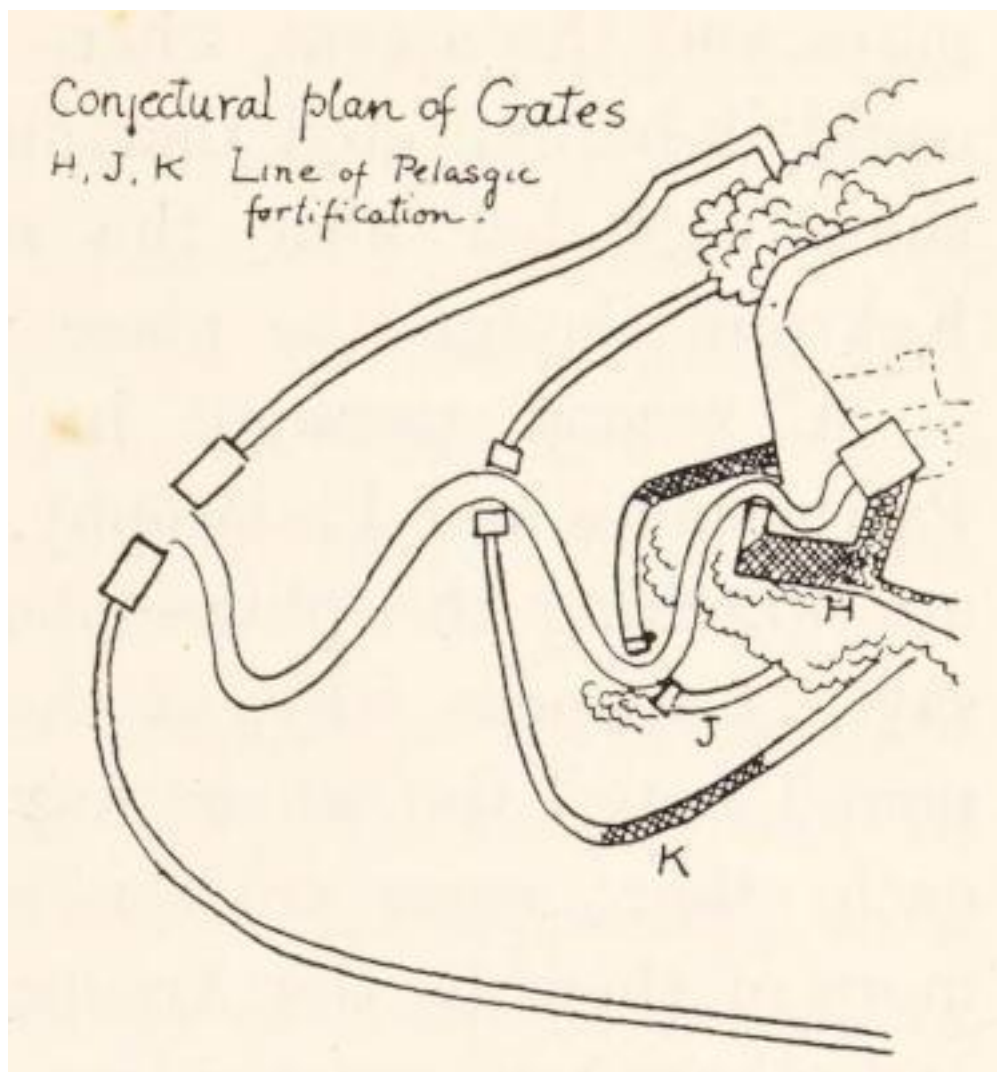

Рис. 15.

Лукиан не только предоставляет нам наилучшие доказательства того, что вплоть до римских времен под Акрополем существовало место под названием Пеласгикон, но и является нашим главным литературным источником для определения его границ. Мы ожидаем, что эти границы были широкими, иначе беженцы не стали бы там толпиться.

Отрывков о Пеласгиконе у Лукиана два. Первый в "Двойном обвинении"[56]: Дике, стоя на Акрополе, видит приближающегося Пана и спрашивает, что это за бог с рогами, трубой и волосатыми ногами. Гермес отвечает, что Пан, который раньше жил на горе Парфенион, за свои заслуги удостоился пещеры под Акрополем "немного дальше Пеласгикона". Там он живет и платит налоги как пришелец. Место, где находилась пещера Пана, конечно же, известно; недалеко от нее располагался Пеласгикон. Это крайний предел Пеласгикона на севере, так как святилище Аглароса (стр. 81), через которое персы поднялись наверх, несомненно, находилось за пределами укреплений. Геродот[57] ясно говорит: "Перед Акрополем, но за воротами и подъемом, где никто не караулил и нельзя было ожидать, что кто-то сможет туда взобраться, некоторые из них поднялись возле святилища Аглауры, дочери Кекропса, хотя место было обрывистое".

Второй отрывок[58] из Лукиана дает нам еще одну подсказку. Парресиад и Философ со своего места на Акрополе наблюдают за философами, которые поднимаются наверх. Парфесиад говорит: "Боже мой, при одном только звуке слов "десятифунтовая банкнота"

весь путь наверх превращается в массу их, толкающих друг друга; одни идут по Пеласгикону, другие и еще больше их у Ареопагоса, третьи у гробницы Талоса, четвертые взяли лестницы и приставили их к Анакеону; и, ей-богу, целый улей их роится, как пчелы". Подобное описание не может считаться однозначным доказательством, но если рассматривать святыни в их естественном порядке, то, несомненно, во времена Лукиана Пеласгикон простирался от Ареопагоса до Асклепийона. Философы толпятся у обычного подхода (ἄνοδος) к Пропилеям; всем им не хватает места, поэтому они расходятся вправо и влево, справа к Асклепиону, слева к Ареопагу; некоторые теснятся еще дальше, справа к гробнице Талоса[59], возле театра Диониса; слева к Анакеону[60] на северной стороне Акрополя.

Остался еще один топографический намек. Во фрагменте Полемона[61] (ок. 180 г. до н. э.), сохранившемся нам в схолиасте из *"Эдипа Колонея"* Софокла, мы слышим, что у Гесихоса, одноименного героя Гесихидов, потомственных жрецов Семнея, было святилище. Его местоположение описывается следующим образом: "оно находится рядом с Килонейоном за Девятью воротами". Очевидно, что во времена Полемона либо Девятые ворота еще стояли, либо их местоположение было точно известно. Также ясно, что то, что называлось Девятью воротами, находилось рядом с участком Семнаев. Одноименный герой их жрецов должен был иметь свое святилище в или рядом со святилищем богинь. Более того, Килонейон или святилище героя связывает нас с тем же местом. Когда соратники Килона были изгнаны из Акрополя, где Мегакл не посмел их убить, они привязали себя нитью к изображению богини, чтобы не потерять связь; когда они достигли алтарей Семнея, нить порвалась, и все они были убиты[62]. Килонейон, должно быть, был воздвигнут на этом месте в качестве искупительного святилища.

Когда мы переходим к изучению реальных остатков Пеласгикона на южном склоне Акрополя (рис. 2), нас ждет разочарование. Из всех различных террас и опорных стен только один фрагмент (Р) можно с уверенностью назвать пеласгийским. Остальные стены, показанные на рис. 16, датируются между седьмым и пятым веками. Стены, обозначенные G на плане на рис. 16, но намеренно опущенные на рис. 2, имеют хорошую многоугольную кладку и, должно быть, были опорными стенами для последовательных террас Пеласгикона; они, вероятно, относятся ко времени Пейсистрата[63], но могут быть и более ранними. Важно отметить, что, хотя сами они не были "пеласгическими", они, несомненно, вытеснили предыдущие "пеласгические" сооружения. Линия, по которой проходила древняя дорога, должно быть, огибала внешнюю стену Пеларгикона; позже она была изменена, чтобы позволить построить Одеон Ирода Аттика. Пеласгикон времен Лукиана простирался только до Асклепийона; раннее укрепление должно было включать то, что позже стало Асклепийоном[64], поскольку оно должно было защищать важный колодец в этом участке.

Фукидид указал границы древнего города: *"То, что сейчас является цитаделью, было городом вместе с тем, что находится под ним по направлению к югу"*. Сегодня мы не должны подвергать сомнению его утверждение. Остатки пеласгийских укреплений, обнаруженные при раскопках, убедительно подтверждают его основное утверждение, а именно, что *то, что сейчас является цитаделью, было городом*, а форма холма и литературные свидетельства оправдывают его осторожное "добавление" *вместе с тем, что находится под ним по направлению к югу*.

Но, как уже отмечалось, читатели Фукидида не были в нашем положении, они меньше знали о границах древнего города, и хотя они, вероятно, достаточно хорошо знали границы Пеласгикона, даже это становилось скорее предметом антикварного интереса. Прежде всего, они были гражданами более крупного города Фемистокла, Дипилон был для них больше, чем Эннеапилон. Поэтому Фукидид считает, что правду о древнем городе нужно

донести до людей. Он начинает приводить доказательства того, что, по его мнению, едва ли является самоочевидным. Если нам кажется, что эти доказательства несколько излишни, мы все же приветствуем их, потому что таким образом он дает нам много интересной информации о святилищах древних Афин.

Доказательства эти, как уже говорилось выше (стр. 8), четырехсторонние.

ГЛАВА II. СВЯТИЛИЩА В ЦИТАДЕЛИ.

τὰ γὰρ ἱερὰ ἐν αὐτῇ τῇ ἀκροπόλει καὶ ἄλλων θεῶν ἐστί.

В самой цитадели есть святилища и других божеств (например, Богини).

В связи с этим предложением возникли ненужные сложности, и, совершенно неоправданно, была допущена лакуна в тексте[65]. Хотя форма предложения сжата, его простой буквальный смысл ясен. Первое доказательство, которое приводит Фукидид, - это то, что в "самой цитадели у других божеств "так же" есть святилища". К чему относится это "также"? Очевидно, к "богине", упомянутой в следующем, но предшествующем пункте как председательствующая в Синойкии, "богине", которая была настолько хорошо известна, что называть ее не было необходимости.

Было предложено читать предложение таким образом: "В самой цитадели есть (древние) святилища как "богини Афины", так и других божеств". Это верно, но Фукидид говорит не то и не то, что имеет в виду. Он не хочет делать никаких заявлений о святилищах Афины или их древности; оба предположения в данный момент не имеют значения; он *хочет* сказать то, что говорит, - что "в самом Акрополе есть святилища и других божеств (как и богиня)". Речь идет именно о "других божествах", а не о "Богине".

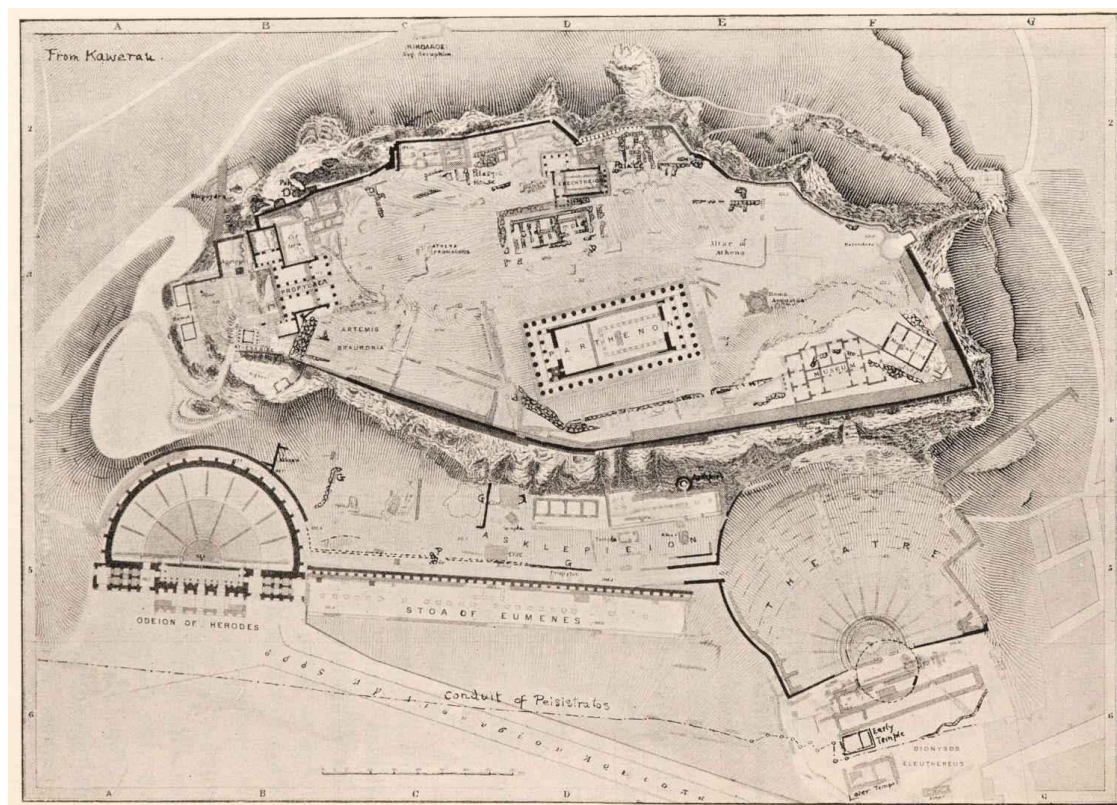

Рис. 16.

Но Фукидид всегда оставляет, возможно, многое на усмотрение своих читателей. Справедливо можно спросить, почему существование этих святилищ "других божеств" является аргументом в пользу утверждения, что Акрополь был древним городом? Справедливо заданный, вопрос отвечает сам за себя. Акрополь во времена Фукидида был холмом, священным для Афины, это был почти ее *теменос*; другие боги, Аполлон, Зевс, Афродита, имели свои самые важные святилища внизу, по всему огромному городу в форме колеса. Считалось, что Афина с незапамятных времен обитала на холме, и любое заявление о ее святынях ничего не доказывало в ту или иную сторону. Но в старые времена, когда еще не было никакого "низа", никакого "колесовидного" города, если "другие боги" вообще должны были быть городскими богами, они должны были иметь свои святилища наверху. Такие святилища были на самом Акрополе; это делало дополнительно вероятным, что Акрополь и был древним городом. Рассуждения вполне понятны и уместны, и аргумент как раз из тех, которые необходимо было бы вспомнить афинянину времен Фукидида, с головой погруженному в доминирующую Афины и склонному забывать о "других богах".

Цитадель классических времен с ее "старым храмом Афины", Парфеноном и Эрехтейоном лежит перед нами на [рис. 16](#). Старый храм Афины и Парфенон принадлежат "богине", где же тогда "святилища в самой цитадели, принадлежащие другим божествам", о которых думает Фукидид?

В поисках таковых мы, естественно, обратимся к северной стороне Акрополя, где находился древний царский дворец ([рис. 2, С](#)). Около этого старого дворца к западу было сосредоточено множество ранних алтарей, "знаков" (σημεῖα), священных мест и вещей (ἱερά). Позже они были заключены в сложное здание, известное нам как Эрехтейон. Именно изучая план этого позднего храма, мы можем лучше всего понять группировку и значение более ранних святилищ.

Эрехтейон в том виде, в котором мы имеем его сейчас, показан на рис. 17. Его план явно аномален и озадачил не одно поколение архитекторов. Профессору Дёрпфельду, с его богатым воображением, было поручено догадаться, что храм в том виде, в котором мы его имеем, является незавершенным, и, далее, предположительно реконструировать полный проект. В свете этой реконструкции Эрехтейон, каким мы его имеем сейчас, впервые стал понятен.

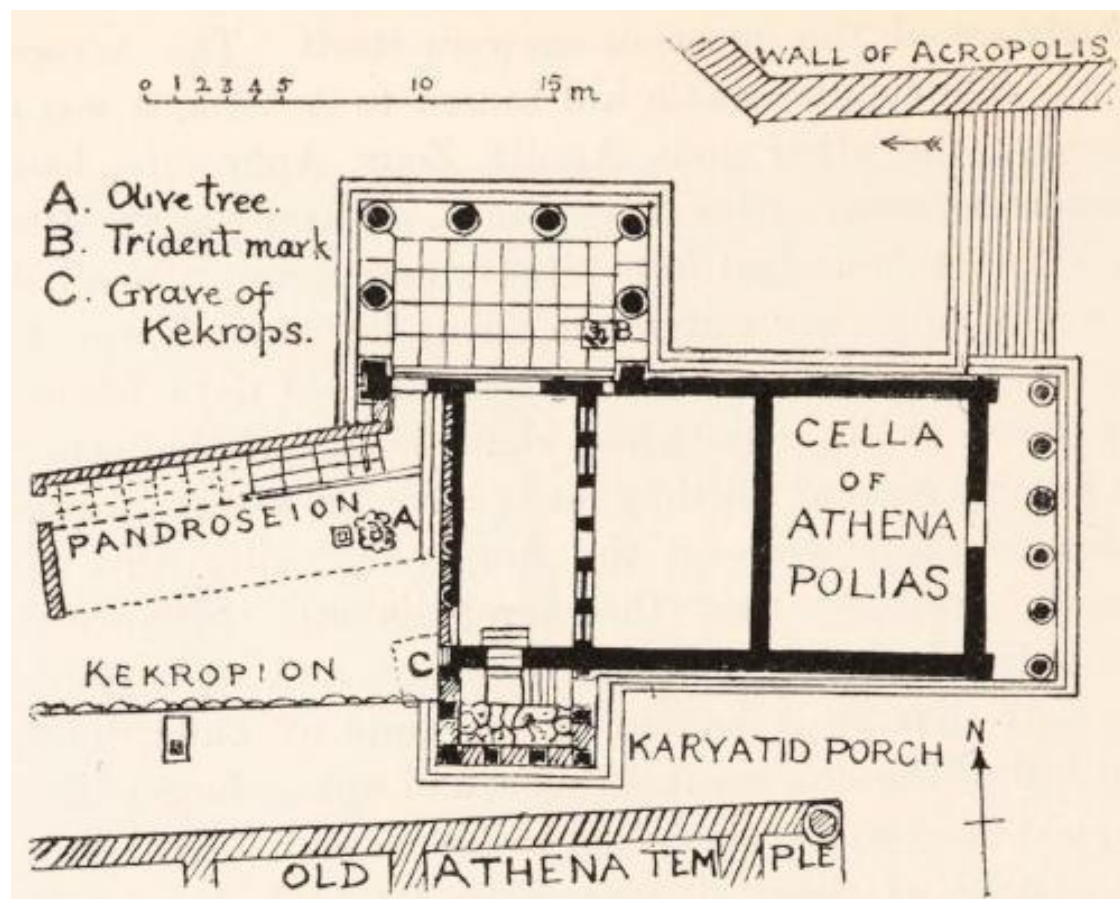

Рис. 17.

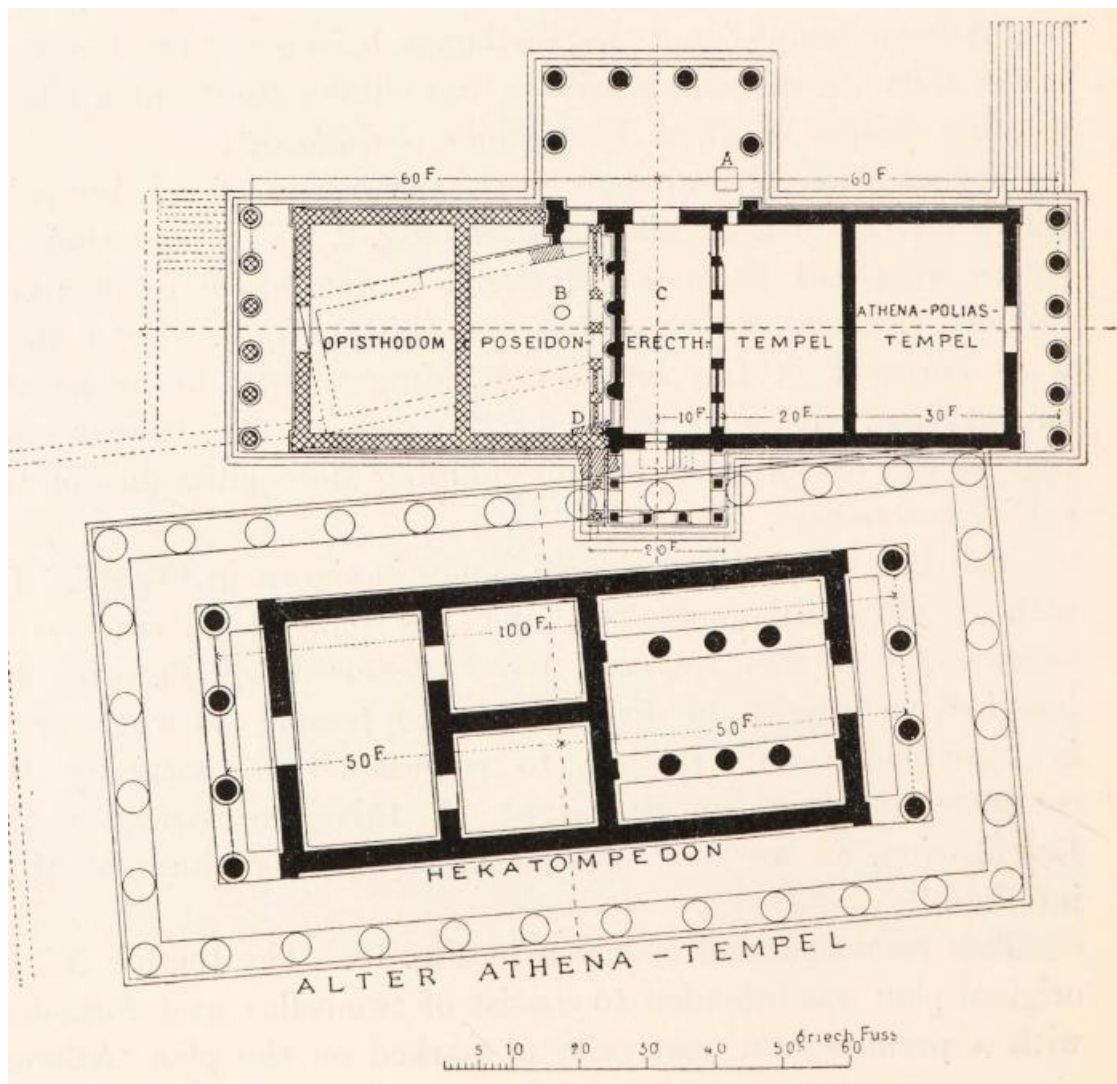

Рис. 18.

Эта реконструкция показана на [рис. 18](#). Храм в первоначальном плане должен был состоять из двух камер, каждая из которых была оборудована пронаосом; восточная камера обозначена на плане как "храм Афины-Полиаса", западная - как "опистодом", то есть опистодомос или задняя камера. Между этими двумя камерами находится здание, разделенное на три камеры, обозначенное на плане "Посейдон-Эрехт(эус)-Темпель". В среднюю из этих трех камер ведут два крыльца: большое - на севере, меньшее - знаменитое крыльцо Кариатид - на юге. Только эта средняя камера из трех, вероятно, была снабжена низкой крышей, как показано на эскизе на [рис. 19](#). Такое сложное здание требует объяснения. Оно стало симметричным, но в чем его значение? Какова его связь со святилищами "других божеств"?

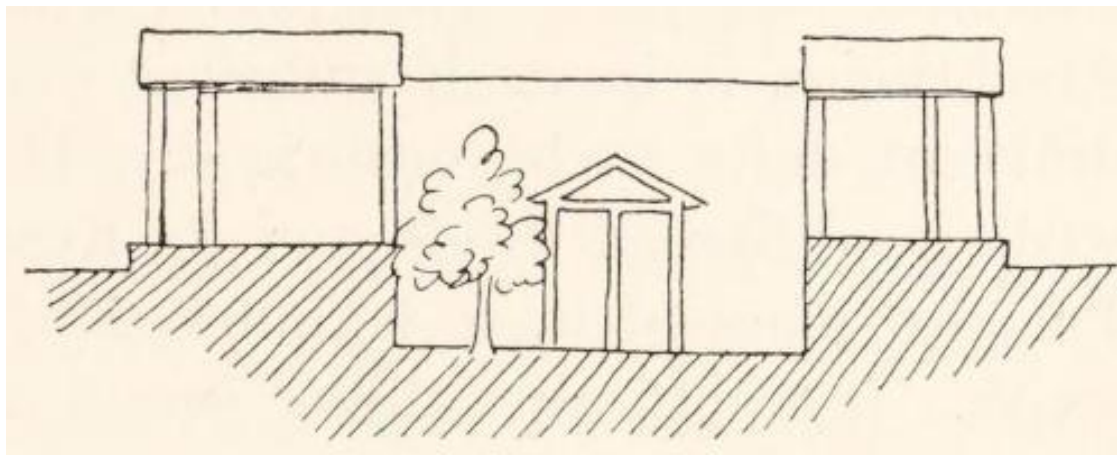

Рис. 19.

Чтобы понять новый храм, мы должны вернуться к временам, предшествовавшим его строительству[66]. Предполагалось - хотя в конечном итоге это намерение не было полностью реализовано - заменить другие существующие святилища, и это были, во-первых, старый храм Афины, а во-вторых, старый храм Эрехтея. Старый храм Афины" на плане (рис. 18) расположен к югу от Эрехтейона; очень скудные остатки старого храма Посейдона-Эрехтея видны по диагонали под западной частью нового Эрехтейона.

Старый храм Афины" состоял, очевидно, из двух частей: на востоке находилась собственно келья богини, на западе, разделенная на три камеры, - опистодомос или сокровищница. Следует отметить, что речь идет исключительно о "других божествах", а не об Афине; от рассмотрения Афины и ее святилищ Фукидид нас избавил, но устройство нового Эрехтейона невозможно понять без некоторой ссылки на расположение старого храма Афины.

Перикл намеревался снести не только старый Эрехтейон, но и старый храм Афины, и заменить их общим святилищем. Восточная целла старого храма Афины должна была быть заменена восточной целлой для богини в новом; опистодомос к западу от старого храма - опистодомосом к западу от нового. Между этими частями старого храма Афины должны были находиться три камеры, предназначенные для замены старого Эрехтейона. По наземным планам трудно представить себе различные уровни храма, но те, кто бывал на месте, помнят, что новая целла Афины находится на том же уровне, что и старая. Эрехтейон с его разными уровнями представляет собой разительный контраст с Парфеноном, где, как мы уже видели, склон земли был выровнен, причем за огромные деньги. Сохранение разных уровней в Эрехтейоне само по себе является достаточным доказательством святости различных культов, которые должны были в нем храниться. Более сложное сооружение с различными уровнями и пятью камерами, по замыслу Перикла, должно было входить в него через два портика, северный и южный. Структурно они уменьшали эффект излишней длины, но у них было и другое назначение: на северном крыльце хранился знак трезубца Посейдона, а на южном - могила Кекропса.

План Перикла так и не был завершен. В результате чьих-то махинаций, будь то архитектор, жрец или политик, мы не знаем, он, как и ранее при строительстве Пропилеи, был разочарован и вынужден довольствоваться усеченной схемой. Новый Эрехтейон почти наверняка был начат еще до начала Пелопоннесской войны. Когда Перикл обнаружил, что его план не был принят в полном объеме, он не стал проектировать новый храм, а пошел на компромисс, явно рассчитанный на временное решение. Он снова не смог реализовать даже этот измененный план, который был завершен лишь много позже. В известном нам Эрехтейоне завершена восточная целла для Афины и два портика, но из трех

предполагаемых средних камер были построены только две, а самая западная, как видно на плане, несколько уменьшена в размерах. Западная целла так и не была начата. Вполне вероятно, что Периклу так и не удалось перенести изображение Афины из ее старого храма в новую целлу, но этот вопрос[67] нам здесь решать не обязательно.

Оставив в стороне те части Эрехтейона, которые должны были занять место старого храма Афины, а именно восточную целлу и предполагаемый опистодомос на западе, мы должны теперь рассмотреть, какими были древние святыни (ἱερά) "других божеств", которые три центральные камеры и два портика планировалось освятить. Они таковы: -

1. Гробница героя Кекропса.
2. Пандросейон.
3. Три "жетона" (σημεῖα).
 - a. Священное оливковое дерево.
 - b. Море, названное в честь Эрехтея.
 - c. Знак трезубца, священного для Посейдона.

1. Гробница героя Кекропса.

Мы начинаем с Кекропса, потому что, согласно почти единообразной традиции, с него начались Афины. *Парийская хроника*[68] ставит его во главе афинских царей и датирует 1582 годом до н. э., до Крана, до Амфиктиона, до Эрехтея. Фукидид[69] называет его типичным ранним афинским царем. При Кекропсе и первых царях", - пишет он; Аполлодор[70] говорит определенно: "туземец Кекропс, чье тело состояло из человека и змеи, впервые воцарился над Аттикой, и страна, которая прежде называлась Аттикой, получила от него имя Кекропия". Геродот[71] обратился к тому времени, когда Афины еще не были Афинами и когда афинян вообще не было: "Афиняне, - говорит он, - в то время, когда пеласги владели тем, что теперь называется Элладой, были пеласгами и назывались кранаи; под властью Кекропса они назывались кекропидами; но когда Эрехтей сменил их на афинян, а когда Ион, сын Ксута, стал полководцем, они приняли от него имя ионийцев".

Геродот касается истины. Кекропс не был первым *афинским* царем, он был царем еще до того, как появились Афины, задолго до этого. Он был родоначальником клана Кекропидов. В какой-то очень ранний период - возможно, что парийский мрамор приблизительно соответствует действительности - Кекропиды получили во владение Акрополь и назвали его Кекропией. Кекропис был именем не только одного из четырех первоначальных аттических племен, но и одного из десяти более поздних[72]. Но хотя род сохранил свое старое название, он потерял титул главы Кекропии. У Кекропса был только один сын, Эрисихтон[73], и он умер бездетным; так в мифологии говорится о том, что царская власть сменила семью. Затем наступило время, когда ведущим родом стали Эрехтеиды, потомки не Кекропса, а Эрехтея. Это времена Гомера. Он ничего не знает о Кекропсе и Кекропии, только о "народе Эрехтея[74]". Еще позже произошла другая перемена: те, кто когда-то был народом Эрехтея, стали народом Афины, афинянами. Но Кекропс и Кекропия были первыми, возможно, долгое время первыми. Кекропс - герой-основатель, типичный царь старого мира. Именно к Кекропу обращается Бделиклеон[75], терзаемый современностью:

"Кекропс, о мой царь и герой, ты, обладающий лапами дракона".

Кекропс был наполовину человеком, наполовину змеей. Его "двойная природа" доставляла немало хлопот логографам и даже философам. То ли потому, что он обладал пониманием человека и силой дракона, то ли потому, что, будучи сначала хорошим царем, он впоследствии стал тираном, то ли потому, что знал два языка (египетский и греческий), то ли потому, что ввел брак? Любопытные найдут все это в "Цетцах"[76]. Пытливые антропологи ухватились за Кекропса как за тотем-змею, но средний ортодоксальный мифолог довольствуется тем, что видит в его змеином хвосте символ "рожденных на земле" афинян. Такая трактовка хоть и приближается к истине, но упускает суть. Гибридная форма, конечно, является переходной. Кекропс избавляется от своей змеиной формы[77] в знак уважения к неизбывному антропоморфизму греков. Когда-то он был полноценной змеей, но не потому, что он тотемный змей, не потому, что он "автохтонный герой", а потому, что он был мертвецом, а все важные мертвецы, все герои, становятся змеями.

Никто не сделал так много, чтобы затуманить раннюю историю афинской религии, как сама Афина, своей постоянной привычкой брать на себя атрибуты других божеств[78]. Одноименный герой каждого победоносного племени, Кекропс и Эрехтей, в свою очередь, является домашним, охраняющим дом змеем (οἱ κοῦροὶ ὄφις). Но ко времени Геродота[79] священная змея, которая должна была жить на Акрополе и охранять его, живет в святилище Афины и является почти воплощением самой богини; когда змея отказалась от медового торта, это было воспринято как предзнаменование того, что "богиня покинула Акрополь". Ко времени Фидия змея становится атрибутом Парфенос и приседает под ее щитом. Но Павсаний[80] догадывается об истине; он говорит, что "рядом с копьем лежит змея: эта змея, вероятно, Эрехтониос". Реальные отношения богини и змеи были просто такими: первоначальная пара божеств, которым поклонялись во многих местных культах, состояла из матриархальной богини, местной формы богини-земли, и местного героя в змеиной форме в качестве ее мужского коррелята; Такой парой были Деметра и царь-змей Кенхрей в Элевсисе[81], такой была Хриза и ее домашняя безымянная змея-хранительница на Лемносе[82], такими были Эйлейтия и Сосиполис в Олимпии[83], такими были "богиня" и ее сменяющие друг друга герои Кекропс и Эрехтониос или Эрехтей; только, как будет видно позже, в этой последней паре Афине предшествовала другая богиня.

Кекропс был мертвым, одухотворенным героем, воплощенным в виде змеи; естественным местом поклонения ему была его гробница, вероятно, самое раннее святилище Акрополя. Климент[84] Александрийский говорит, что "гробница Кекропса находится в Афинах на Акрополе", а Феодорит[85], цитируя Антиоха, добавляет, что она находится "у самой Полиучос", богини города. Мы могли бы с уверенностью предположить, что гробница героя была святилищем, но у нас есть прямое доказательство: в почетном указе[86] в отношении "эфеби" из дема Кекропс приказано, чтобы указ был установлен "в святилище Кекропс", а из другого указа[87] мы узнаем имя "жреца Кекропс".

Но самые точные доказательства того, где находилась гробница Кекропса, мы находим в знаменитой надписи Чандлера[88], хранящейся сейчас в Британском музее. Эта надпись точно датируется архонством Диоклеса (409-408 гг. до н. э.). В ней говорится о том, в каком именно состоянии приняли работу зрители недостроенного храма, какая часть была закончена наполовину, какая осталась недоделанной и нерасставленной (*т.е.* колонны), а какая была полностью закончена, но не установлена на свое место. Различные части храма описываются как находящиеся рядом или напротив такого-то и такого-то древнего святилища, и, к счастью, среди этих описаний встречается не одно упоминание о Кекропионе. Решающим является следующее[89]: "Что касается крыльца рядом с

Кекропионом, то камни крыши над Корой должны быть....". Крыльцо Кариатид, или, если называть его древним[90] именем, крыльцо Корей, Девы, находилось рядом с Кекропионом.

Пока все ясно. Гробница Кекропса находилась рядом с крыльцом Девы; но в каком направлении? Мы должны были бы ожидать, что это северо-запад, потому что в этом направлении, как будет немедленно показано (с. 48), находился участок Пандросы, дочери Кекропса. Профессор Дёрпфельд[91] предположительно помещает его на D (рис. 16), и это место почти точно. Уже отмечалось, что западная стена нынешнего Эрехтейона была отнесена на небольшое расстояние назад в первоначальном плане. Возможно, это было сделано для того, чтобы не задеть гробницу Кекропса. Более того, на южном конце этой стены в древней кладке имеется большой пролом длиной около 10 футов и высотой 10 футов. Пропасть очевидна, хотя она и была заделана современной кладкой. Через нее перекинут огромный древний каменный блок размером 15 футов на 5. Здесь, вероятно, был похоронен змеиный царь.

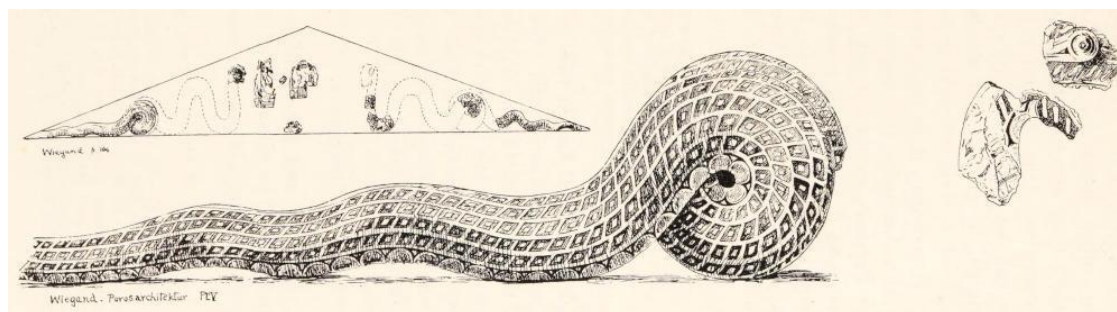

Рис. 19.*

Когда мы ясно представляем себе змеиного царя и его профилактическую гробницу, мы обращаемся к новым взглядам, чтобы рассмотреть некоторые фрагменты скульптур, обнаруженные в ходе недавних раскопок. Ничто, пожалуй, не вызвало большего удивления при обнаружении этих фрагментов, чем размер и величие змеиных фигур. Мы уже видели (стр. 27), что на западном фронте Гекатомпедона находились два морских чудовища, Тритон и Тифон; на восточном фронте - два сухопутных змея еще более величественных. Дизайн этого фронтона, восстановленный доктором Вигандом[92], выглядит следующим образом (рис. 19*). В вышине сидит Афина; по правую руку от нее - сидящая и коронованная фигура, следовательно, царь или бог; эта фигура сохранилась, но фигура, которая должна была уравновешивать ее слева от богини, утрачена навсегда. Афина верховная; сохранившуюся фигуру обычно называют Зевсом, но, судя по его подчиненному месту, мне кажется более вероятным, что он либо подчиненный бог, Посейдон, либо местный царь, Эрехтей. Возможно, Афина сидит между Посейдоном и Эрехтеем.

В конце концов, нас больше всего интересуют не сидящие герои фронтона, будь то олимпийцы или местные цари, а два огромных змея, которые в углах несут вахту и охрану. Этих змей часто называют "декоративными" или "заполняющими пространство". Но, конечно, они слишком живые, слишком большие, слишком доминирующие, чтобы быть просто аксессуарами. Одна из них показана на рис. 19* в деталях, насколько ее можно представить с помощью бесцветной репродукции. В оригинале он сине-оранжевый, а его спутник в другом ракурсе - яркий изумрудно-зеленый.

Геродот[93], правда, говорит только об одной змее, охранявшей Акрополь, - змее, которая, когда землю осадили персы, не стала есть медовый торт; но Геродот пишет так, будто не

имеет личных сведений: "Афиняне *говорят*, что там есть большая змея". В истории с Эрихтонием традиция, и хорошая аттическая традиция, знала о двух. Гермес в "*Ионе*" Еврипида[94] говорит, обращаясь к Эрихтонию,

"Ему

В то время, когда она отдала его служанкам Аграулиды.

Афина связала для охраны двух змей-стражей;

В память о том, что сыновья Эрехтея

В Афинах до сих пор на кормящих младенцев

Положили змей, выкованных из золота";

а на известной вазе в Британском музее[95], изображающей эту сцену, появляются две змеи. Нам не нужно говорить, что две змеи на фронте - это дублированный Кекропс, но мы можем сказать, что это два змея-героя, защитники города, и мы можем *предположить*, что это была старая пара, мужчина и женщина. Это предположение приводит нас к женскому аналогу Кекропса, змеиному царю, его "дочери" Пандросос.

2. Пандросейон.

Кекропс и его верная дочь Пандросос не были далеко разлучены. Положение Пандросейона в узких пределах определено. Это было ограждение к западу от нынешнего Эрехтейона. В бесценной надписи Чандлера[96] говорится о "столбах на стене в сторону Пандросейона". Это должно относиться к западной стене, на которой стояли четыре столба на высоте около 12 футов от земли. В другой надписи[97], найденной при сносе бастиона Одиссея, упоминается о двух фронтонах, один из которых направлен на восток, а другой - "в сторону Пандросейона".

Таким образом, мы точно знаем, что Пандросейон находился к западу от нынешнего Эрехтейона. Мы также знаем, что он находился недалеко от "старого храма Афины". Павсаний[98], переходя от одного к другому, отчетливо говорит: "Храм Пандроса примыкает к храму Афины". Поскольку Павсаний четко говорит, что здесь был храм (ναός), а не просто теменос или святилище (ἱερόν), досадно, что раскопки не дали никаких следов.

В реальном культе и топографии мы находим Кекропса бок о бок с одной женской фигурой, Пандросос. В современной мифологии у него три дочери, о которых рассказывается трижды знакомая история о ребенке и сундуке[99]. Она заслуживает внимания.

Ребенок Эрихтониос рождается из земли в присутствии Кекропса. Его настоящая мать, Земля, отдает его на воспитание Афине; такая сцена знакома нам по терракотам и вазовым картинам. Афина кладет его в сундук или плетеную корзину и отдает трем дочерям Кекропса, Пандросе, Герсе и Агларосе, со строгим приказом не открывать сундук. Две сестры, Герсе и Аглаурос (или, по некоторым версиям, все три), одолеваемые любопытством, открывают сундук и видят ребенка с обвившейся вокруг него змеей или змеями. В ужасе от преследующего их змея и, опасаясь гнева Афины, они бросаются вниз с Акрополя.

История явно абсурдна, а в некоторых элементах явно этиологична.

Самоубийство непокорных сестер легко объяснимо. На полпути вниз по Акрополю, под самой крутой частью скалы, находилось множество святилищ и гробниц. Почему они там

находились? Очевидно, потому, что те, в честь кого они были названы, сбросились или были сброшены с вершины. Таким святилищем была гробница Талоса[100], расположенная неподалеку от Асклепийона. Дедалос приревновал Талоса и сбросил его со скалы. Таким было и святилище Эгея[101] под храмом Nike Аптерос, где Эгей в отчаянии при виде черного паруса бросился вниз. Таким было и святилище Аглароса[102] на северной стороне Акрополя. Кто-то должен был броситься вниз, чтобы объяснить ситуацию. Когда упоминается только одна сестра, то это, естественно, Аглаурос, но для полноты картины часто допускается, что все три сестры покончили с собой.

Из трех сестер Герса не была реальным человеком[103]; у нее нет святыни, она лишь героиня, придуманная для церемонии Герсефории. Культ Аглароса находится ниже Акрополя и явно отделен от культа Пандрососа, и в настоящее время необходимо рассматривать только Пандросос.

Павсаний, указав, что храм Пандрососа примыкает к храму Афины, говорит, что она была "единственной из сестер, кто был непорочен в деле вверенного им сундука". Поскольку в Пандрососе находится столь почитаемая святыня, было бы неловко выставлять ее виновной. Затем, не говоря нам о том, видит ли он какую-либо связь, он переходит к описанию "вещи, которая вызвала у меня величайшее изумление и не известна в целом". То, что так поразило Павсания, было церемонией аррефории[104]. Девы, называемые аррефориями, несли на головах определенные священные вещи, покрытые одеждой; ночью они переносили их по естественному подземному ходу в участок, расположенный неподалеку от храма Афродиты в Садах. Там они оставляли то, что несли, и приносили обратно другие вещи, также завернутые и неизвестные. По аналогии с другими мистериальными культами мы можем быть уверены, что носимые предметы были своего рода талисманами плодородия, и их несли в сундуке или плетеной корзине, *цисте* или *ликноне*, завуалированных так, чтобы святыню не было видно. Девушки-Аррефоры не должны были заглядывать в священные сундуки. Почему? Ответ был готов: у богини, которой они служили, Пандросос, тоже был свой священный сундук, в который она и только она не заглядывала.

Личность Пандросос трудно охватить и зафиксировать. Ясно одно: "Пандросос" - это не просто "титул Афины". Она, как дочь Кекропса, явно принадлежит к тому раннему слою, который существовал до господства богини. Позднее Афина поглотила ее, как поглотила все остальное. В официальных надписях она обычно идет после Афины и явно является отдельной личностью. Так, эфебои[105] приносили свои "жертвы при отплытии (*ἐξίτηρις*) на Акрополе Афине Полиас, Куротрофосу и Пандрососу", а женщины клялись ею, хотя и не так часто, как Аглауросом. У нас есть один особый ритуал, который выглядит так, будто между ней и Афиной в какой-то момент возникли трения. Арпократион[106], объясняя редкое слово "*ἐπίβοιον*", "то, что после вола", говорит, ссылаясь на Филохора, что так называлась жертва, приносимая Пандрососу. Если кто-либо приносил в жертву Афине быка, необходимо было принести в жертву Пандрососу овцу. Афине грозило вытеснение Пандрососа, и кто-то решил, что этого не должно произойти; все, что могла обеспечить "богиня", - это первенство.

Итак, мы нашли богиню-деву, которая была здесь до "Богини", а может быть, и сама была "Богиней" до того, как Афина присвоила себе этот титул. Пандросос принадлежит к раннему периоду Кекропидов, до того как жители холма стали афинянами. Возможно, ее присутствие проливает свет на прекрасные, но до сих пор загадочные фигуры "дев", которые предстали перед нами в результате недавних раскопок. Кто и что они?

Дева", чья фигура выбрана для фронтисписа этой книги, была найдена одна, несколько позже остальных, в октябре 1888 года, не как остальные (стр. 16) к северу от Эрехтейона, а у

стены Кимона к югу, между участком Артемиды-Брауронии и западным фасадом Парфенона. В этом есть определенная целесообразность, потому что, хотя по одежде, украшениям, окраске, общему типу она похожа на остальных, ее великая красота всегда будет выделять ее. Туловище и голова были найдены отдельно, и в туловище нет ничего особенно примечательного. Уникальной красотой обладает все лицо, и это не поддается анализу. Однако есть особенности, которые стоит отметить. Правый глаз расположен гораздо более косо, чем левый. Это придает неповторимый шарм и индивидуальность; необычайно высокий лоб подчеркивает строгую девственность, то же самое можно сказать о прямой груди и длинном тонком горле. Но секрет ее красоты сохранился; стоя сейчас среди других "дев", она - существо из другого мира, и при всей своей красоте остальные выглядят просто добродушной толпой крепких матерей и приветливых домохозяек.

Статуи, которых сейчас насчитывается более пятидесяти, были названы "девами" - название, распространенное среди археологов. Оно вызывает возражения, поскольку "девы" (*kórai*) означали на официальном языке уже цитированной надписи[107] фигуры "кариатид" из Эрехтейона. У этого слова, однако, есть одно большое преимущество: оно расплывчато и не обязывает того, кто его употребляет, к какой-либо теории относительно значения статуй. Слово *korè* означало для греков не только девицу, но и куклу, марионетку или статую девицы. Достаточно вспомнить знакомую эпиграмму с посвящением Артемиде[108]:

Дева болот, Тимарете сюда приносит

Перед свадьбой свои кимвалы, свой дорогой шар

Тебе дева, ее девичьи приношенья,

Ее снуд, ее девичьи куклы, их одежда и все остальное.

Здесь *korai* - это настоящие куклы, но в аттических надписях мы находим слово *korè*, используемое для обозначения статуи[109], например, "золотой *korè* на столбе"; или снова в посвящении Посейдону: "Он посвятил как первые плоды этот *korè*". *Kore* - это одна из форм *агальмы*, предмета наслаждения.

Статуи, таким образом, можно назвать "Девами", но это слово слишком расплывчато, чтобы помочь нам в определении их значения, и именно их значение, кто и что они собой представляют, а не их ценность для истории искусства, интересует нас в данном случае.

Вопрос обычно ставится так: это статуи Афины, или это статуи смертных женщин, посвященных ей? Жриц или просто поклоняющихся ей? Статуями Афины они, я думаю, точно *не являются*; у них нет ни шлема, ни копья, ни щита, ни даже эгиды. Афина может появляться спорадически, без характерных атрибутов, но чтобы серия из пятидесяти статуй Афины была посвящена без единого намека на то, что заставляло Афины быть Афиной, едва ли возможно.

Так являются ли они смертными девами? Для жриц их число, ограниченное по стилю коротким периодом лет, слишком велико. Если они просто смертные поклонницы, то по меньшей мере странно, что в двух единственных случаях, когда мы имеем надписи на базах, они посвящены мужчинами. В одном случае мы имеем простое заявление: "Эвтидику, сыну Фалеарха, посвящается[110]"; в другом - Антенор, как утверждает, сделал статую, а Неархос посвятил ее как "первый плод своих трудов[111]". Стал бы Неархос посвящать статую смертной женщины "первым плодам своих дел"? Кажется, мы зашли в тупик.

Но, несомненно, существует и третье решение. Девы не обязательно должны быть смертными, потому что они не Афина. Было время до того, как вооруженная дева с копьем,

щитом и эгидой пришла из Ливии или с Востока, время, когда другая дева правила на холме и была "Богиней". Разве не возможно, что девы созданы по ее образу и подобию, и что когда вооруженная богиня завладела холмом, когда древние Кекропиды и Эрехтеиды стали Афиной, девы старого порядка перешли на службу к деве нового? Что мы должны считать их тип, по крайней мере, сформированным для поклонения Пандросу, а не Афине? Тип воинственной богини не был моден в Греции. Греки, если это вообще можно назвать народом, твердо придерживались доктрины, что

Вооруженная женщина сама ведет войну.

Вооруженную и обезоруженную женщину, амазонку в поражении, они делали красивой и пронзительно человеческой, но вооруженная и торжествующая Афина Никифора оставалась холодной нереальностью. *Коре* из Элевсиса не вооружена, но в Коринфе и Спарте было самое странное из всех зрелищ - изображение вооруженной Афродиты[112]. Откуда она появилась, как будет показано позже (стр. 109), не вызывает сомнений. В Китере[113], говорит нам Павсаний, "святилище небесной богини является самым священным, и из всех греческих святилищ Афродиты это самое древнее". Богиня представлена деревянным изображением, вооруженным". Китерейцы называли свою вооруженную восточную богиню Китерой. Афиняне называли ту же вооруженную богиню "Афиной"? Как бы то ни было, до ее появления они поклонялись *безоружной* деве.

Прежде чем мы перейдем от Кекропса и Пандроса к более позднему порядку при Эрехтее, необходимо отметить традиционные события, относящиеся к правлению Кекропса. Их три:.

1. Состязание между Афиной и Посейдоном, в котором Кекропс выступал в качестве судьи.
2. Введение поклонения Зевсу.
3. Институт брака.

Обсуждение поединка между Афиной и Посейдоном действительно относится к периоду Эрехтеиды и должно быть отложено до этого времени. Введение поклонения Зевсу и институт брака, вероятно, являются лишь религиозными и социальными силами одного и того же продвижения, и их можно рассматривать вместе.

Перед Эрехтейоном, как рассказывает Павсаний[114], находился алтарь, посвященный Зевсу Гипатосу, на котором не приносили в жертву живых существ, а только лепешки (πέλανοι). Павсаний не говорит здесь, что алтарь был посвящен Кекропсом, но, рассуждая об Аркадии[115] и человеческом жертвоприношении Ликаона, он говорит: "Кекропс был первым, кто дал Зевсу титул Верховного, и он не приносил в жертву ничего живого, но он сжигал на алтаре местные лепешки, которые афиняне по сей день называют *пеланои*". Вероятно, произошло как раз обратное тому, что описывает Павсаний: существовал старый алтарь "верховного", *Гипатос*; в то или иное время его занял переселенец Зевс; смена алтаря была приписана Кекропсу.

Зевс по сути своей был представителем патриархального строя, *то есть* такого положения вещей, при котором отец, а не мать, является главой семьи, дает свое имя детям, владеет семейным имуществом и совершает семейные обряды. Ничто не может быть более патриархальным, чем конституция гомеровского Олимпа. Такое положение вещей обязательно связано с той или иной формой социального института, известного нам как брак. Соответственно, мы узнаем от Афиней[116], цитирующего Клеарха, ученика

Аристотеля, что "в Афинах Кекропс был первым, кто соединил одну женщину с одним мужчиной: до этого соединения происходили случайно и браки были обычным делом - поэтому, как считают некоторые, Кекропс был назван "Двуединым" (διφυής), поскольку до его дня люди не знали, кто их отцы, из-за количества" (возможных родителей). История о состязании между Афиной и Посейдоном позже была смешана с той же традицией перехода от патриархата к матриархату. Святой Августин[117] говорит, что женщины проголосовали за Афины, и их наказанием, среди прочего, должно было стать то, что "никто впредь не должен был называться именем своей матери".

Мы переходим к трем знакам (σημεῖα), первый из которых

а. Священное оливковое дерево.

Священный цветок оливы, чей охрипший лист

Высоко в тенистом святилище Пандроса

Чествует всех нас.

Аполлодор[118] говорит: "После него (Посейдона) пришла Афина и, сделав Кекропса свидетелем своего захвата, посадила оливу, которую теперь показывают в Пандросейоне". Действительно, "захват", и не от Посейдона, а от старшей богини Пандросос. Афина явно незваная гостья: зачем Пандросе чужие оливковые деревья на ее участке? Олива - лишь одна из многих "фишек" или атрибутов, которые Афина присвоила себе. Она была там и до нее, и Кекропс вполне справедливо держит ее в своей руке.

Оливковое дерево росло в Пандросейоне, росло оно и в более древнем Эрехтейоне. Геродот[119] говорит: "На этом Акрополе есть храм Эрехтея, которого называют земнородным, а в нем - оливковое дерево и море, которые, по существующему среди афинян преданию, Посейдон и Афинаида посадили в знак того, что они спорят за страну". Здесь нет расхождений, Пандросейон должен был быть включен в более древний Эрехтейон.

По счастливой случайности среди оставленных нам фрагментов декоративной скульптуры есть один, на котором вырезан "священный цветок оливы" в трех нежных веточках. Настоящая священная олива была старой, чахлой и кривой[120], но художник пошел своим путем. Фрагменты сгруппированы вместе в предположительной реставрации[121] на рис. 20. Достоверно известно лишь то, что перед нами дорическое здание и примыкающая к нему стена участка, над которым растет олива. На фоне стены здания изображена фигура женщины в пурпуре, в пеплосе и гиматии. У стены участка когда-то стоял мужчина. От него осталась только одна нога. Эти две фигуры могут быть частью процессии. Женщина, стоящая в полный рост, *может* принадлежать к той же композиции, но это не точно. Она одета в красный хитон и голубовато-зеленый гиматий. На голове у нее подушечка (τύλη), так как она несет какую-то ношу. Одна из ее рук поднята, чтобы поддержать его. Мы инстинктивно думаем об Аррефоре. Фигура, хотя и очень грубо вырезанная, имеет что-то от милой серьезности других "дев". Вся композиция могла принадлежать фронтому более раннего Эрехтейона, но ее живописный характер делает ее более вероятным вотивным рельефом для посвящения там и изображением какой-то сцены поклонения в древнем святилище.

Внутри более древнего Эрехтейона мы имеем еще

(b) Цистерна или "море", названное в честь Эрехтея. Вместе с ним можно взять

(с) Трезубец, священный для Посейдона.

К счастью, расположение этих двух святынь не вызывает сомнений. Под плитами самой западной камеры (с) нынешнего Эрехтейона находится большая цистерна[122], вырубленная в скале, а на северном крыльце (А) - следы трезубца.

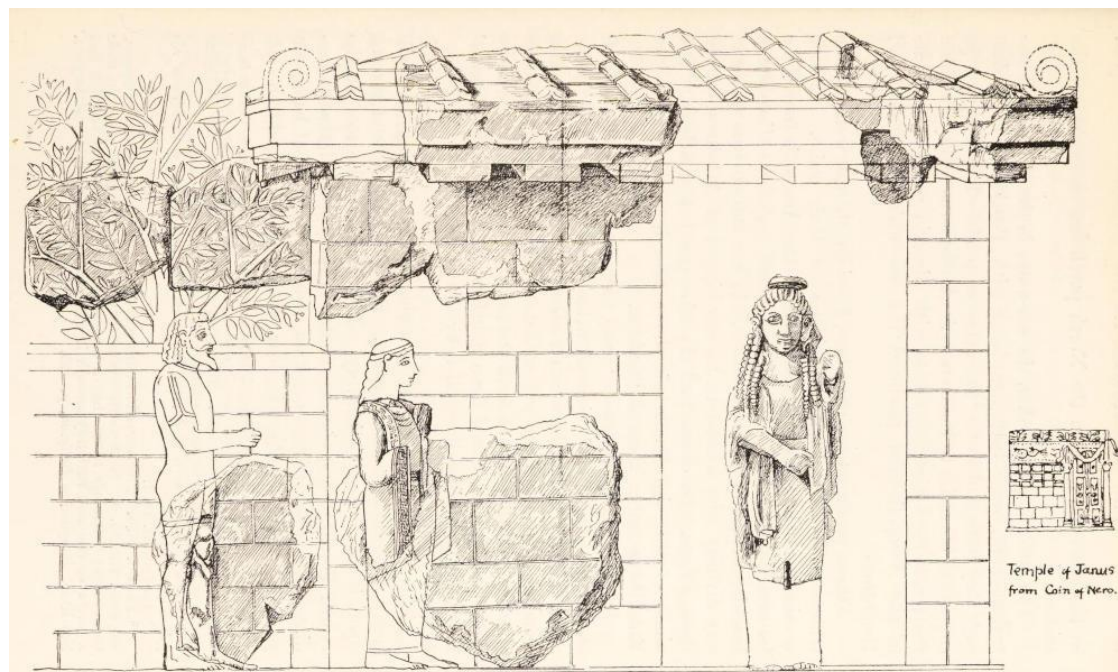

Рис. 20.

Эти два предмета вместе - морская вода в цистерне и знак трезубца - ассоциировались с Посейдоном. Павсаний[123] говорит, что они были "доказательством, которое Посейдон привел в поддержку своих притязаний на страну". Аполлодор[124] говорит: "Посейдон первым пришел в Аттику и ударил своим трезубцем в середину Акрополя и произвел море, которое теперь называют Эрехтейс".

Афина принесла оливковое дерево, Посейдон - соляной колодец и знак трезубца в качестве "знаков" или доказательств своих притязаний. Это явная этиология. На Акрополе с незапамятных времен находились определенные вещи, считавшиеся священными: разросшееся оливковое дерево, солоноватый колодец, три отверстия в скале. Очевидно, что любое божество, желающее, чтобы ему поклонялись в Афинах, должно было присовокупить эти знаки. Оливковое дерево было у Пандроса до Афины. Название колодца Эрехтейс показывает, что это был "знак" Эрехтея, а не Посейдона.

Такие священные деревья, такие "моря", такие любопытные знаки существовали и в других местах; сам Павсаний[125] отмечает, что в другом глухом месте, Афродисии в Кarii, был морской колодец. Примечательным в колодце в Афинах ему показалось то, что при южном ветре он издавал шум волн, но поскольку он не говорит, ждал ли он южного ветра, то "шум волн" мог быть деталью, предоставленной гидами.

Знак трезубца относится к классу священных вещей, которые заслуживают более пристального внимания. Свежий свет на него бросило недавнее открытие. При осмотре крыши Северного крыльца с целью ремонта было замечено, что прямо над знаком трезубца в крыше специально оставлено отверстие. Цель ясна: священный знак должен был быть оставлен открытым небу; он должен был быть *sub divo*. Это явно больше подходит богу неба, чем богу моря.

Лучшие аналогии мы черпаем из римских источников. Овидий[126] рассказывает, что во время строительства нового Капитолия у целого множества божеств советовались авгуры, не уйти ли им, чтобы освободить место для Юпитера. Они тактично согласились, все, кроме старого Терминуса. Он устоял, оставшись в своем святилище, и до сих пор имеет общий храм с могущественным Юпитером:

И все же, чтобы он мог видеть только небесные знаки.

В крыше над ним есть небольшое отверстие.

Когда требовалось место для олимпийца, будь то Зевс, Посейдон или Афина, к старшим божествам не всегда обращались так вежливо. Мы даже не знаем, чьим жетоном под открытым небом завладел Посейдон.

Сервий[127], комментируя "непоколебимый камень Капитолия", рассказывает ту же историю. Было время, когда не было храма Юпитера, то есть не было Юпитера. Авгурий говорил, что Тарпейская гора - самое подходящее место для его строительства, но на ней уже находилось множество святилищ других божеств. Были проведены церемонии, чтобы "призвать" с помощью жертвоприношения других божеств в другие храмы. Все они охотно переселились, только Терминус отказался переезжать: это было воспринято как знак того, что Римская империя будет вечной, и поэтому в Капитолийском храме часть крыши, расположенная непосредственно над ним и смотрящая вниз на сам камень Терминуса, была открыта, *так как Терминусу нельзя приносить жертвы иначе как под открытым небом*. Терминус был всего лишь священным камнем или гермой, кстати, для практичных римлян - пограничным богом. Другой римский бог, Фидий[128], имел в своем храме крышу с отверстием (*perforatum tectum*), а Фулгур, Каэлум, Сол и Луна должны были обитать в гигастраловых храмах[129]. Место, куда ударяла молния, было в Греции священной землей, огороженной, но всегда открытой сверху для бога, который освятил ее, для "нисходящего", Катаибата[130]. Катаибат стал Зевсом Катаибатом, Фулгур - Юпитером Фулгуром, но молния и "нисходящий" существовали до прихода олимпийцев, а тройной знак предшествовал Посейдону.

Поэтому, представляя себе древние святыни Акрополя, мы должны начать с некоторых природных святынь, которые были там с незапамятных времен, которые были святы сами по себе, а не потому, что они были посвящены тому или иному божеству. Таковыми были оливковое дерево, соленое море, трезубец-рыба - мы вернулись во времена скорее священных вещей, чем божественных личностей. Сменяющие друг друга героические семьи, овладевая царской властью, овладевают этими святынями; они становятся как бы регалиями. Во времена Кекропидов оливковым деревом владеет Пандроса, дочь и *паредес* Кекропа; во времена Эрехтеидов колодец называется Эрехтейс, а все святыни входят в Эрехтейон. Стоит отметить, что хотя Посейдон претендовал на колодец и знак трезубца, он никогда не называл их своим именем, а Афина, хотя и хвасталась оливковым деревом и змеей, никогда не называла их в свою честь.

Имя Эрехтея или Эрехтония относится к более позднему периоду, чем правление Кекропса. В правление Кекропса мы не слышим ничего о внешней политике. Он занимается цивилизацией своего народа, женится на нем, учит его приносить бескровные жертвы. А вот правление Эрехтея отмечено великой войной. Он воевал с Эвмолпосом, царем соседнего Элевсиса, и победил его. Кекропия сделала первый шаг к гегемонии, которую она должна была получить при Тесее.

Эрехтей, а не Кекропс, - царь-герой, известный Гомеру; два отрывка, в которых упоминаются он и его город, очень важны. В "Одиссее"[131] Афина, посоветовавшись с Одиссеем, оставляет его одного входить в дом Алкиноя, а сама отправляется домой. С этим сероглазая Афина ушла за нехоженые моря, покинула приятную Схерию и пришла в Марафон и широкопрофильные Афины, и вошла в добрый дом Эрехтея". Здесь, очевидно, у Афины нет храма, она должна укрыться в добром доме Эрехтея (Ερεχθῆος πικρὸν δόμον). Так было в старые царские времена: король был божественным, а его дворец - святилищем.

Но в Каталоге кораблей[132], который, по общему мнению, является более поздним документом, все обстоит совсем иначе. Среди капитанов кораблей были "те, кто владел прекрасной цитаделью Афин, владением Эрехтея высокородного, которого Афина, дочь Зевса, воспитала, когда Земля, дарительница зерна, родила его; и она дала ему место отдыха в Афинах, в своем богатом святилище; и там сыновья афинян поклоняются ему с быками и баранами, когда годы идут своим чередом".

Этот отрывок примечателен. Очевидно, что певец находится в некотором затруднении. Афина в его время является верховной; у нее есть хороший храм: это она оказывает гостеприимство Эрехтею, а не Эрехтей ей. Однако певцу известна ранняя традиция о том, что прекрасная цитадель принадлежит царю Эрехтею, известен и ритуальный факт ежегодного жертвоприношения ему. Этот ритуальный факт жертвоприношения Эрехтею засвидетельствован Геродотом[133]. Он рассказывает, что эпидаврам было разрешено срубать священные оливковые деревья для изготовления статуй, при условии, что они ежегодно будут приносить жертвы Афине Полиас и Эрехтею. Здесь богиня присоединяется к почестям, о чем Гомер прямо не говорит, хотя, вероятно, понимает.

Пока что у нас есть Эрехтей, царь-герой, царь-змея, как и более ранние Кекропс и Афина. Афина, очевидно, является более поздним вторжением, но у нас не было никаких свидетельств о Посейдоне. Положение Посейдона в Афинах весьма своеобразно. В отличие от Эрехтея, у него нет храма, названного в его честь, он не может дать свое имя даже соленому морю - ну, а знак его трезубца, вероятно, начинается с пораженной громом скалы; в отличие от Афины, он никогда не называет народ в свою честь, и все же, несмотря на все это, его поклонение является древним и глубоко укоренившимся, и именно от него, а не от Зевса или Афины, претендовала на происхождение старая афинская аристократия.

Мы настолько привыкли считать Афины альфой и почти омегой афинской религии, что приоритет Посейдона, одного из "других богов", нуждается в подчеркивании. Впрочем, сами афиняне, по крайней мере, более консервативные[134] из них, признавали это. Посейдон, как они знали, был сыном Кроноса, а Афина - дочерью младшего Зевса.

"О море-Посейдон и вы, престарелые боги!

воскликает юноша в "Плуте", когда подносит факел к морщинам на иссохшем лице старухи. Когда в "Лягушках" Еврипида заставляют произнести то, что считается прекрасным старым

консервативным чувством, Дионис отвечает: "Хорошо, Посейдон, что так!". Когда в *"Рыцарях"* Никиас, домашний раб, консервативный, как и подобает его классу, слышит, что новый демагог - это торговец черным пудингом, он в ужасе восклицает,

"Помещик черных пудингов, Посейдон, что за ремесло!

Выбор Посейдона консервативной партией не был случайностью; они верили в него, клялись им, потому что считали себя его потомками. В случае с одной знатной семьей, Бутадами, это происхождение не было простой случайной традицией; их родословная была записана в самом Эрехтейоне, и они утверждали, что происходят от некоего Бутеса, сына Посейдона и брата Эрехтея. Когда Павсаний[135] вошел в более поздний Эрехтейон, он увидел в первой камере три алтаря: "один священный Посейдону, на котором приносятся жертвы Эрехтею в соответствии с повелением оракула, другой - герою Бутесу, третий - Гефесту; картины на стене изображают семью Бутадов". Часто говорят, что Эрехтей - это просто "титул" Посейдона; так считали лексикографы. Гесихий[136] объясняет Эрехтея как "Посейдон в Афинах". Но утверждение об алтаре показывает, что изначально они *не* были одним и тем же, для их соотнесения требовалось повеление оракула. Примечательно также, что у Посейдона нет своего храма, только алтарь в "жилище" (οἶκμα), называемом Эрехтейоном. Это святилище, носящее царское имя, остается его "непоколебимым домом" и служит вечным воспоминанием о тех временах, когда царь был жрецом и наместником бога на земле.

Но наступило время, когда цари перестали быть в прежнем полном смысле воплощением богов, и тогда царские функции разделились на две должности, светскую и духовную. Об этом в Афинах мы имеем следы в повествовании Аполлодора[137]. Он говорит, что "после смерти Пандиона его сыновья разделили отцовский удел, и Эрехтей принял царство, а Бутес - жречество Афины и Посейдона, сына Эрехтония". Именно родословная царского жреца Бутеса была религиозно сохранена в Эрехтейоне. Росписи на стене, конечно, могли относиться только к перестройке этих стен в 409 году до н. э., но генеалогическое древо уходило в незапамятные времена. В *"Жизни десяти ораторов"*[138] мы слышим о Ликурге, Этеобутеде, следующее. Его предки происходили от Эрехтея, сына Ге и Гефеста, но его непосредственными предками были Ликомед и Ликург, которых народ почтил публичными похоронами. А происхождение его рода от тех, кто занимал должность жреца Посейдона, записано на полной табличке в Эрехтейоне, составленной Исмением, сыном Халкида, и там же есть деревянные изображения Ликургоса и его сыновей, Хаброна, Ликургоса и Ликофрона, сделанные Тимархосом и Кефисодотосом, сыном Праксителя. Хаброн посвятил скрижаль своему сыну и, наследовав жреческий сан, отказался от него в пользу своего брата Ликофрона. Поэтому Хаброн изображен передающим ему трезубец.

По таким родословным, по генеалогиям и сменяющим друг друга священствам царских жреческих семей велась древняя хронология. Аргивская хронология, как мы помним, отсчитывалась по годам посвящения сменявших друг друга жриц Геры[139]. Записи велись в древнем святилище Герайон, а статуи жриц были установлены перед храмом[140].

С вопросом о культе Афины мы не имеем дела, но поскольку Посейдон категорически относится к "другим богам", необходимо сказать несколько слов о том подчиненном положении, которое он занимает. Это положение примечательно. Для консервативной партии, как мы видели, он был богом первой важности; очень заметно, что хор рыцарей[141] поет в первую очередь "Посейдону, повелителю коней" и только во вторую - "Палласу, владычице цитадели". Их обычное ортодоксальное отношение - Афина на первом месте, Посейдон на втором - отражено в гимне в Колоносе. Однако, когда мы переходим к изучению

ритуала, связанного с этими двумя божествами, мы обнаруживаем, что их жречество было совместным; бутадаи имели жречество не только Посейдона, но и Афины[142].

Эти трудности, эти несоответствия в традиции, несомненно, были бы легко разрешимы, если бы мы полностью знали происхождение культов Посейдона и Афины. В настоящее время это скрыто от наших глаз. Кекропс, Пандрос, Эрехтей, очевидно, являются местными. Их поклонение никогда не распространялось за пределы Афин, но Посейдону и Афине поклонялись по всей Элладе, и были ли они в Афинах местными или привнесенными, сейчас нельзя сказать наверняка. Геродот[143] решительно заявляет, что Посейдон появился в Ливии, "ибо никто, кроме ливийцев, не носил первоначально имени Посейдона, и они всегда поклонялись ему". Именно в Ливии тот же Геродот[144] отмечает, что жители озера Тритонис приносят жертвы главным образом Афине, а затем Тритону и Посейдону, а от ливийских женщин греки переняли платье и эгиду статуй Афины.

Если мы рискнем заглянуть в далекие и темные времена, можно предположить, что поклонение Посейдону и Афине пришло из Ливии в Аттику от географически далекого, но имеющего расовое родство народа[145]. В Ливии Афина, как отмечает Геродот, была более важной из двух богинь. Старая матриархальная богиня, перевезенная в Афины во времена царя Эрехтея, она опустилась на подчиненное место, когда социальные условия стали патриархальными, а не матриархальными. Во главе афинской родословной стоял Посейдон, а не Афина. Он возглавлял консервативную аристократическую партию. Но в какой-то период политических потрясений, возможно, еще во времена Пейсистрата[146], ситуация изменилась, и древняя матриархальная богиня, покровительница тиранов и демократии, вновь заявила о себе. Именно Афина, а не Посейдон, возвращает Писистрата на своей колеснице в Афины. Все это, прежнее превосходство Посейдона и возрождение Афины, отражено в мифе об *Эрис*, соперничестве, борьбе двух божеств за землю, в этиологическом мифе о посадке оливкового дерева и ударе трезубцем по скале.

Итак, среди "других божеств" - прежде всего Кекропс и Эрехтей, древние одноименные цари, Пандросос, дочь и *паредес* Кекропса, а позднее связанный с ними иммигрант Посейдон. Их "святыни" - гробница Кекропса, олива, "море", знак трезубца. Список не исчерпывает "других божеств", которым поклонялись на Акрополе; у Зевса были алтари, Артемида, возможно, с ранних времен имела свой участок. Ираклию, хотя он, вероятно, был восточным иммигрантом, поклонялись на Акрополе очень рано. Это было одной из внезапных поправок, иногда так резко вносимых археологией в наши предрассудки, что среди древних поросских скульптур, от которых осталось так много останков, Геракл занимает видное место, а Тесей, как ни странно, отсутствует. Но группы божеств и святынь, которые группируются вокруг Эрехтейона, достаточно для нашей цели и для цели Фукидида. Они показывают, что Акрополь был *полисом* по той простой причине, что "в самой цитадели есть святилища и других божеств" (например, богини).

ГЛАВА III. СВЯТИЛИЩА, НАХОДЯЩИЕСЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЦИТАДЕЛИ.

καὶ τὰ ἔξω πρὸς τοῦτο τὸ μέρος τῆς πόλεως μᾶλλον ἴδρται, τὸ τε τοῦ Διὸς τοῦ Ὀλυμπίου καὶ τὸ Πύθιον καὶ τὸ τῆς Γῆς καὶ τὸ ἐν Λίμναις Διονύσου (ὥς τὰ ἀρχαιότερα Διονύσια τῇ δωδεκάτῃ

ποιεῖται ἐν μηνὶ Ἀνθεστηριῶν) ὥσπερ καὶ οἱ ἀπ' Ἀθηναίων Ἴωνες ἔτι καὶ νῦν νομίζουσιν, ἴδρυται δὲ καὶ ἄλλα ἱερὰ ταύτῃ ἀρχαῖα.

Thucyd. II. 15.

Давайте подведем итог. Фукидид сделал заявление о городе до времен Тесея: *"До него то, что сейчас является цитаделью, было городом, вместе с тем, что находится под ним по направлению к югу"*. В поддержку этого утверждения он привел один аргумент. Святилища находятся в самой цитадели, а также святилища других божеств (например, богини). Теперь он приводит второй: *"А те, что снаружи, расположены в этой части города больше (чем в других местах). Таковы святилище Зевса Олимпийского, и Пифион, и святилище Ге, и святилище Диониса-в-болотах (которому посвящен более древний праздник Дионисия в 12-й день месяца Антестерион, как это принято и по сей день у ионийских потомков афинян); и другие древние святилища также расположены там"*.

Этот второй аргумент нам и предстоит рассмотреть:...

Под *"этой частью города"* совершенно ясно, что Фукидид имеет в виду ту часть города своего времени, которую он тщательно выделил; т.е. цитадель плюс что-то, плюс *"то, что ниже ее к югу"*; под этим, как мы видели, подразумевается верхняя цитадель плюс Пеларгокон. Это второе свидетельство, как и первое, приводится просто для того, чтобы доказать небольшие пределы древнего города. Но Фукидид выразился несколько неосторожно. Читатели, не знающие, где находятся святилища, приведенные в качестве примера, могли и должны были воспринять *"по направлению к этой части города"* как *"примерно на юг"*. Близость двух фраз и видимость связи между ними, если на самом деле никакой связи не было, - это, как замечает д-р Верралл[147], "недостаток композиции, который не прошел бы мимо ученика Исократа". Небрежность Фукидида, однако, вполне оправдана. Он предполагает, что расположение святилищ, о которых он рассказывает, известно каждому афинянину его времени. Он также полагает, что основная суть его аргументов запомнена, что читатели понимают, что его интересует характер и *размеры*, а не *направление развития* древнего города.

Все, что Фукидид сообщает нам, это то, что святилища за пределами древнего города находятся *"по направлению"* к нему[148]: строго говоря, он не дает нам абсолютно никакой информации о том, находятся ли они на севере, юге, востоке или западе. Но *"в направлении"* подразумевает приближение, и, если нам говорят, что святилища находятся *"в направлении"* какого-то места, мы, естественно, думаем о том, что отправимся туда и найдем эти святилища на подходе к этому месту.

Что касается направления подхода к Акрополю, то здесь, к счастью, нет никаких сомнений. Во времена Фукидида он находился там же, где и сейчас, - на западе; во времена до Персидской войны, когда старые святилища росли по направлению к подходу, он находился на юго-западе. Таким образом, мы примерно знаем, где искать наши *"внешние"* святилища; они будут находиться около входа на западе и юго-западе. Однако мы должны помнить, что древний вход с его укреплениями, Эннеапилон, занимал гораздо большую площадь, чем сейчас занимает Пропилеи; он охватывал всю западную часть холма и часть северной стороны, а также часть южной. Южная часть, как мы уже видели (стр. 34), была намного больше северной.

Святилище Зевса Олимпийского и Пифион. Два первых упомянутых святилища - Зевса Олимпийского и Аполлона Пифионского - связаны между собой более тесно, чем просто топографическим сопоставлением. В Керамейкосе у Аполлона Патрооса[149] был храм

рядом со стоа Зевса Элевтериоса; внизу, у Илиссоса, Зевс Олимпийский имел свое великое святилище (рис. 49), а рядом с ним у Аполлона Пифиоса был теменос, и здесь, где Фукидид говорит о древнейшем основании двух богов, отца и сына, они явно находятся в тесной взаимосвязи. Это удачно для нашего аргумента. Ведь если мы знаем точное местоположение самого раннего Пифона, то от этого самого раннего Олимпиона не осталось никаких определенных останков. Из известного места Пифона и из тесной связи между ними мы можем в узких пределах вывести неизвестное место Олимпиона.

Возможно, в этот момент, если читатель знает современные Афины, слова "неизвестное место" Олимпиона вызовут инстинктивный протест. Конечно, место, где находится Олимпион, с его знакомым скоплением коринфских колонн, является наиболее определенным и знакомым. Он находится к юго-востоку от Акрополя, недалеко от Илиссоса (см. рис. 49). Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что этот Олимпион, хотя он и знаком, не имеет отношения к делу, более того, он невозможен. Он слишком удален от древнего города, слишком недавно появился, чтобы считать его древним святилищем. Его, как хорошо знал Фукидид, начал строить Пейсистрат[150].

Начнем с того, что местоположение Пифиона, к счастью, определено.

Только литература позволяет нам сделать это в узких пределах. В "Ионе" Еврипида[151] Ион, узнав, что Креуса родом из Афин, выпытывает у нее подробности об этом "славном" городе. Как жреца его, естественно, интересуют все канонические легенды, но что его действительно интересует, так это древнее священное место, связывавшее Афины с Дельфами. Дельфийский птенец с нетерпением спрашивает

А есть ли место, которое называется Длинные скалы?

Кре. Почему ты спрашиваешь об этом? О память, которой ты коснулся.

Ион. Пифия чтит его, и пифия жжет костры.

Кре. Почитает! Почитает! Будь проклят тот день, когда я это увидел.

Ион. Что это? Ты ненавидишь те места, которые бог любит больше всего.

Кре. Ничего. Эти пещеры могли бы рассказать позорную историю.

Но благочестивому Иону не это нужно, и он сворачивает тему.

Самое дорогое для пифии место в Афинах, место, которое чтят его молнии, находится на Длинных скалах, и там, как мы можем с уверенностью предположить, находилось самое раннее святилище бога.

Пролог той же пьесы рассказывает нам, где находились Длинные скалы, а именно на севере Акрополя. Говорит Гермес, который привел Иона в Дельфы[152]:

В Элладе есть знаменитая цитадель,

Названная в честь Палласа золотого копья,

И там, где северные скалы под холмом Палласа

Длинными скалами зовутся, Фибус там силой

Взял в жены Креусу".

Не только Ион знает, что это место почиталось пифийскими кострами, это не просто "поэтическая" фигура. Страбон[153], рассказывая о месте под названием *Харма* в Беотии, говорит, что мы не должны путать эту Харму с другой Хармой возле Пиле, дема в Аттике, граничащего с Танагрой. В связи с этой аттической Хармой, добавляет он, возникла пословица "Когда через Харму стало светло". Далее Страбон рассказывает, что за этой Хармой, которая находится на горе Парнес, к северо-западу от Афин, наблюдали некие чиновники, называемые пифиастами, в течение трех дней и ночей в каждом из трех последовательных месяцев; когда наблюдалась вспышка молнии, в Дельфы отправляли жертву. Местом наблюдения был алтарь Зевса Астрапайоса, Зевса Молнии, и этот алтарь находился в (или на) стене (Акрополя) между Пифионом и Олимпионом".

Еврипид, очевидно, намекает на этот определенный ритуал, который, конечно, был бы знаком Иону. Этот ритуал, по его замыслу, должен был происходить у Длинных скал. Поэтому возле Длинных скал должен был стоять алтарь Зевса Молнии, на стене между Олимпионом и Пифоном. Таким образом, не только Пифион, но и Олимпион должны были находиться рядом с Длинными скалами. Слово, используемое Страбоном для обозначения *стены* (τείχος), является строго фортификационной стеной, и мы, естественно, должны понимать под ним ту часть Пеларгокона, которая защищает северо-западный угол цитадели и примыкает к Длинным скалам (рис. 2). Именно здесь, рядом с Пеларгиконом, мы, судя по рассказу Павсания[154], должны были найти "самое любимое" святилище Аполлона. Покидая Акрополь, Павсаний отмечает Пеларгикон, или, как он его называет, Пеласгикон, и сразу после этого говорит: "На спуске не в нижнюю часть города, а чуть ниже Пропилеев, есть источник воды, а рядом святилище Аполлона в пещере; думают, что именно здесь он встретил Креусу, дочь Эрехтея".

Павсаний говорит "святилище Аполлона в пещере". Именно тот факт, что святилище находится в пещере, поражает и интересует его. Он не называет его *Пифоном*. Но другой писатель использует именно слово "*пифион*". Филострат[155] описывает маршрут панафинейского корабля так: от внешнего Керамейкоса он плыл к Элевсиниону и, обогнув его, пронесся мимо Пеласгикона и пристал к Пифиону, где сейчас и пришвартован. Панафинейский путь, как мы увидим позже (с. 131), был обнажен; пока же нас волнует лишь то, что Пифион упоминается сразу после Пеласгикона и, следовательно, предположительно находился рядом с ним. Филострат помещает то, что он называет *Пифоном*, как раз в то место, где Павсаний[156] видел свое "святилище в пещере"; эти два места идентичны. Кроме того, все сомнения относительно того, где был пришвартован корабль, развеивает сам Павсаний. Он видел корабль и отметил его великолепие. Он стоял "недалеко от Ареопага". Пифион должен был стоять в северо-западном углу Акрополя (рис. 46).

Даже если бы мы полагались только на литературные свидетельства, мы были бы совершенно уверены, что Пифион, о котором говорит Фукидид, находился где-то на Длинных скалах, на северо-западном конце Акрополя. Однако, к счастью, ситуация не остается такой туманной: была найдена и тщательно расчищена настоящая пещера Аполлона, в которой были обнаружены многочисленные votive приношения богу с надписями, что делает приписку несомненной.

С нижней башни в северо-западном углу всегда были хорошо видны три пещеры (рис. 21), одна очень мелкая, сразу над Клепсидрой, и две другие, расположенные ближе друг к другу и несколько глубже, отделенные от первой выступом скалы. На плане на рис. 22 они обозначены А, В и Г. Долгое время поднимался вопрос о том, какая из трех принадлежала

Аполлону, а какая Пану. Поскольку Павсаний[157] сначала упоминает святилище Аполлона в пещере, а затем переходит к рассказу о Фидиппиде, очевидно, *à propos of Pan's cave*, было принято связывать А с Аполлоном, а В и Г, одно или оба, с Паном.

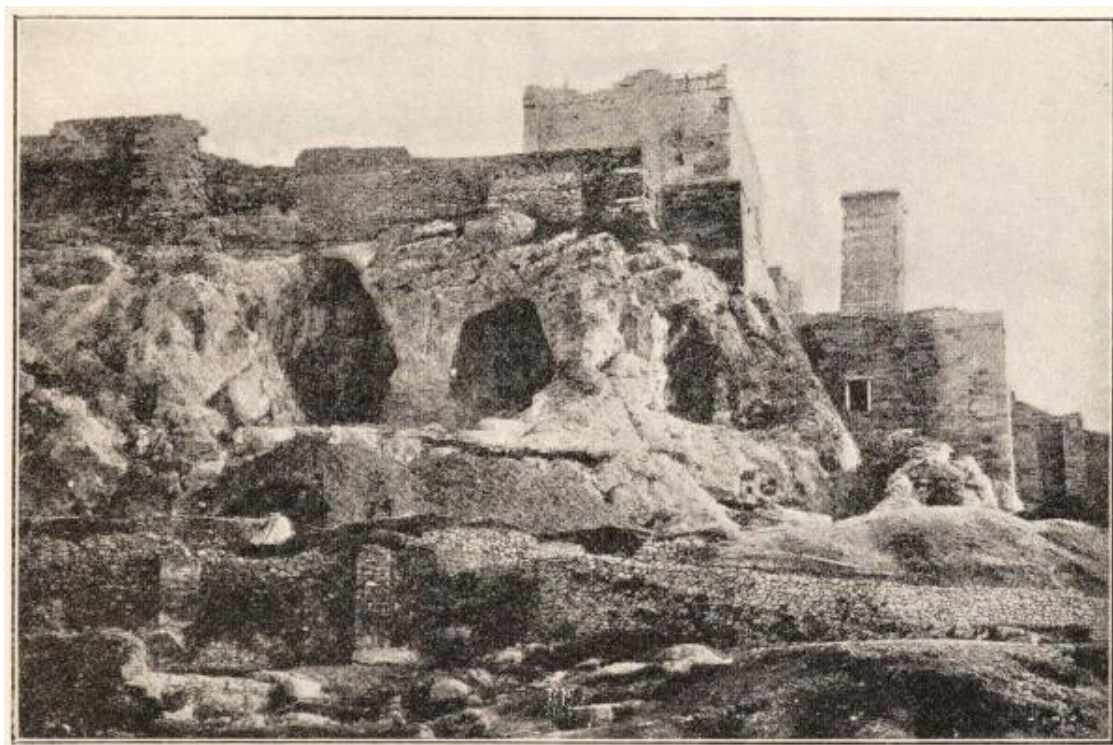

Рис. 21.

Но такое отождествление никогда не считалось вполне удовлетворительным. Пещера А на самом деле вовсе не пещера, а очень неглубокая *ниша*. Невозможно представить ее местом действия истории о Креусе. Более того, на ее стенах нет никаких следов votivных подношений, да и остатки таковых не были найдены.

Между пещерой А и пещерой В есть соединительная лестница α , α' , α' , но следует отметить, что А не имеет прямой связи ни с верхней частью Акрополя, ни с Пропилеями. Крутая лестница, которая сегодня ведет вниз от памятника Агриппы к маленькой церкви, построенной над Клепсидрой, *выглядит* очень скалистой и примитивной, но на самом деле относится только к средневековому или, в крайнем случае, позднеимскому периоду. Она была построена в то время, когда возводилась так называемая "Валерианова" стена, которая начинается от Клепсидры и доходит до Стоа Атталоса (рис. 46, пунктирные линии).

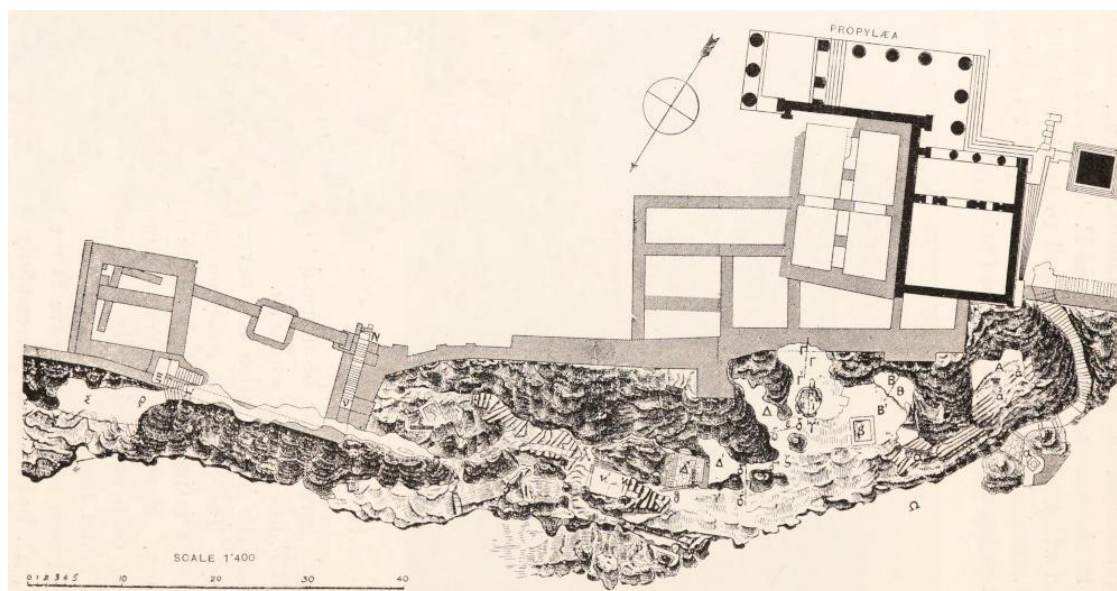

Рис. 22.

Переходим к пещере В, которая раньше считалась принадлежащей Пану. Недавние раскопки[158] не оставляют сомнений в том, что она была священной для Аполлона. Задняя стена и боковые стороны этой пещеры густо усеяны *нишами*, большей частью продолговатой формы, но некоторые из них круглые. Примерно в середине пещеры находится очень большая *ниша*, которая выглядит так, как будто в ней хранилось изображение бога. Во многих *нишах* до сих пор видны отверстия, в которые когда-то забивали гвозди для крепления вотивных табличек. Когда пещера стала чрезмерно переполнена приношениями, они перелились на скалу с левой стороны.

Пока мы уверены, что пещера В была святилищем, но кого? Если А не принадлежала Аполлону, мы должны были бы ожидать, что В, как следующая по порядку, была пещерой Аполлона. Земля перед В была расчищена до живого камня, и результаты этой расчистки[159] оказались убедительными. Прямо перед В обнаружилось одиннадцать табличек или *пинаклей*, все схожего типа, и все с надписями, посвященными Аполлону, либо с названием "под Высотами", либо "под Длинными скалами". Пещера В явно является святилищем Аполлона.

Все вотивные таблички относятся к позднеимскому периоду; вероятно, из-за малого пространства они вытеснили более ранние подношения того же рода. Типы почти не различаются. Образцы приведены на рис. 23. Надпись окружена иногда оливковым, а иногда миртовым венком с характерными ягодами. Иногда венок перевязан двумя змеями. Две надписи могут служить образцом остальных. На № 1[160] (рис. 23) надпись "Удачи Г(айос) Иулиос Метродор марафонец, носивший должность Фесмотеса, посвятил (это) Аполлону Ниже-Длинных (скал)". Во втором[161] случае (рис. 23) посвящающий говорит, что он "царь" (архонт), а посвящение посвящено Аполлону "ниже высот". Очевидно, что эти два титула бога были взаимозаменяемы.

Эти посвящения имеют огромное значение. Маловероятно, что архонты, если бы этот обычай не существовал с незапамятной древности, стали бы искать безвестную пещеру-святилище, в которой можно было бы разместить свои памятные таблички. Разве не было храма Аполлона Патрооса на Рыночной площади и великолепного Пифиона внизу у Илиссоса?

2

1

Они выбрали пещеру-святилище Аполлона, чтобы поместить в нее по окончании срока своих полномочий свою вотивную табличку, потому что именно в этом древнем святилище они давали клятву верности при избрании. При официальном рассмотрении^[162] кандидатов в архонты выяснялось происхождение кандидата как по отцовской, так и по материнской линии. Но мало того, что он должен быть полноправным гражданином, его также торжественно спрашивали, есть ли у него Аполлон Патрос и Зевс Геркейос и где находятся их святилища. Афиняне, поскольку они были ионийцами, утверждали, что происходят через Иона от Аполлона и, конечно, через Аполлона от Зевса. Поэтому святилище в пещере имело для них первостепенное значение. Покончив с этим, кандидаты отправлялись к священному камню возле стоа Басилея, и там, стоя над разрезанными кусками принесенной в жертву жертвы, давали клятву править справедливо и не брать взятку, а также клялись, что если кто-либо из них возьмет взятку, то посвятит в Дельфах золотую статую, соизмеримую по стоимости.

Архонты должны были доказать свое родство с Аполлоном Патроосом и посвятить золотую статую, если они оскорбляли пифийского бога, под чьим непосредственным контролем они находились. Кроме того, недостаточно было принести клятву в Стоа Базилейос. Эта клятва, несомненно, была старше, чем любая Стоа Базилейос на более поздней Рыночной площади. После того как они присягали там, они должны были "подняться на Акрополь и там снова принести ту же клятву^[164]". Тогда и только тогда они могли вступить в должность. И куда же на Акрополе они должны были пойти? Куда, как не в пещеру, где чуть позже они посвятят свои вотивные таблички и где до сих пор стоит фундамент алтаря, в пещеру их предка Аполлона Патрооса и Пифея?

Была ли вторая клятва на Акрополе принесена на самом деле в пещере-святилище, точно сказать нельзя; вотивные таблички делают это вероятным, и они совершенно точно указывают на то, что пещера-святилище официально использовалась архонтами. Этот факт необходимо подчеркнуть. До появления этих надписей пещера Аполлона считалась малозначительной, любопытной и примитивной, но практически ничтожной. Теперь, когда стало ясно, что архонты выбрали ее в качестве своей поминальной часовни, такой взгляд уже невозможен. Это было святилище не просто Аполлона Низшего, а бога предков, Аполлона-Патруса архонтов. Более того - и это очень важный факт - этот Аполлон "Нижевысокий", будучи Аполлоном Патросом, был также Аполлоном Пифием. Демосфен в "Короне"^[165], призывая в свидетели богов своей страны, говорит: "Я призываю всех богов и богинь, владеющих землей Аттики, и Аполлона Пифийского, который является родоначальником (πατριῶς) государства". Святилище в пещере было пифионским. Аполлон, пришедший в Афины из Пифона, всегда был пифием, какой бы дополнительный титул он ни носил, и каждое его святилище было пифионом; его самое почтенное святилище было не храмом, а выдолбленной скалой.

Пифион лежит перед нами надежно зафиксированный, примитивный, убедительный. Со "святилищем Зевса Олимпийского", увы, далеко не так. Если учесть, что Пифион стоит в северо-западном углу Акрополя, и если учесть, что, согласно Страбону (см. с. 69), он находился так близко к Олимпиону, что место алтаря можно было назвать "между ними", то из этого следует, что где-то рядом с этим северо-западным углом должно было располагаться святилище Зевса Олимпийского. Далее мы можем сказать, что, поскольку Фукидид, как видно, отмечает различные святилища и город-колодец в порядке с востока на

запад и начинается со святилища Зевса Олимпийского, оно, предположительно, находилось несколько восточнее Пифиона. К востоку от Пифиона, недалеко от предполагаемого места расположения теменоса Аглароса, была найдена надпись[166] с посвящением Зевсу, но, поскольку надписи легко перемещаются, нельзя придавать большого значения этому единичному факту. Что касается конкретных монументальных доказательств существования святилища Зевса там, где мы его ищем, то мы должны с самого начала откровенно признать, что здесь нет ничего определенного[167]. Оно должно стоять или падать вместе с Пифионом.

Прежде чем рассматривать имеющиеся литературные свидетельства, необходимо четко отметить, что Фукидид упоминает не *храм*, а *святилище*. О большом храме у Илиссоса, начатом Писистратом[168] и завершенном лишь спустя столетия Антиохом Эпифаном и Адрианом, обычно говорят как о храме (ναός), но у нас нет никаких оснований предполагать, что на Длинных скалах или рядом с ними был храм, а только святилище[169], которое, вполне возможно, было просто участком с алтарем. Такой участок и алтарь могли легко исчезнуть, не оставив никаких следов. Это важно для понимания того, что последует дальше.

Когда мы переходим к литературным свидетельствам, один момент становится ясным. До того как Писистрат начал строительство своего великого *храма*, существовало другое, более раннее место для поклонения Зевсу, и о нем говорится не как о храме, а как о святилище. Павсаний[170], посетив великий храм, писал: "Говорят, что Девкалион построил старое святилище Зевса Олимпийского, и в качестве доказательства пребывания Девкалиона в Афинах указывают на его гробницу, которая находится недалеко от нынешнего храма".

Обычно предполагается, что это раннее святилище находилось на месте позднего храма или рядом с ним, но, как отмечает профессор Дёрпфельд[171], Павсаний об этом не говорит. Он лишь говорит, что недалеко от нынешнего храма находилась *гробница* Девкалиона, и что существование этой гробницы заставило людей приписать Девкалиону строительство раннего святилища. Где находилось раннее святилище, он не говорит. Следует отметить, что он старается использовать слово *святилище*, а не храм, говоря об основании Девкалиона.

Отсюда следует, что, когда мы слышим о *святилище* Зевса Олимпийского, а не о храме, есть небольшое предположение в пользу того, что это более раннее основание. В начальной сцене "*Федра*"[172] упоминается "Олимпион", то есть святилище Зевса. Сократ и Федр встречаются где-то, предположительно в городских стенах, так как впоследствии Сократа обвиняют в том, что он никогда не выходил на прогулку за город. Сократ говорит: "Похоже, Лисий был в городе". Фаздр отвечает: "Да, он живет у Эпикрата в том доме, возле Олимпиона, который раньше принадлежал Мориху". Любимым местом Сократа была агора; прогулка по Илиссу была для него серьезной и необычной загородной прогулкой. Наш Олимпион в северо-западном углу Акрополя подходит для этой сцены несколько лучше, чем великий храм у Илиссоса; но это все, этот отрывок ничего не *доказывает*.

Остается вопрос, возможно, более важный, чем все топографические проблемы. Знаем ли мы что-нибудь о характере бога, которому поклонялись в древнем святилище, или о характере его ритуала? Кому-то этот вопрос может показаться излишним. Зевс - это, конечно, Зевс везде и всегда, его облакоподобная природа и великолепные жертвенные пиры знакомы нам от Гомера и ниже. Но как же тогда быть с Девкалионом? Девкалион - фигура явно восточная, слабая копия архетипического Ноя. Почему он вводит поклонение нашему незапамятному индоевропейскому Зевсу? Существует ли два Зевса?

По крайней мере, в Афинах существовало два праздника Зевса. Фукидид[173] сам тому свидетель. Он рассказывает нам о ловушке, расставленной для Килона характерным образом дельфийским оракулом. Килон должен был захватить Акрополь "в величайший праздник Зевса". Но, увы, этот "величайший праздник" принадлежал не Зевсу, которого он, как победитель Олимпиады, помнил, а "Зевсу Мелихию", и - что немаловажно для нас - этот знакомый нам праздник Диады отмечался "за городом". Это "за городом" не может не напомнить нам о нашем святилище, также находящемся "за городом", если Фукидид использует эти слова.

Что можно смутно различить, хотя, конечно, не доказать, так это следующее. Имя Зевс - один из немногих божественных титулов, в отношении которых филологи сходятся во мнении, что оно индоевропейское. Но имя Зевса было связано со многими и разнообразными личностями и понятиями, а здесь, в Афинах, оно было связано с божеством восточной природы и происхождения. Мейлихиос[174] - это грецизированная форма Мелека, "царя", более известного нам как Молох, божества, которое, как и греческий Мейлихиос, любило холокост, божества сурового и жесткого, которое только по беспомощной и безнадежно ошибочной этимологии можно было назвать Мейлихиосом Нежным. Его поклонение преобладало в Пейреях, куда он был завезен, вероятно, феникийскими моряками; из его святилища происходят знакомые нам рельефы с огромной змеей в образе бога. Именно этого семитского Мелека привез в своем ковчеге Девкалион. Когда произошла эта семитская иммиграция, сказать трудно. Традиция, о которой свидетельствует *"Парийская хроника"*[175], относит ее ко времени правления теневого аттического царя Кранаоса, около 1528 года до нашей эры.

Святилища Зевса и Аполлона одинаково расположены за пределами древнего города. У Зевса были алтари на самом Акрополе; Аполлон, каким бы великим он ни был, никогда не проникал туда. Этот факт, безусловно, знаменателен. Геродот[176], как мы помним, отмечает последовательные этапы развития Афин: при Кекропсе они были кекропидаи, при Эрехтее - афиняне, и, наконец, "когда Ион, сын Ксутоса, стал их вождем, от него они стали называться ионийцами". Ион был первым афинским полемархом[177].

Ясно одно: Ион знаменует собой появление новой расы, расы с Зевсом и Аполлоном в качестве богов. Из смешения этой новой расы со старыми автохтонными жителями возникли ионийцы. Зевса и Аполлона в Афинах называли "предками", потому что они *были* предками; новый элемент вел свое происхождение от них, и, предположительно, эта принадлежность была организована в Дельфах; но Аполлон, хотя его святилище находилось *на* холме, никогда не проникал внутрь.

У Иона был божественный отец Аполлон, но его настоящим человеческим отцом был Ксутос. Этот Ксутос, будучи завоевателем-эмигрантом, женится на царской дочери Креусе. На самом деле Ксутос был местным героем из дема Потамои[178], расположенного неподалеку от Прасии. Он происходил из ахейского рода и, следовательно, имел в предках Зевса. Гермес, в прологе к *"Иону"*[179], совершенно ясен. Была война между Афинами и Эвбеей:

И Ксутос мечом помогал им.

И Креусу он помогал,

Не родной герой он, но сын Зевса.

И Аиолос, ахеец.

И снова[180], когда Ион спрашивает свою неизвестную мать о ее муже:

Ион. А какой афинянин взял тебя в жены?

Кр. Не гражданин: пришелец из другой земли.

Ион. Кто? Ведь он должен был быть хорошо рожденным человеком.

Кре. Ксутос, от Зевса и Айолоса отпрыск он.

Гробница Иона, что примечательно, находилась не в Афинах, а в Потамои, и Павсаний[181] видел ее там. Пусть святилища Зевса и Аполлона стоят вместе.

Вернемся к вопросу о топографии. То, что пещера, отмеченная на плане В, является священной для Аполлона, не вызывает сомнений, если учесть надписи на votивных табличках. Однако остается еще одна трудность. Говоря о пещере над Клепсидрой, было отмечено, что она слишком мелкая и слишком открытая, чтобы быть естественным местом действия истории о Креусе. Те же возражения, хотя и в несколько меньшей степени, относятся и к пещере, обозначенной В. Однако эта трудность имеет простое решение.

Раскопки продолжились в пещере Г, и здесь они ничего не нашли: ни votивных табличек, ни алтаря, ни надписей. Но, продолжая работу дальше на восток, они наткнулись на четвертую пещеру, по характеру совершенно отличную от А, В или Г. Четвертая пещера, Д, имеет очень узкий вход; она сообщается узким проходом с Д', а также с Д'', но Д'' была превращена в небольшую христианскую церковь, от которой еще сохранилась мостовая и часть кирпичной стены. Здесь, в Д, мы имеем пещеру в полном смысле этого слова, и здесь, по всей вероятности, находится пещера или пещеры, "места[182]" (θακήματα) Пана.

Но следует помнить, что Пан был поздним гостем; его поклонение было введено после его службы при Марафоне. В героические времена, когда рассказывается о Креусе, Длинные скалы делили между собой пифийский бог и дочери Аглароса. Полая тройная пещера, обозначенная Д', Д'', Д''', когда-то принадлежала Аполлону, и в ней родился Ион; позже она была передана Пану и снова, как в "*Лисистрате*"[183], является естественным уединенным пристанищем влюбленных. Кинесий на Акрополе указывает Миррине, что неподалеку находится святилище Пана для уединения, а рядом - Клепсидра для очищения.

В бесчисленных votивных табличках[184], посвященных Пану и нимфам, тип мало чем отличается. У нас есть пещера, алтарь: вокруг алтаря танцуют три нимфы, обычно ведомые Гермесом, и, сидя на краю пещеры или глядя через отверстие, Пан трубит им. Три нимфы, три дочери Кекропса, танцевали на Длинных скалах задолго до того, как Пан пришел к ним дудеть. Поскольку в данный момент нас интересуют Аполлон и его Пифион, необходимо лишь отметить, что их святилище, святилище Аглароса, должно быть, находилось рядом с пещерой Пана, где-то на востоке. Еврипид[185] говорит о них как о практически едином целом:

О места Пана и скалы твердые

К месту, где полые Длинные скалы лежат

Где, перед храмом Палласа связанным

Дочери Аглароса три ходят в хороводе

На их травянистой площадке для танцев

На проворных тростниковых шестах.

Где ты, о Пан, трубу нашел

В пещерах твоих пастухов.

Где именно находилось святилище Аглароса, раскопки не установили. В том месте, где пещеру закрывает маленькая современная церковь, начинается лестница, состоящая из семнадцати ступеней (θ-κ-λ-μ-), вырубленных в скале. Эти ступени, очевидно, ведут вверх к уже известным ступеням, которые ведут вниз, в количестве двадцати двух, из Эрехтейона. Вероятно, это и есть тот "проем" (ὄπη), через который сбегали покинутые женщины в "*Лисистрате*" [186]. Еще дальше на восток находится длинный узкий подземный ход, естественная расщелина в скале π-π', в конце которой, прямо над современной церковью Серафима, предположительно находилось святилище Аглароса. Здесь были найдены ниша в скале, основание статуи и несколько фрагментов чернофигурных ваз. Здесь снова есть сообщение с Акрополем, но только по лестнице, поднимающейся по скале на двадцать футов в обрывистом месте. Более того, верхняя часть каменной лестницы относится к средневековью, поэтому маловероятно, что подъем был древним.

Святилище Геи - местоположение этого святилища можно определить в очень узких пределах.

Павсаний, описывая южную сторону Акрополя, пройдя Асклепийон, отмечает храм Фемиды и памятник Ипполиту. После этого он упоминает и, вероятно, видел святилище Афродиты Пандемос (с. 105); затем он говорит "есть также святилище Ге Куротрофос и Деметры Хлои"; сразу после этого он проходит через Пропилеи. Таким образом, святилище Ге должно было находиться в юго-западном или западном углу Акрополя и, предположительно, где-то на извилистой дороге, по которой шел Павсаний (см. План, с. 38). Из рассказа Павсания [187] следует, что у Ге Куротрофос, Земной Кормилицы, и Деметры Хлои, Зеленой Деметры, было общее святилище; возможно, ко времени Павсания оно уже было, но значительное число отдельных посвящений [188] Деметре Хлое делает вероятным, что, по крайней мере, в более ранние времена эти пректы, хотя и находились рядом, были разными.

Союз Ге Куротрофос и Деметры Хлои - это не союз матери и служанки, это союз двух богинь-матерей. Из них Деметра принадлежит не Афинам, а Элевсису. Ге Куротрофос, очевидно, более ранняя и сугубо местная фигура. Но Деметра из Элевсиса, в силу различных причин, политических и сельскохозяйственных, развилась до размеров почти олимпийских, и ее фигура повсеместно вытесняла фигуру местной Матери-Земли, поэтому нас не должно удивлять, что число посвящений Деметре больше, чем посвящений Куротрофос. Куротрофос появляется среди ранних божеств, перечисленных женщиной-вестницей в *Thesmophoriazusaе* [189], и схолиаст в своем комментарии к этому отрывку признает ее древность: "Или Земля, или Гестия; это одно и то же; они приносят ей жертвы перед Зевсом". Суидас [190] утверждает, что Эрихтоний первым принес ей жертву на Акрополе и ввел обычай, согласно которому "те, кто приносит жертву любому богу, должны сначала принести жертву ей".

Святилище Диониса на болотах.

Имя Диониса сразу же переносит нас в воображении к знаменитому театру на южной стороне Акрополя (рис. 16), и мы, возможно, с некоторым облегчением вспоминаем, что этот театр, так же как и Питион, находится "в стороне" от древнего города; он примыкает к скале Акрополя. Мы также помним, что Павсаний [191] в своем рассказе о Южном склоне говорит,

что "самое древнее святилище Диониса находится рядом с театром". Он видит в пределах этого участка два храма, фундаменты которых сохранились до наших дней; один из них назывался Элевтерийским, а другой, как мы думаем, мог принадлежать Дионису-в-болотах. Правда, почва вокруг театра сейчас не болотистая, да и никогда не могла быть очень влажной, поскольку она резко спускается к юго-востоку. Тем не менее, с древним названием никогда не стоит спорить[192]; возможно, *in-the-marshes* - это просто народная этимология от слова, значение которого было полностью утрачено.

Но минутное размышление показывает, что такое отождествление, хотя и заманчивое, не подходит. Сам Фукидид (стр. 66), кажется, предупреждает нас; он как бы говорит: "Не тот участок, который вы все так хорошо знаете и о котором так много думаете, не тот театр, куда вы все ходите из года в год, а более раннее и почтенное место, и, чтобы не было ошибки, место, куда вы ходите в 12-й день Антестериона, и куда ходили ваши предки, прежде чем они переселились колонизировать Малую Азию".

Очень удачно, что Фукидид был так точен, потому что об этом празднике в 12-й день Анчестериона мы знаем из других источников[193] некоторые важные детали, которые могут помочь в идентификации святилища.

Праздник, отмечавшийся 12-го числа Антестериона, был праздником хоев или кувшинов[194]. В этот день, как мы узнаем от Афиней[195] и других, люди пили новое вино, каждый сам по себе, приносили немного богу и подносили жрице в святилище на болотах венки, которые они носили. В этот день также состоялась церемония великой святости - бракосочетание бога с женой главного архонта - "царя", как его называли. Сам брак проходил в здании под названием Буколейон, точное местоположение которого неизвестно; но некоторые предварительные церемонии невеста проходила в святилище на болотах. Автор оратории "*Против Неары*"[196] рассказывает, что существовал закон, по которому невеста должна была быть полноправной гражданкой и девственницей, когда выходила замуж за царя; она была обязана исполнять требуемые от нее церемонии "по обычаю предков", не оставлять ничего недоделанным и не вводить никаких новшеств. Этот закон, рассказывает оратор, был выгравирован на стеле и установлен рядом с алтарем в святилище Диониса на болотах, и сохранился до наших дней, хотя буквы несколько потускнели.

Но это, хотя и многое, еще не все. Далее оратор рассказывает, почему закон был написан именно в этом святилище. 'И причина, по которой они установили его в древнейшем святилище Диониса и святейшем, на болотах, в том, что не многие могут прочесть написанное. Ибо открывается она только один раз в году, 12 числа месяца Антестерион[197]". Наконец, достаточно возбудив наше любопытство, он велит клерку прочитать клятву, которую эта непорочная Невеста дает своим служителям, дает перед тем, как они прикоснутся к святыням, и берет *на* корзинах у алтаря. Клерк должен прочесть ее, чтобы все присутствующие поняли, насколько почтенным, святым и древним был этот привычный обряд. Клятва служителей была следующей: "*Я постился, чист и воздержан от всего нечистого и от совокупления с людьми, и я буду праздновать Феонию и Иобаххею Дионису в соответствии с обычаем предков и в назначенное время*".

Мы еще встретимся с участком, алтарем, стелой, клятвой; пока же важно отметить, что участок *на болотах* открывался только раз в году, и то 12 числа Антестериона. Поэтому невозможно, чтобы этот участок был идентичен участку возле театра на южном склоне[198], поскольку он должен был быть открыт для Больших Дионисий, отмечавшихся в месяце Элафеболион (март-апрель).

Участок *на болотах* искали и нашли; но прежде чем мы расскажем историю его обнаружения, чтобы понять, какая подсказка была в руках раскопщиков, необходимо сказать несколько слов о времени и месте празднеств Диониса в Афинах.

Сам Фукидид говорит нам, что дионисийских праздников было два - ранний и поздний. Использование им сравнительных оборотов - "Дионис в болотах, - говорит он, - которому посвящен *более древний* дионисийский праздник" - дает понять, что, по его мнению, их было два и только два. Более поздний праздник, Великие Дионисии, отмечался в предместье Диониса Элевтерия; время, как мы уже отмечали, - месяц Элафеболион.

Конечно, "более древний Дионисийский фестиваль" - это чисто неформальное описательное название. Но так получилось, что нам известны официальные названия двух афинских праздников, более раннего и более позднего[199].

1. Более поздний праздник, тот, что в настоящем театре, назывался в законах и официальных надписях "Дионисиями в городе" (τὰ ἐν ᾄστει), или "городскими Дионисиями" (ᾄστικὰ Διονύσια).

2. Более древний праздник назывался либо "Дионисия на Ленайоне" (τὰ ἐπὶ Ληναίῳ Διονύσια), или "драматическое состязание на Ленайоне" (ὁ ἐπὶ Ληναίῳ ἄγων), или, проще говоря, "Ленайя" (τὰ Λήναια).

Мы имеем два *фестиваля*, более ранний и более поздний, причем первый официально называется "Ленайя", или "драматическое состязание в Ленайоне"; но было ли также два *театра*, более ранний и более поздний? Да. Поллукс[200] говорит нам, что существовал дионисийский театр и ленейский - как раз то самое слово, которое мы искали. И чтобы окончательно убедиться в этом, мы узнаем, что "ленейский" театр был более ранним. Гесихий[201], объясняя фразу "драматическое состязание в Ленайоне", говорит: "В городе есть Ленайон с большим ограждением, а в нем - святилище Диониса Ленайоса. В нем (*то есть*, предположительно, в ограде) проходили драматические состязания афинян, прежде чем был построен театр".

Этот "театр", где разыгрывались пьесы до постройки театра Элевтерия, не был очень грандиозным сооружением; его сиденья, по-видимому, назывались "подмостками" (ἱκρία). Фотий[202], объясняя слово *ikria*, говорит: "сооружение на агоре, с которого наблюдали за дионисийскими состязаниями до того, как был построен театр в предместье Диониса".

Фотий, объясняя "строительные леса", попутно сообщает нам бесценную информацию. Этот ранний театр находился *на агоре*. Но тогда, чтобы поднять извечный вопрос, к которому мы вернемся позже (с. 132), где находится агора? На данный момент мы не должны продолжать этот вопрос. Но античный театр состоял не только из "подмостков" для сидений. В нем было то, что было центральной, начальной, кардинальной особенностью каждого греческого театра, - место для танцев, *оркестр*; и мы примерно знаем, где находился этот оркестр. Лексикограф[203], объясняя слово "*оркестр*", говорит: "Заметное место для публичного праздника, где стоят статуи Гармодия и Аристогейтона".

Агора, проводимая сменяющими друг друга теоретиками, совершила полный обход Акрополя, но статуи тираноборцев не могут оторваться от Ареопага, под которым, "недалеко" от храма Ареса, их видел Павсаний[204]. Статуи, согласно Тимею, находились на месте древнего оркестра[205], с подмостков которого "на агоре" наблюдали за более древним

праздником (Ленайя). Значит, здесь, где-то рядом с Ареопагом, мы должны искать святилище Диониса-на-Болотах.

Ленея, хотя и более древняя, чем "городская Дионисия", не была малоизвестным праздником. Платон[206] в *"Протагоре"* упоминает о комедии, которую Ферекрат поставил на Ленеях, и нельзя забывать, что для Ленеев в 405 году до н. э. Аристофан написал *"Лягушек"*[207]. Хор лягушек[208] наверняка помнит, что их дом находится в Лимнах. Там они обычно квакали и пели на Антестерии, на третий день которой, на праздник Хитрой или Горшков, устраивались "Состязания горшков", вероятно, самые ранние драматические представления, которые видели Афины.

"О выводок млечный, о весна!

Соберитесь вместе и пойте

Из глубины горла своего

У борта лодки

Ко-акс, когда мы движемся в кольце;

Как в Лимнее мы воспевали божественного

Нисеянского дарителя вина,

Когда люди по жребию

С освященными горшками

Вокруг моего святилища сходились".

Раскопки, в результате которых стало известно о древнем святилище Лимнея, проводились не только и даже не столько с этой целью. Скорее, предполагалось по возможности решить другие, более широкие топографические вопросы: где пролегла древняя дорога на Акрополь, где находилась древняя агора, а где городской колодец Каллирроэ. И все же некоторые, кто ждал результатов этих раскопок с почти затаенным нетерпением, возлагали большие надежды на то, что будет найден участок Лимны; что они смогут узнать, где в воображении можно представить древние обряды Антестерии и бракосочетания царицы, а также те ранние драматические состязания, из которых возникли трагедия и комедия. Более широкие результаты раскопок будут отмечены в связи с Эннеакруносом; пока же нас волнует только более узкий и насыщенный вопрос о *Лимнах*.

До сих пор единственными топографическими подсказками были две. (1) Фукидид сказал нам, что святилище на болотах и другие святилища, которые он упоминает, находились "в направлении" древнего города; мы определили Пифион на северо-западном углу Акрополя, и поскольку его рассказ, похоже, движется на запад, мы ожидаем, что дионисийское святилище будет находиться к западу от этой точки. (2) Мы также знаем (стр. 87), что древний оркестр находился рядом с Ареопагом. Мы ищем место для Дионисий, которое должно сочетать эти два направления. Если это место также является возможным болотом, тем лучше; и действительно, здесь, в котловине между Пниксом, Ареопагом и Акрополем, вода улавливается и удерживается; но для искусственного дренажа здесь должна быть болотистая местность. В этом экскаваторы вскоре убедились на собственном опыте.

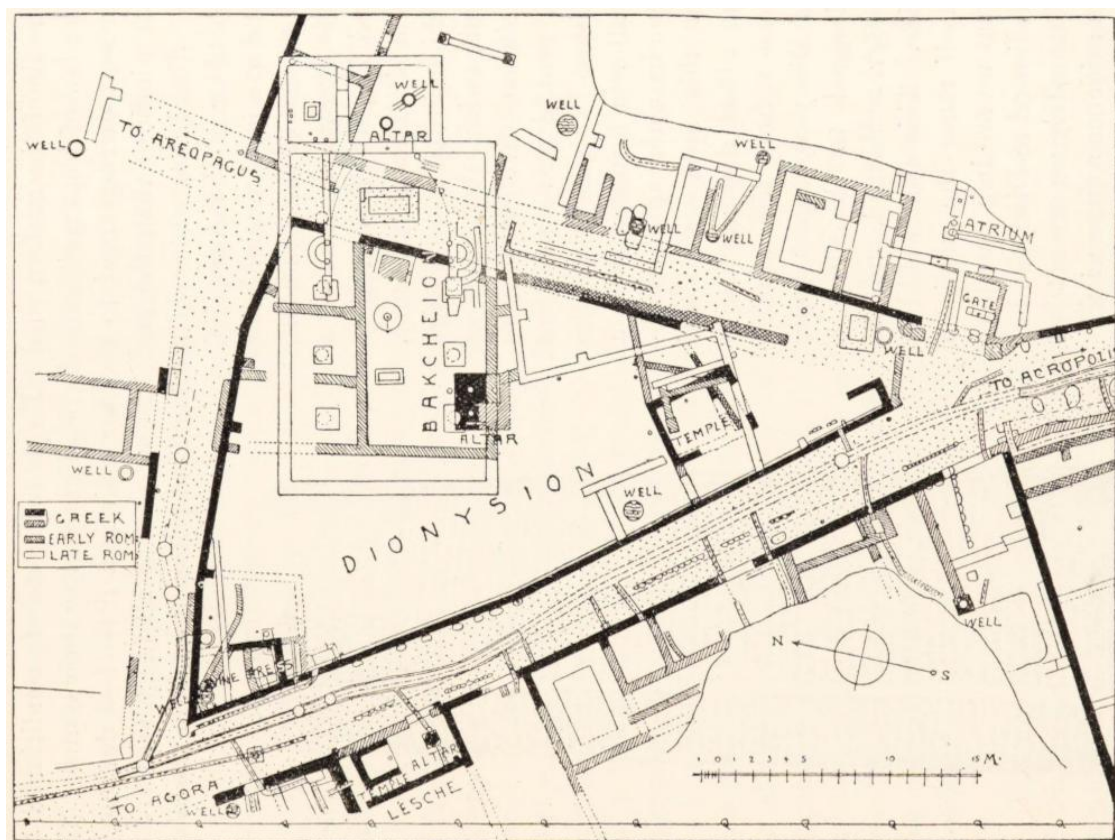

Рис. 24.

Часть результатов раскопок, начатых Немецким археологическим институтом в 1887 году[209] и продолжавшихся более десяти лет, можно увидеть на планах, представленных на рис. 24 и 35. Увеличенный план части раскопок (рис. 24) касается только нас. Первым значительным открытием, которым были вознаграждены раскопщики, стало обнаружение древней дороги. За ней, как и предсказывал профессор Дёрпфельд, последовала современная дорога. Дороги, строго подчиняясь закону наименьшего сопротивления, не легко меняют свое направление. Современная дорога, ведущая к Акрополю, чуть менее извилиста, чем древняя, вот и все (рис. 35).

Рис. 25.

Чуть ниже того места, где древняя дорога спускается с западного уступа Акрополя, и на уровне, значительно превышающем уровень самой дороги, раскопщики наткнулись на здание римской эпохи с неровной кладкой, которое оказалось большим залом, с двумя рядами колонн, разделяющих его на центральный неф и два нефа. С востока зал был снабжен четырехугольной апсидой. Внутри этой апсиды находился алтарь[210], украшенный сценами поклонения Дионису: козел, которого тащат к алтарю, сатир, менада и тому подобное. Этот алтарь сам по себе вызвал бы подозрение, что мы находимся в святилище, посвященном Дионису, но, к счастью, у нас нет столь шатких доказательств.

Гораздо больший интерес, чем алтарь, а для нашей цели и вовсе исключительную важность, представляет другое открытие. В апсиде, вместе с упомянутым алтарем и другими алтарями, был найден барабан колонны (рис. 25), которая когда-то стояла в большом зале; такие же колонны стоят и сейчас, так что она, без сомнения, принадлежит этому зданию. На нем находится надпись[211], разделенная на две колонки и состоящая из 167 строк, которая по своему стилю может быть датирована примерно III веком н. э. Над надписью, в рельефе в форме фронтона, содержащем дионисийские символы, геральдически стоят две пантеры, по одной с каждой стороны от *кантара*; выше - голова быка. Надписи, расположенные подобным образом на колоннах, не редкость для III века н. э.[212].

Надпись содержит устав *тиасоса*, или клуба лиц, называющих себя иобакчой, которые собирались в месте - зале, где была установлена надпись, - называемом Бакхейон. Это и есть наше четырехугольное здание, обозначенное на плане как *Бакхейон* (рис. 24). Правила, изложенные очень подробно, очень интересны, но сейчас нас интересует только одно - имя *тиасоса*, Иобакчой. Иобакчой - титул Диониса, вероятно, полученный от возгласа, произнесенного во время его поклонения, и, как мы помним (стр. 85), сопровождающие царицу *герареи* с внезапным восторгом пообещали в своей клятве праздновать, в соответствии с обычаем предков, Иобакчой.

Но здание и даже следы предшествовавшей ему более ранней постройки[213] относятся к позднему времени; мы на месте, и все же святилище на болотах пока ускользает от нас. Но это ненадолго. Копая глубже, до уровня древней дороги, экскаваторы натолкнулись на другое, более раннее сооружение - треугольный участок, обозначенный на плане, и вот наконец найдены доказательства, навсегда определившие местоположение святилища Диониса-в-Марсах.

Святилище, как мы сразу же увидим, имело треугольную форму и находилось значительно ниже дорог, которыми оно было ограничено. Стороны треугольника направлены примерно на север, восток и юго-запад. Участок окружен древней многоугольной стеной, часть которой с южного конца юго-западной стороны показана на рис. 26. Материал - голубой известковый камень, но кладка ни в коем случае не отличается одинаковым качеством и не относится к одной и той же дате. В разные периоды стена наверняка подвергалась ремонту. Площадь ограждения составляет около 560 квадратных метров. Из-за того, что участок лежал глубже, чем окружающие дороги, иногда на два метра, стена местами поддерживается контрфорсами, только один из которых выполнен из хорошей греческой кладки; остальные, похоже, были добавлены незадолго до того, как древний участок пришел в упадок.

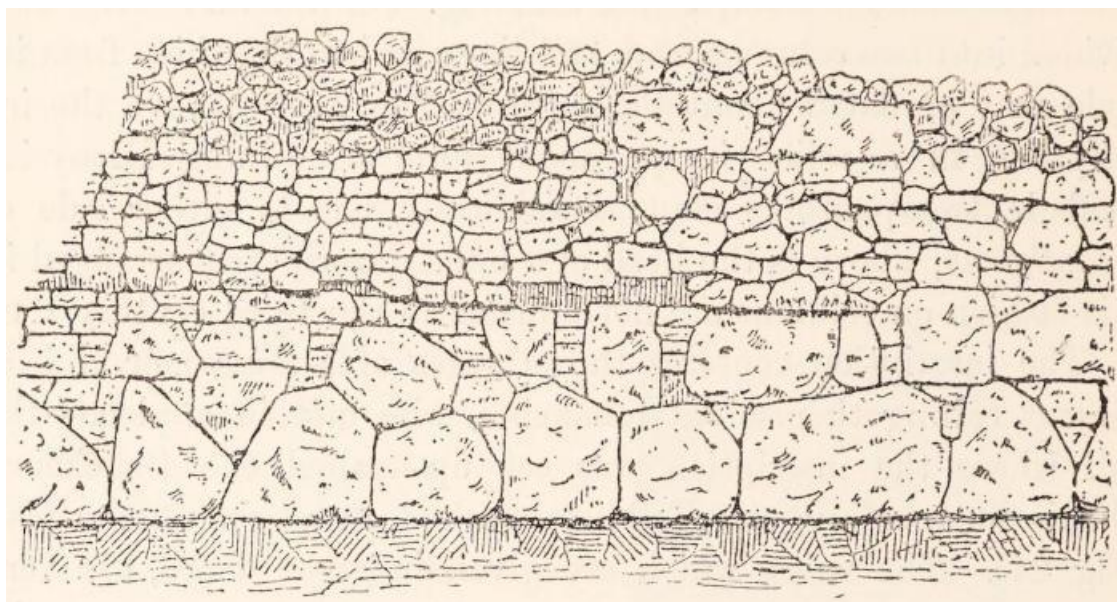

Рис. 26.

Примечательным моментом в этой стене участка является отсутствие следов больших входных ворот. Мы ожидаем, что ворота были с юго-западной стороны, где участок огибает главная дорога. Здесь стена хорошо сохранилась, но нет никаких следов возможных ворот. Единственное возможное место - на южном конце восточной стены, где, похоже, был пролом, и на него, как мы увидим, ориентирован маленький храм. Значит, только здесь и, по всей вероятности, был доступ к участку.

В северо-западном углу раскопки наткнулись на уникальное в истории открытий сооружение. Они обнаружили замурованный пол размером 4-70 м. на 2-80. Пол тщательно вымощен смесью гальки, камня и цемента и *наклонен к одному углу под углом 0-25 м.* В этом самом низком месте в стене, ограждающей пол, имеется отверстие, а снаружи в вымостке стоит большой сосуд диаметром 0-50 м, четырехугольный сверху, круглый снизу. Они нашли, вне всяких сомнений, то, что не смели надеяться найти, - древнегреческий *винный пресс* или *ленос*, и с его обнаружением исчезли последние томительные опасения. На [рис. 27](#) представлен вид[214] виночерпия, на котором хорошо видно, что он находится в углу треугольного участка, а его юго-западная стена (на переднем плане картины) примыкает к Панафинейскому пути. Лепной пол винодавильни выделяется мертвенной белизной. На заднем плане справа виден северный придел прямоугольного Баккейона, а слева - подножие скалы Ареопага.

Рис. 27.

Винный пресс, изображенный в разрезе на рис. 28, как и сам участок, имел долгую историю. Она неоднократно перестраивалась. Хорошо видны мощеные полы двух последовательных сооружений. Верхний из них меньше нижнего и, конечно, более поздний. Однако он находится ниже уровня Бакчейона и, должно быть, находился под землей, когда Бакчейон был построен. Нижняя винодельня находится на том же уровне, что и Леше, на противоположной стороне дороги, которая, как известно, относится к IV веку до н. э. Под этой винодельней IV века находится тротуар, который, должно быть, принадлежал третьему, еще более раннему сооружению. Можно отметить, что эти винные прессы во всех отношениях точно такие же, как и те, что используются греками в наши дни. Винный пресс на территории участка - не единственный, который удалось обнаружить; рядом было разбросано еще несколько. Два из них видны на плане на рис. 35. Это действительно было место винных прессов, Ленайон.

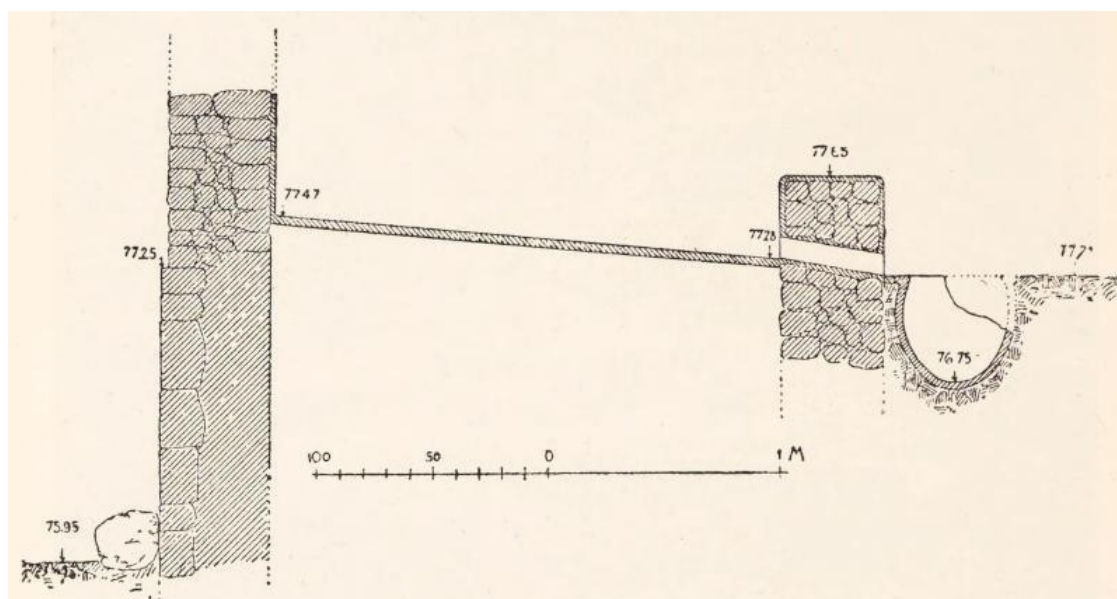

Рис. 28.

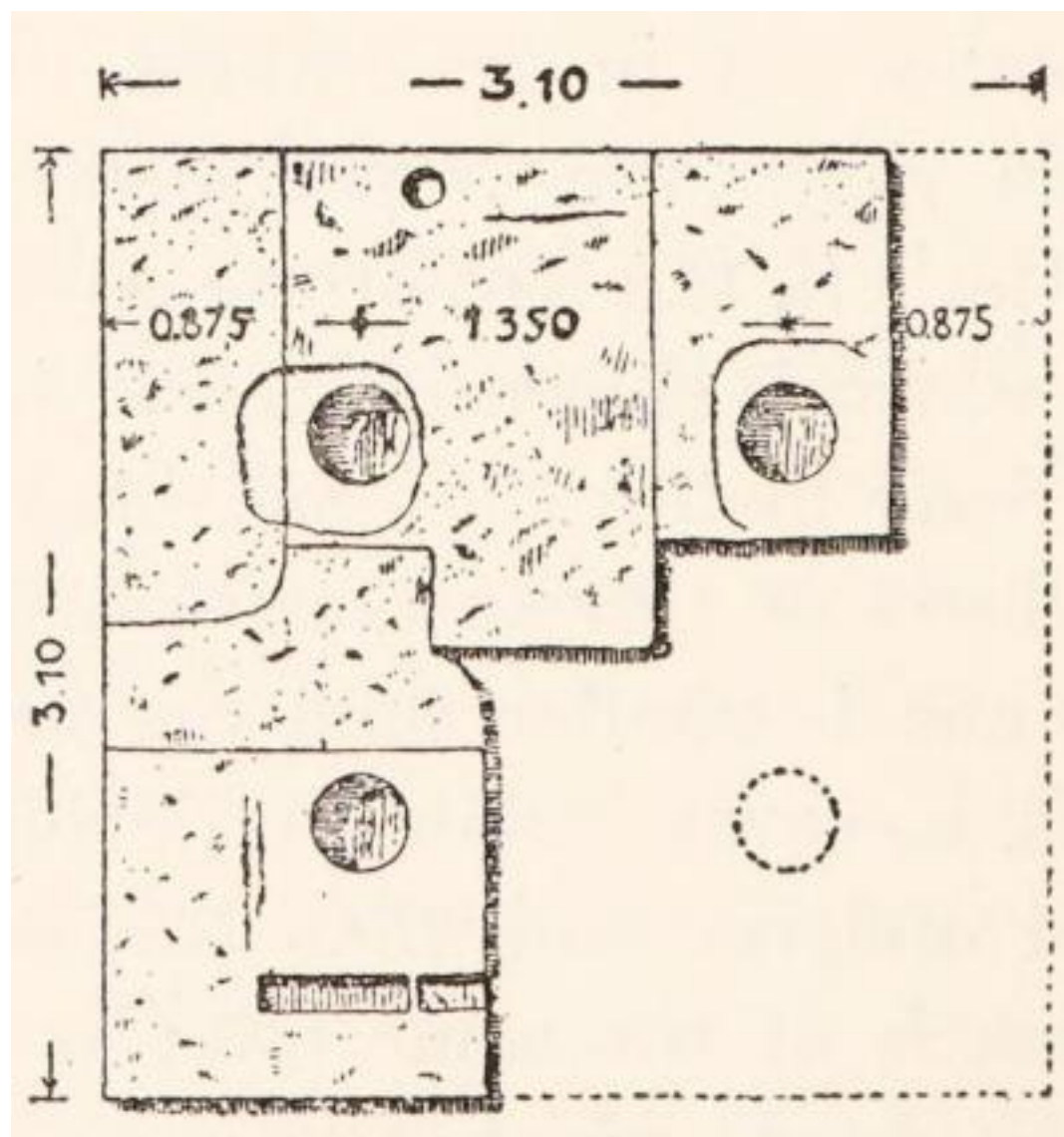

Рис. 29.

Винный пресс сам по себе указывает на то, что участок принадлежит Дионису, но есть и другие доказательства. В центре участка находится выложенный из камня *rogos* фундамент большого алтаря площадью 3-10 метров (рис. 29). В этом фундаменте когда-то было четыре отверстия; три из них сохранились, а четвертое можно смело поставить. Эти отверстия, очевидно, предназначались для опор, на которых покоился настоящий алтарный стол. Такие алтарные столы хорошо знакомы по вазовым росписям и, похоже, использовались специально в культе Диониса; на них стояли кувшины с вином, предложенные богу, и корзины с фруктами, как те, на которых приносили клятву служители царицы (с. 85). Более того, в Аттике была найдена настоящая алтарная плита именно такого стола с надписью Дионису Авлонею[215]. Остается еще один важный момент. На западной ступени основания алтаря в камне проделана длинная канавка. Его назначение очевидно. И на Акрополе, и в других местах священных участков встречаются подобные канавки, служившие основаниями *стел*, на которых были начертаны указы, посвящения и тому подобное. Разве не возможно, что перед нами не только алтарь, на котором царица принесла свою клятву, но и канавка, в которой была установлена та самая стела, на которой она была начертана, стела, стоявшая "рядом с алтарем" (παρὰ τὸν βωμὸν)?

Итак, мы имеем участок, уединенный от главной дороги; внутри него, под открытым небом, большой алтарь. Но внутри этого участка не обнаружено ни одной надписи, ни одного votивного приношения. В таком важном участке это на первый взгляд кажется странным. Объяснение находится под рукой. Вотивные жертвоприношения предназначены для того, чтобы их видели, чтобы показать благочестие поклоняющегося и славу бога. Стоило ли посвящать жертву в участке, который был открыт только один день в году? По всей видимости, нет. По сути, это было "таинственное" святилище, не имеющее ничего общего с музеем.

В святилище Диониса-в-болотах мы ожидаем не только участок и алтарь, но и настоящий храм, о существовании которого мы знаем не от Фукидида, а от схолиаста[216] о *лягушках* Аристофана. Комментируя слово "болото", он говорит: "Священное место Диониса, в котором находится жилище и храм бога". Каллимах в *"Гекале"* говорит,

"Ему, Лимнаю, они устраивают праздник

С хоровыми танцами".

Жилище" может быть каким-то зданием, в котором находился винный пресс; храм, к счастью, был найден, и его положение по отношению к участку странно и знаменательно.

Фундамент храма был обнаружен в южном углу участка. Он небольшого размера (3-96 на 3-40 м.), состоит из четырехугольной целлы и узкого пронаоса. Судя по его небольшим размерам, маловероятно, что в пронаосе были колонны. Каменная кладка очень древняя. Стены многоугольные, а блоки известкового камня, из которых они сложены, с юго-западной стороны необычайно велики. В фундаменте боковых стен встречается несколько блоков *poros*. Ступеней, служащих фундаментом для целлы или пронаоса, нет. Из этого профессор Дёрпфельд делает вывод, что, по всей вероятности, этот храм является более ранним, чем храм Диониса Элевтерия, расположенный рядом со *скеной* театра. Храм Элевтерия относился ко времени Писистрата; он построен более тщательно, чем вновь обнаруженный, и имеет одну ступеньку. Хотя вновь обнаруженное здание, несомненно, является ранним, ему предшествовало еще более раннее сооружение, стены которого, отмеченные на плане, находятся под его фундаментом.

Совершенно исключительным является отношение храма к участку. Он не находится посередине и, более того, отделен от внутренней части участка стеной и дверью, которая могла быть закрыта. Однако эта разделительная стена, очевидно, более поздняя, чем храм, который, возможно, когда-то стоял свободно в пределах участка. Разделительная стена объяснима только с ритуальной точки зрения. Благодаря ей храм был доступен круглый год, тогда как участок, за исключением одного дня в году, был закрыт.

Должны ли мы дать древнему святилищу название *Ленайон*? Для самого святилища, вероятно, нет. Значение слова "*Ленайон*", похоже, не "святилище бога Ленайоса", а скорее "место винного пресса". Примечательно, что писатели, которые сами могли видеть святилище, никогда не называют его *Ленайоном*. Фукидид[217], автор оратории *против Неары*[218], Демосфен или Аполлодор, а также Фанодем[219], которого цитирует Афинея, все говорят о нем как о святилище *Диониса на болотах*. Иссей[220] называет его Дионисион-в-Болотах. С другой стороны, когда современные авторы говорят о драматическом состязании, которое проводилось не в честь Диониса Элевтерия, а в более древней Дионисии, они говорят о состязании в *Ленайоне* или *на нем*, но никогда - в *болотах*. Естественным выводом

является то, что название *Ленайон* относится к месту, где действительно проводились состязания, а именно к древнему Оркестру и, возможно, его ближайшим окрестностям. В районе винных прессов, естественно, было место для танцев, и это место называлось Ленайон. И по сей день крестьяне Греции используют для своих фестивальных танцев деревенскую молотилку.

В театре Элевтерия доктор Дёрпфельд[221] вернул нам старый оркестр. Он показал нам глубоко под сменяющими друг друга греко-римскими и римскими сценами старый круглый оркестр, построенный из многоугольной каменной кладки (рис. 16). На этом старом оркестре, с деревянными сиденьями для зрителей, разыгрывались, как мы теперь знаем, драмы Эсхила, Софокла, Еврипида, а традиция[222] даже гласит, и у нас нет причин сомневаться в ее достоверности, что Феспис первым (в 586 году до н.э.) представил пьесу на "городском" конкурсе (ἐν ᾄστει).

Но как бы древним он ни был, до него, как мы уже видели, появился оркестр в Лимнах. Д-р Дёрпфельд надеялся, что его раскопки позволят найти и этот оркестр; надежда не оправдалась. На южном склоне Ареопага были найдены следы круглого строения, отмеченные на плане (рис. 46), но они имеют неопределенную дату, и если они обозначают место расположения какого-либо древнего здания, то, вероятно, это Одеон Агриппы. Старый оркестр находился в северо-западном углу Ареопага.

Традиция сообщает о начале состязаний "в городе", то есть в театре Элевтерия, но начало других фестивалей, Ленаи и Хитрои, проводившихся в Лимнах, теряется в тумане. По всей вероятности, это разные названия одного и того же фестиваля, или, скорее, Хитрои - это вся церемония третьего дня Антестерии, а Ленаи - название драматической части церемоний. Но хотя мы не знаем начала, и хотя, как мы сейчас увидим, "горшечные состязания" восходят, по всей вероятности, к временам до прихода Диониса, у нас есть намеки на то, как наступил конец, как великолепие и удобство большого театра Элевтерия постепенно заслонили и поглотили примитивные состязания оркестрантов в Лимнах.

Известно, что именно великий государственный деятель Ликург в IV веке до н. э. построил в театре первую постоянную каменную сцену и сделал зрительские места такими, какими мы видим их сейчас. Похоже, он был настолько доволен своим театром, что считал бесполезным и бессмысленным устраивать спектакли в других местах. Так, в "*Жизни десяти ораторов*"[223] мы узнаем, что Ликург ввел законы, и среди них один о комических писателях - "устроить в театре состязательные представления на хитрости" и "записывать победителя как победителя города", что раньше не разрешалось. Таким образом, он возродил представление, которое вышло из употребления.

Ликург хотел как лучше, мы можем быть уверены, но он был бутадом[224], ему следовало бы знать лучше, чем вот так вырывать с корнем старый праздник и думать о том, чтобы привить его путем пересадки. Конец был очевиден: старый участок, покинутый своими праздниками, был понемногу забыт, зарос и, наконец, частично застроен новыми иобакчой.

Ко времени Павсания участок потерял престиж[225]. Если бы храм Диониса-в-Марсе был над землей, он наверняка не прошел бы мимо него. Неподалеку от места, где когда-то находился участок, он увидел здание, круглое или полукруглое, которое, возможно, было последним римским воспоминанием об оркестре, и все еще заслуживает внимания, хотя и не занимает того же места; он отмечает "театр, который они называют Одейоном". Вероятно, это был театр, построенный Агриппой и упомянутый Филостратом[226] как "театр в Керамейкосе, который называется Агриппейон".

Прежде чем оставить святилище на болотах, необходимо сказать пару слов об Антестерии, или, как называет ее Фукидид, "более древнем дионисийском празднике". В другом месте[227] я попытался подробно показать, что дионисийский элемент в Антестерии был лишь тонким верхним слоем, под которым лежал ритуал незапамятной древности, целью которого было поощрение плодородия с помощью посвящения призраков или героев. В первый день, если я не ошибаюсь, *Πιφοιγία* была открытием не только винных, но и могильных кувшинов; второй, *Χοес*, был пиром не только кубков, но и питий (*χοαί*); третий, *Χιμτρού*, не только пиром горшков, но и пиром отверстий в земле и торжественным отправлением Кереса обратно в нижний мир. Собирательное название всего праздника *Anthesteria* означало в первую очередь не праздник тех, кто "делает цветы", а скорее тех, кто "отзывает призраков"[228].

Но, пытаясь разграничить два слоя, нижний - призраков, верхний - Диониса, я никогда не сомневался, что конкурс горшков в день *Χιμτρού* принадлежал Дионису. Дионис и "происхождение драмы" канонически связаны. Поэтому остается загадкой, как Дионис, пришедший с опозданием, сумел завладеть древним праздником призраков и наложить свои драматические состязания на ритуальный субстрат, очевидно, столь неконгениальный. Религии достаточно легко приспосабливаются друг к другу, но для принадлежности к ним необходима некая аналогия или возможный мост от одной к другой.

Трудность сразу же исчезает, если мы примем недавнюю теорию профессора Риджуэя о происхождении трагедии. По его мнению, драма - не "дорийская" и, за исключением одного элемента сатирической пьесы, не дионисийская. Она зародилась в мимических танцах у гробниц местных героев. Когда Дионис приезжал в Афины со своими сатирами, он заставлял горшечные состязания как часть похоронного ритуала Антестерии. Он добавил к празднику вино и сатиров. Неудивительно, что комедия, как и в "*Лягушках*", была дома в подземном мире и могла со всем благочестием пародировать похороны[230] на сцене.

Фукидид приводит четыре примера святилищ за пределами *πολις*, которые находятся "в этой его части", но снова, как и в первом пункте, он, кажется, чувствует, что если он сказал правду, то это не вся правда, поэтому он спасает себя от непонимания дополнительной оговоркой: "*и другие древние святилища расположены здесь*".

Было бы глупо пытаться дать полный список всех святилищ, которые находились в этом конкретном регионе, и еще более глупо решать, о каких именно святилищах думал Фукидид. С северной стороны - участок Аглароса и Анакейон, с западной - святилище Семны и Аминеюн, с западной и юго-западной - святилище Афродиты Пандемос и святилище Фемиды, все они "направлены" к подходу. Три из них - Аминеюн, святилище Семны и святилище Афродиты Пандемос - представляют такой интерес сами по себе и так важны для формирования представления о святынях древних Афин, что необходимо сказать несколько слов о каждом.

Аминеюн. Аминеюн, или святилище Аминоса[231], известен нам только благодаря монументальным свидетельствам, обнаруженным в ходе недавних раскопок. Его открытие - одна из тех вещей, которые заставляют нас внезапно почувствовать, как много народной веры мы, полагаясь, как и положено, почти полностью на литературу, возможно, полностью утратили.

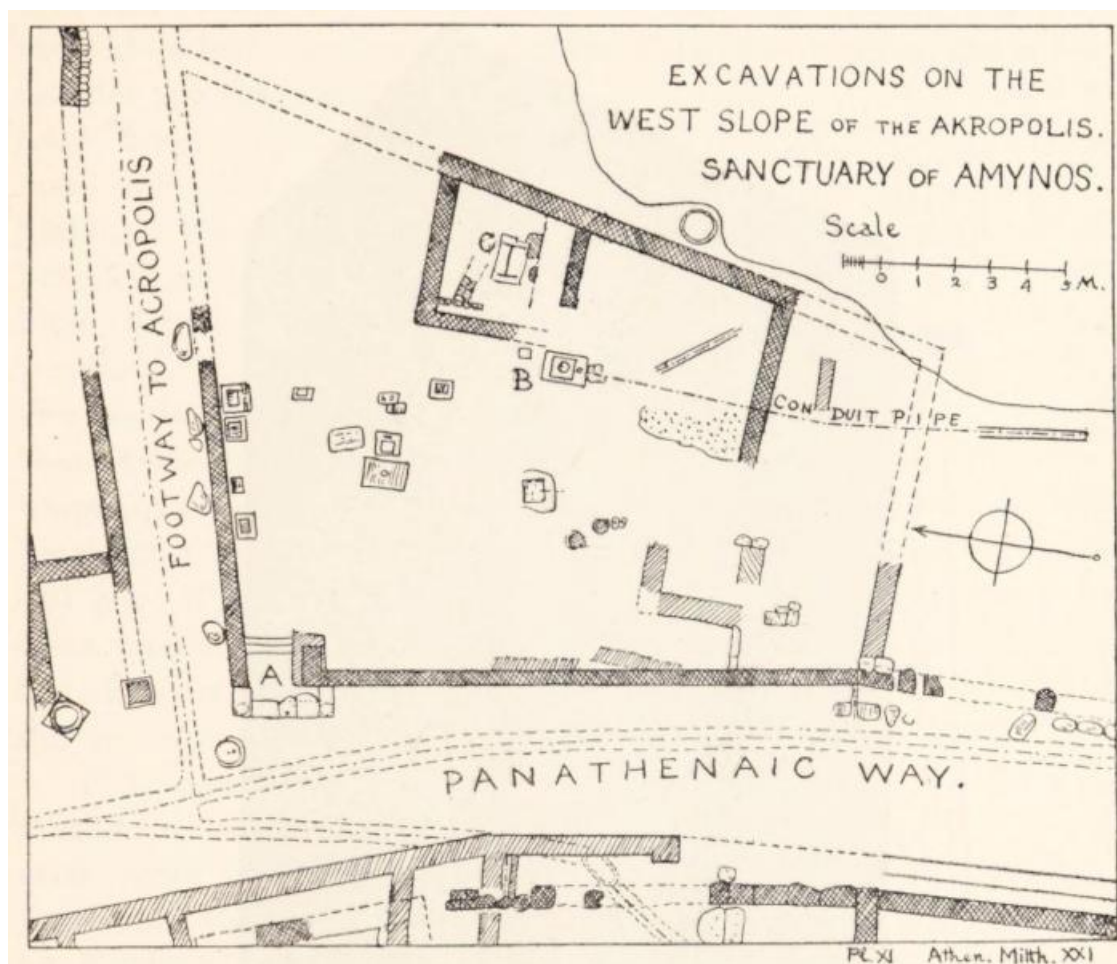

Рис. 30.

Если, покинув участок Диониса на болотах, пройти по главной дороге около 35 метров, то мы попадем на участок (рис. 30) гораздо меньшего размера и четырехугольной формы, который примыкает к дороге и вдоль северной стороны которого узкая пешеходная тропа ведет к Акрополю. Стены участка сложены из твердого голубого известкового камня с Акрополя и соседних холмов, кладка хорошая многоугольная. Входные ворота (А), которые были перестроены в римские времена, находятся в северо-западном углу. Немного к востоку от середины участка и, очевидно, имеющий большое значение, находится колодец (В). Естественное питание этого колодца было усилено трубой, ведущей прямо в него из большого водотока Пейсистратоса, который будет описан позже (с. 119). Рядом с колодцем находятся остатки небольшой часовни-героя, внутри которой была найдена нижняя часть мраморного жертвенного стола (С), украшенного двумя змеями. Кладка стены участка, колодец и святилище указывают на время правления Писистрата. Еще до того, как границы этого участка были точно определены, раскопщики наткнулись на ряд фрагментов вотивных приношений знакомого типа. Это рельефы, изображающие части человеческого тела, груди и тому подобное, вотивные змеи, а также рельефы, изображающие поклонников, приближающихся к богу обычного типа Асклепия. Среди них выделяется прекрасный хорошо сохранившийся рельеф (рис. 31), изображающий человека, держащего огромную ногу, очень четко обозначенную варикозной веной, именно там, где, по мнению врачей, должна быть варикозная вена. Надпись [232] над фигурой, к сожалению, настолько стерлась, что не сохранилось никаких фактов, кроме того, что посвяtitель, человек, который держит ногу, был сыном некоего Лисимаха и принадлежал к дему Ахарнае. Стиль букв и скульптуры датирует памятник примерно первой половиной IV века до н. э. Было достаточно ясно, что

раскопщики пришли на участок бога врачевания, и несколько десятилетий назад участок был бы без лишних слов обозначен как "священный Асклепию". Тогда бы мы остались с любопытной проблемой: почему у Асклепия было два участка, один на юге, другой на западе? Мы знаем, что Асклепий триумфально вошел в большой участок на южном склоне в 421 году до н. э.; если у него был участок на западном склоне со времен Пейсистрата, почему он оставил его?

Рис. 31.

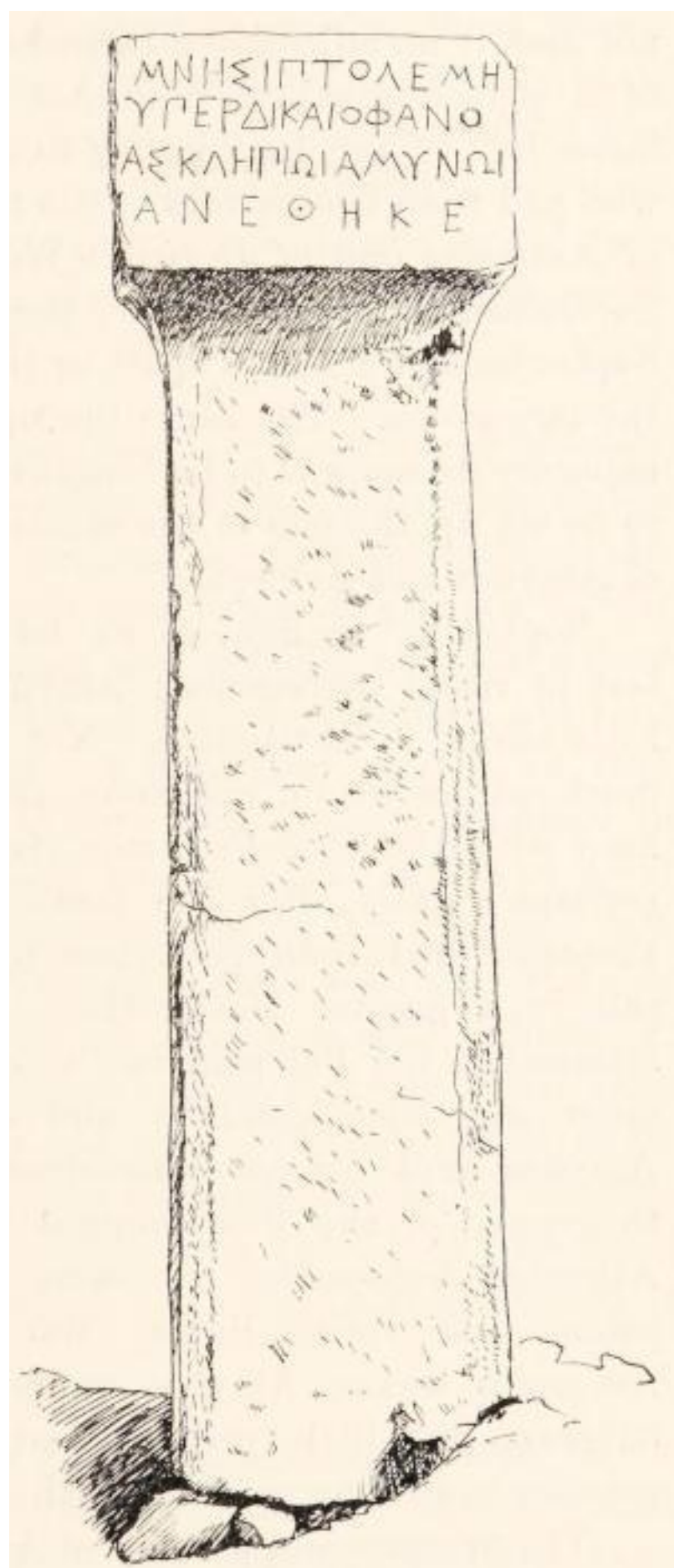

Рис. 32.

Но в настоящее время в вопросе надписей мы действуем более осторожно. Мы знаем, что вотивные рельефы типа "Асклепия" предлагаются почти любому местному герою, что местные герои везде и всюду являются героями-целителями[233]. Следовательно, местные герои-целители были постепенно поглощены и вытеснены самым успешным из них, Асклепием. В литературе мы мало слышим о культе Амфиараоса, но его местное святилище сохранялось до поздних дней в Оропе. К счастью, на нашем участке есть надписи, которые не оставляют сомнений. На найденной там стеле[234] (рис. 32) имеется надпись следующего содержания: "Мнесиптолем от имени Дикайофана посвятил (это) Асклепию Аминосу".

Поначалу мы не видим продолжения; перед нами знакомый Асклепий, которому поклоняются под именем Аминоса, покровителя, защитника. Однако вторая надпись[235] позволяет с уверенностью утверждать, что *Аминос* - это не просто прилагательное к Асклепию, а культовый титул отдельного от Асклепия человека. Эта надпись, относящаяся ко второй половине IV века до н. э., посвящена некоторым лицам, которые были благодетелями *тиасосов* (ὀρυεῶνες) *Аминоса, Асклепия и Дексиона*. Мы знаем, кем был Дексион; это был Софокл, которого героизировали, и он, смертный, был последним в списке. У Софокла было отдельное святилище, или, возможно, это было отдельное святилище внутри большого. В той же надписи[236] говорится, что почетный указ должен быть "выгравирован на двух каменных стелах, и они должны быть установлены, одна в святилище Дексиона, другая - в святилище Аминоса и Асклепия".

Софокл[237], хотя для нас он первый в памяти, занимает последнее место в ритуальном старшинстве; Аминос - первый. История этого маленького святилища весьма поучительна. Не позднее Писистрата, а насколько раньше, мы не знаем, было установлено поклонение местному герою с титулом защитника, *Аминосу*. В то или иное время, возможно, вскоре после моровой язвы в Афинах, которую местный покровитель был бессилён предотвратить, было решено призвать более великого героя-целителя, Асклепия, который тем временем достиг в Пелопоннесе огромного авторитета. Эксперимент был тщательно и спокойно опробован на маленьком участке. Аминос сохранил свое первенство. Ничьи чувства не были задеты; пелопоннесский змей просто примыкал к местному афинскому змею-герою, и обоим полагались одинаковые подношения - *пеланои*, вотивные конечности. Но новоприбывший слишком силен; Асклепий растет, Аминос слабеет - превращается в прилагательное. Асклепий перерастает свой маленький участок и отправляется в новое, более великое святилище на южном склоне.

Участок и поклонение Аминосу, хотя и не упоминается в литературе, сохранились до нас, возможно, благодаря его ассоциации с доминирующим поклонением Асклепию; но Аминос, вероятно, был лишь одним из многих героев, у которых были свои часовни и семейные молельни, разбросанные вдоль главной дороги города, где бесчисленные маленькие здания остаются неопознанными (рис. 35). Если предположение, высказанное выше (с. 99), верно, эти местные герои должны были устраивать хоровые танцы у своих гробниц, те хоровые танцы, которые были связаны с поздним приходом Диониса и в конечном итоге привели к развитию драмы. На празднике Антестерии эти местные призраки вызывались из своих гробниц в день Пифоигии; в день Хитрои их кормили, а их потомки устраивали поминки с весельем и танцами.

Святилище Семнае Теаи, или Почитаемых богинь. Местонахождение этого святилища практически определено. Еврипид[238] в "*Электре*" заставляет Эриний, когда они собираются стать Семнами, спуститься в пропасть земли рядом с Ареопagosом. Рядом с Ареопagosом есть одна пропасть и только одна, это глубокая расщелина на северо-восточной стороне, место, где традиция издавна помещает пещеру Семны[239]. Пещера им

была необходима, ведь они были богинями подземного мира. Их ритуал я подробно рассматривал в другом месте[240]; здесь же следует лишь отметить, что он был очень древним и имел все характерные признаки хтонического культа. Как богини подземного мира, досточтимые носили также титул *Араи*, Прорицательницы; они проклинали и благословляли; холм, как теперь принято считать, получил свое название от них, а не от бога войны Ареса. Орест, как помнится,[241] пришел на Ареопаги, чтобы очиститься от крови матери, и застал там людей, празднующих Хоэс; он нашел их, если наша топография верна, неподалеку, в предместье Диониса-на-Болотах.

Святилище Афродиты Пандемос. Арпократ[242], объясняя название *Пандемос*, рассказывает, что Аполлодор в шестой книге своего трактата "*О богах*" говорит, что это "имя, данное в Афинах богине, чье поклонение было установлено где-то рядом с древней агорой". Его предположение о том, что богиню называли Пандемос, потому что все люди собирались на агоре, не должно нас задерживать, но топографическое утверждение, исходящее от автора, который знал свой предмет, как Аполлодор, очень важно. Мы должны искать святилище Пандемоса где-то на западном склоне Акрополя или вблизи него, где-то рядом с большой площадью, которая, как мы увидим (стр. 131), находилась перед древним колодцем и составляла древнюю агору.

Павсаний[243] упоминает о поклонении Афродите Пандемос в одном предложении, содержащем самую дразнящую неясность. Покинув Асклепийон, он отмечает храм Фемиды и перед ним памятник Ипполиту. Затем он подробно рассказывает историю Федры и продолжает: "Когда Тесей объединил различные афинские владения в один народ, он ввел поклонение Афродите Пандемос и Пейто. Старых изображений не было в мое время, а те, что я видел, были работой небезызвестных художников". Сразу же после этого он переходит к святилищу Ге-Куротрофоса и Деметры Хлои, а затем напрямик к цитадели.

От настоящего святилища Афродиты Пандемос не осталось и следа. Из рассказа Павсания в сочетании с рассказом Арпократа следует, что оно находилось где-то ниже святилища Ге и выше фонтана Эннеакрунос, возле которого располагалась древняя агора, и, конечно, за пределами Пеларгокона. При раскопках западного склона Акрополя[244] в верхних слоях земли было найдено около 40 статуэток Афродиты, которые, должно быть, принадлежали святилищу. Надписи[245], относящиеся к ее поклонению, были найдены встроенными в средневековую крепостную стену возле ворот Беуле. Их нельзя использовать в качестве топографического свидетельства, но они дают нам важную информацию о характере поклонения Пандемос.

Первая[246] из этих надписей (рис. 33) датируется примерно началом V века до н. э. "[...]dorus dedicated me to Aphrodite a gift of first fruits, Lady do thou grant him abundance of good things. Но те, кто несправедливо говорит неправду и....". К сожалению, здесь надпись обрывается, так что скандал навсегда останется в тайне. Следует отметить, что Афродите молятся как дарующей приумножение. Похоже, она еще не получила титул Пандемос, но поскольку это встречается в двух других надписях, найденных вместе с этой, и, вероятно, все три происходят из одного святилища, эта Афродита почти наверняка та, которая стала Пандемос.

Рис. 33.

Рис. 34.

Вторая надпись (рис. 34), датируемая примерно серединой IV века до н. э., вырезана на архитраве, украшенном фризом из голубей, несущих филейную часть. Архитрав сломан на середине. На рисунке представлена только левая половина. Эта надпись^[247] снова частично метрическая, образуя элегическое двустишие.

"Это тебе, о великий и святой Пандемос Афр[одит],

Мы украшаем дарами наши статуи".

Ниже в прозе и более мелкими буквами написаны имена посвящающих. Пандемос здесь совершенно очевидно является официальным титулом богини.

Третья и самая поздняя надпись^[248] высечена на стеле из гиметтского мрамора. Она точно датирована (283 г. до н. э.) по имени архонта, старшего Эвтиоса. В ней записан указ,

принятый в то время, когда женщина по имени Гегесипила была жрицей. Указ, слишком длинный, чтобы цитировать его полностью, предписывает *астиномою* во время процессии в честь Афродиты Пандемос "предоставить голубя для очищения храма, помазать алтари, покрыть крышу смолой, вымыть статуи и приготовить пурпурное одеяние".

Афродита Пандемос была "великой и святой богиней", дарующей прирост. Она не была личным божеством куртизанки; вторая надпись говорит нам, что ей поклонялась замужняя женщина, которая была ее жрицей. Именно литература, а не ритуал наложила отпечаток на титул Пандемос; государство почитало и ее, и Уранию "по обычаю предков". Платон[249] в своей прекрасной безрассудной манере утверждает, что раз есть две любви, то есть и две богини: "старшая, не имеющая матери, - это небесная Афродита, дочь Ураноса; ей мы даем титул Урания, младшую, дочь Зевса и Дионы, мы называем "Всенародная", Пандемос".

На самом деле Афродита пришла к грекам с Востока и, как большинство семитских божеств, представляла собой не только двойственность, но и троицу.

Когда Павсаний[250] был в Фивах, он увидел изображения этой древней восточной троицы и понял, откуда они пришли. В Фивах есть деревянные изображения Афродиты, настолько древние, что, как говорят, их посвятила Гармония, и сделаны они были из деревянных голов кораблей Кадма. Одна из них называется Небесной, другая - Всенародной, а третья - Поворотной". Тройственная Афродита пришла с семитского Востока с тремя семитскими титулами: она была Царицей Небес[251], Владычицей всех людей, Уранией и Пандемос, каков был третий титул, который греки перевели как Апострофия, мы не знаем; как уже отмечалось, он прижился слабо. В Мегалополе[252] мы видим, как исчезает третий титул Троицы. Там рядом с домом, где было изображение Аммона, сделанное в виде Гермы и с рогами барана, находилось святилище Афродиты в руинах, от которого осталась только передняя часть, и в нем было три изображения, "одно называлось Урания, другое Пандемос, третье не имело определенного имени". Так греки утратили троицу и сохранили лишь дуализм.

Сами греки всегда хорошо знали, откуда взялась их небесная Афродита, она из Пафоса, а она из Китеры. Геродот[253] говорит об этом прямо. Он рассказывает, как некоторые скифы, проходя через Палестину из Египта, разграбили святилище Афродиты Урании в Аскалоне. Это святилище, - говорит он, - как я выяснил в ходе расследования, является древнейшим из всех, посвященных этой богине, ибо святилище на Кипре, как говорят сами киприоты, произошло оттуда, а святилище на Китере было основано фениками, пришедшими из этой части Сирии". Павсаний[254] говорит, что "первыми поклоняться Урании стали ассирийцы, за ними - жители кипрского Пафоса и феники из Аскалона в Палестине. А жители Китеры научились этому поклонению у фенийцев".

Восточное происхождение царицы небес Урании, вооруженной богини, *Девы Целестис*, было очевидно для всех; но Афродита в ее более человеческом земном аспекте, как Пандемос, богиня народа и всякого роста, была настолько похожа на Куротрофа, как Деметра, что ее легко можно было принять за местную. Однако ее ритуал выдает ее. Для очищения ее святилища, как мы видели, был заказан голубь. Инстинктивно мы помним, что когда Мария Дева[256] поднималась в Иерусалимский храм для очищения, она должна была взять с собой "пару голубей-черепах или двух молодых голубей". На статуэтках из Пафоса Афродита держит в руке голубя; монеты Саламиса на Кипре отчеканены с голубем[257]. В феникийском Эриксе, когда наступал праздник Анагоги[258] и Афродита Астарта возвращалась к себе домой в Ливию, голуби отправлялись с ней, и когда они вернулись в

Καταγογιю, белая толпа, среди них была одна с перьями из красного золота, и она была Афродитой.

ГЛАВА IV. ИСТОЧНИК КАЛЛИРРОЭ-ЭННЕАКРУНОС "ВОЗЛЕ" ЦИТАДЕЛИ.

καὶ τῇ κρήνῃ τῇ νῦν μὲν τῶν τυράννων οὕτω σκευασάντων Ἐννεακρούνῳ καλουμένη, τὸ δὲ πάλαι φανερῶν τῶν πηγῶν οὐσῶν Καλλιρρόῃ ὠνομασμένη-ἐκείνη τε ἐγγὺς οὔσῃ τὰ πλείστου ἄξια ἔχρῳτο, καὶ νῦν ἔτι ἀπὸ τοῦ ἀρχαίου πρό τε γαμικῶν καὶ ἐς ἄλλα τῶν ἱερῶν νομίζεται τῷ ὕδατι χρῆσθαι.

Теперь аргумент выглядит следующим образом. В качестве доказательства того, что старый город был *нынешней цитаделью с добавлением того, что находится под ней по направлению к югу*, Фукидид привел два факта: 1-е, что *святилища находятся в цитадели, в том числе и других божеств (например, богини)*; 2-е, что *те, которые находятся снаружи, расположены в этой части города больше (чем в других местах)*. Примерами таких внешних святилищ являются *святилище Зевса Олимпийского и Пифион, святилище Ге, а также Диониса на болотах*. Это последнее определено, чтобы избежать путаницы с более поздним святилищем Диониса Элевтерия, как место проведения более ранних дионисий. Наконец, здесь помещены *и другие древние святилища (не названные)*.

Далее мы переходим к третьему факту, приводимому в качестве доказательства, а именно к утверждению о местонахождении древнего городского источника, которое звучит следующим образом: *"А источник, который сейчас называется "Девять струй", по форме, которую ему придали деспоты, но который раньше, когда источники были открыты, назывался "Прекрасный фонтан" - этот источник (я говорю) был рядом, его использовали для самых важных целей, и даже сейчас еще сохранился обычай в силу древней (привычки) использовать воду перед свадьбами и для других священных целей"*. Был ли когда-нибудь аргумент, изложенный в более странной, вовлеченной и совершенно фукидидовской манере?

Родник, который когда-то назывался Каллирроэ, а теперь Эннеакрунос, находится "рядом", *то есть* недалеко от древнего города, как указано выше, и теперь используется для проведения свадеб и тому подобных мероприятий. Почему Фукидид, который "меньше всего из смертных любит сплетничать", рассказывает нам о воде и свадьбах? Зачем вообще ссылаться на историю фонтана? Потому что, как и в случае с "Анестерией", ссылка на древние вещи является частью его аргументации. Ход мысли таков. Вода из Девяти носиков теперь используется для проведения свадеб. Почему? На первый взгляд, особой причины нет. В фонтане "Девять струй" воды достаточно и в избытке. Но фонтан "Девяти носиков" был здесь не всегда, он пришел на смену "Прекрасному фонтану", а этот источник древние афиняне использовали только для "самых важных" целей. Опять же, почему? Ну, очевидно, потому, что его не хватало для общего пользования. Он был "рядом", и все же они берегли его для особых целей. Из рассказа Фукидида, хотя он и не говорит об этом прямо, мы можем заключить, что деспоты не только изменили название, но и увеличили "запасы воды"[259].

О том, где находился источник, кроме того, что он "недалеко", Фукидид не говорит абсолютно ничего. Это может быть север, восток, юг или запад. Мы, следовавшие за ним шаг за шагом по западному склону, от Олимпии и Пифиона к святилищу Ге и святилищу Диониса

на болотах, ожидали найти "Девятиструйный источник" где-то рядом с этими местами, где-то во впадине, окруженной Акрополем, Пниксом и Ареопагосом. Но мы должны помнить, что это ожидание основано *на нашей* идентификации предыдущих святилищ, а не на словах Фукидида об источнике.

Но когда мы спрашиваем, как мы неизбежно должны спросить, где *Павсаний* видел знаменитый фонтан, мы оказываемся в лучшем положении. Павсаний[260] видел "Девять струй" рядом с Одейоном, а Одейон он видел сразу после статуй Гармодия и Аристогейтона, на склоне Ареопагоса. Сразу после Эннеакруноса, "за фонтаном", как он говорит, Павсаний[261] увидел храмы Деметры и Коры, которые едва ли можно отделить от Фесмофориона на Пниксе. Где-то по соседству с Пниксом и Ареопагосом мы должны, по словам Павсания, ожидать найти "Девятиструйку", и мы ее там найдем.

К счастью для нас, Фукидид так подробно рассказал о фонтане. Он дает нам не просто фонтан под названием Фэр-Фаунт, а фонтан под названием Фэр-Фаунт, который был превращен в Девятиструйный. Это удача, потому что слово, переведенное как "Прекрасный фонтан", *Каллирроэ*, - настолько общий термин, что его можно применить почти к любому источнику. Если в наши дни, путешествуя по Греции, вы остановитесь, чтобы попить из какого-нибудь источника, и спросите у своего проводника его название, он в трех случаях из четырех скажет вам, что это *Мавромати*, *Черный Глаз*, потому что это настолько общий термин, что его можно смело применять. Так и в Афинах, несомненно, в более поздние времена, а возможно, и во времена Фукидида, существовал еще один Каллирроэ, расположенный далеко на Иллиссе. Когда Сократ в "*Аксиохосе*"[262] выходил к Киносиргу и дошел до Иллисса, он услышал, как кто-то кричит ему, и, обернувшись, увидел Клейниаса, бегущего к Каллиррою. Очевидно, это был другой Каллирроэ, не тот, что возле Пникса. Как возникло это дублирование Каллирроя в Афинах, будет рассмотрено позже (с. 143). Каллирроя, которую мы ищем, - это Справедливый фонтан, *ставший Девятиструйным*, именно он и никто другой.

Стоит заметить, как быстро источник утратил свое старое название. Люди, несомненно, очень гордились новым *Девятиструйным*. Геродот[263] наивно полагает, что во времена пеласгов *Девятиструйный источник* назывался *Девятиструйным*. Афиняне говорили, что их изгнание пеласгов из Аттики было оправданным, так как "пеласги, поселившиеся под Гиметтом, совершали оттуда вылазки и беззакония. Их дочери постоянно ходили за водой к Эннеакруносу, так как в то время у греков не было домашних слуг, и всякий раз, когда они приходили, пеласги из наглости и презрения предлагали им насилие". Во времена Фукидида наверняка были живы люди, чьи отцы помнили об изменениях, произведенных деспотами, однако название *Fair-Fount* было, когда Фукидид писал, очевидно, предметом античного знания.

Теперь перед нами стоит вопрос: есть ли у нас доказательства того, что источник, естественно небольшой, но усиленный и перестроенный во времена деспотов, существовал в районе, заключенном в Пникс, Ареопагос и Акрополь? Взгляд на план на [рис. 35](#) покажет, что такие свидетельства действительно существуют. В скале Пникса в точке, отмеченной буквой Y, находится источник Каллирроэ, Справедливый фонтан. Он был усилен водой из района Иллисса, подведенной по каналу Пейсистрата. Напротив древнего Каллирроя когда-то стоял фонтан-дом, также относящийся к периоду деспотов, фонтан-дом, называемый *Девятиструйным*, Эннеакрунос.

Доказательства этого троекратного утверждения должны быть рассмотрены подробно. Но сначала следует сказать несколько слов о геологических условиях этого места, насколько они влияют на водоснабжение Афин.

Водоснабжение Афин, особенно питьевое, зависит, и всегда зависело, не от рек, а от колодцев. Описывая Эннеакрунос, Павсаний[264] говорит: "По всему городу есть колодцы, но это единственный источник". Его утверждение относительно источника не совсем верно. Кроме Каллирроя, в древнем городе было два естественных источника, и оба они находились на самом Акрополе: Клепсидра в северо-западном углу и источник в пректе Асклепия на южном склоне. Насчет колодцев он прав. Равнина, на которой стояли Афины, благодаря своему геологическому строению была в изобилии снабжена колодцами. Самый верхний ее слой - известковый камень, из которого сложены холмы Ликабеттос, Мусейон и Акрополь. Через этот слой свободно просачивается дождь. Но под этим известковым слоем находится второй пласт сланца и мергеля, который практически непроницаем, и здесь вода собирается в колодцы.

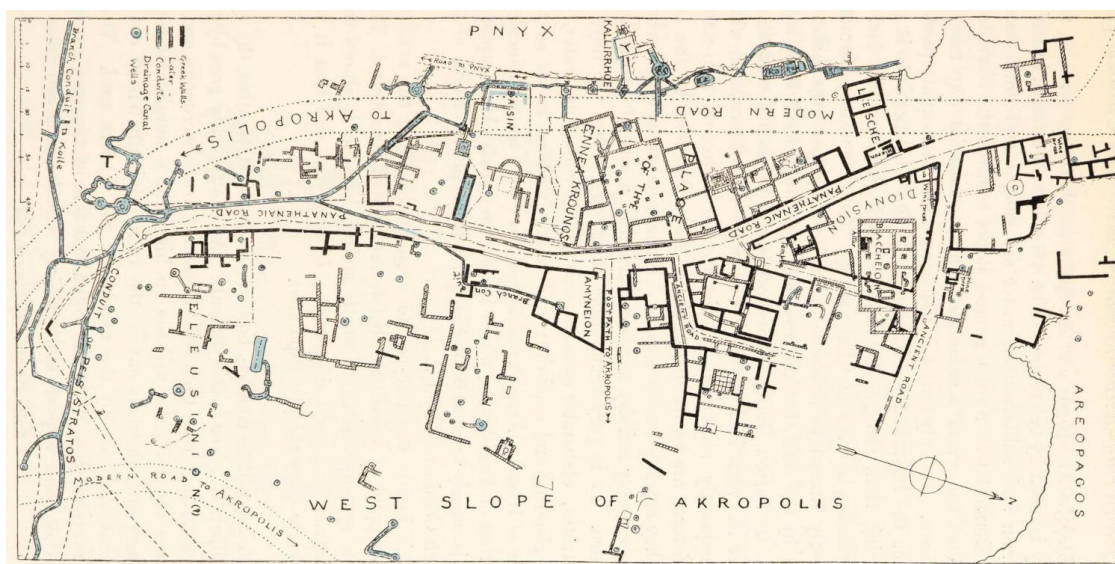

Рис. 35.

Колодцы, таким образом, встречаются спорадически по всем Афинам и Афинской равнине, но нигде не встречаются в таком изобилии, как в обсуждаемом районе[265]. Пникс и Мусион с одной стороны, Ареопagos и Акрополь с другой образуют, как легко заметить, обратившись к рис. 46, своего рода впадину, в которую попадают и обязательно скапливаются как дождевые, так и подземные воды. Поскольку земля наклонена к северу и западу, скопившаяся вода не может пробиться к Илиссосу. Единственным выходом для нее является узкий и неполноценный проход между Пниксом и Ареопagosом в Эриданос. Неудивительно, что, хотя район расположен высоко над руслом Эриданоса, он был несколько заболочен. О том, что его водный характер был рано использован и привел к появлению густого населения, говорит тот факт, что в его узких пределах было вырыто не менее 100 колодцев. Эти колодцы можно увидеть на плане, изображенном на рис. 35. Эти колодцы для подземных вод часто дополняются цистернами для сбора дождевой воды. Цистерны легко отличить от колодцев по тому, что они облицованы цементом. Иногда старый колодец, который, по всей видимости, пересох, превращают в цистерну с помощью цементного слоя. Очень

примечательно, что задолго до времен Писистрата существовали сложные системы сбора воды в колодцах, цистернах и каналах; один канал простирался до Одеона Геродоса Аттика и проходил почти по тому же пути, что и канал Писистрата, которому он предшествовал. Комплекс его колодцев хорошо виден в точке Т на [рис. 35](#), немного севернее "ответвления от канала в Койле".

Мы не ставим перед собой задачу подробно рассматривать искусственное водоснабжение[266] района до времен Пейсistrата. То, что такая система существовала, заслуживает внимания, так как показывает, что этот район - подходящее место для *Лимны*, а также то, что он с ранних времен был густо заселен.

Однако наша непосредственная задача - установить, если возможно, местоположение Каллирроэ. Это не так уж и сложно. Когда путешественник идет по современной дороге от "Тесиона" к Акрополю и приближается к Пниксу, он видит справа от себя ряд скальных камер и каналов, вырубленных в скале, первоначально скрытых от глаз, но обнажившихся при прокладке современной дороги. Они показаны на [рис. 35](#) справа и слева от места, обозначенного как Каллирроэ, и более отчетливо видны на увеличенном плане на [рис. 38](#), где они обозначены r^1 - r^{10} . Они представляют собой череду вырубленных в скале колодцев, цистерн и каналов, датируемых от раннегреческих до римских времен. Их количество является дополнительным доказательством того, что в скале Пникса существовала регулярная система сбора воды, но из всей серии нас интересуют только два, обозначенные r^6 и r^7 .

Увеличенный план колодцев r^6 и r^7 , с их соединительными ходами и камерами, приведен на [рис. 36](#). Его подробное описание важно, поскольку эти камеры, признанные составляющими древнюю Каллиррою, в настоящее время закрыты от посторонних глаз запертыми воротами, за которые проникают лишь немногие посетители Афин.

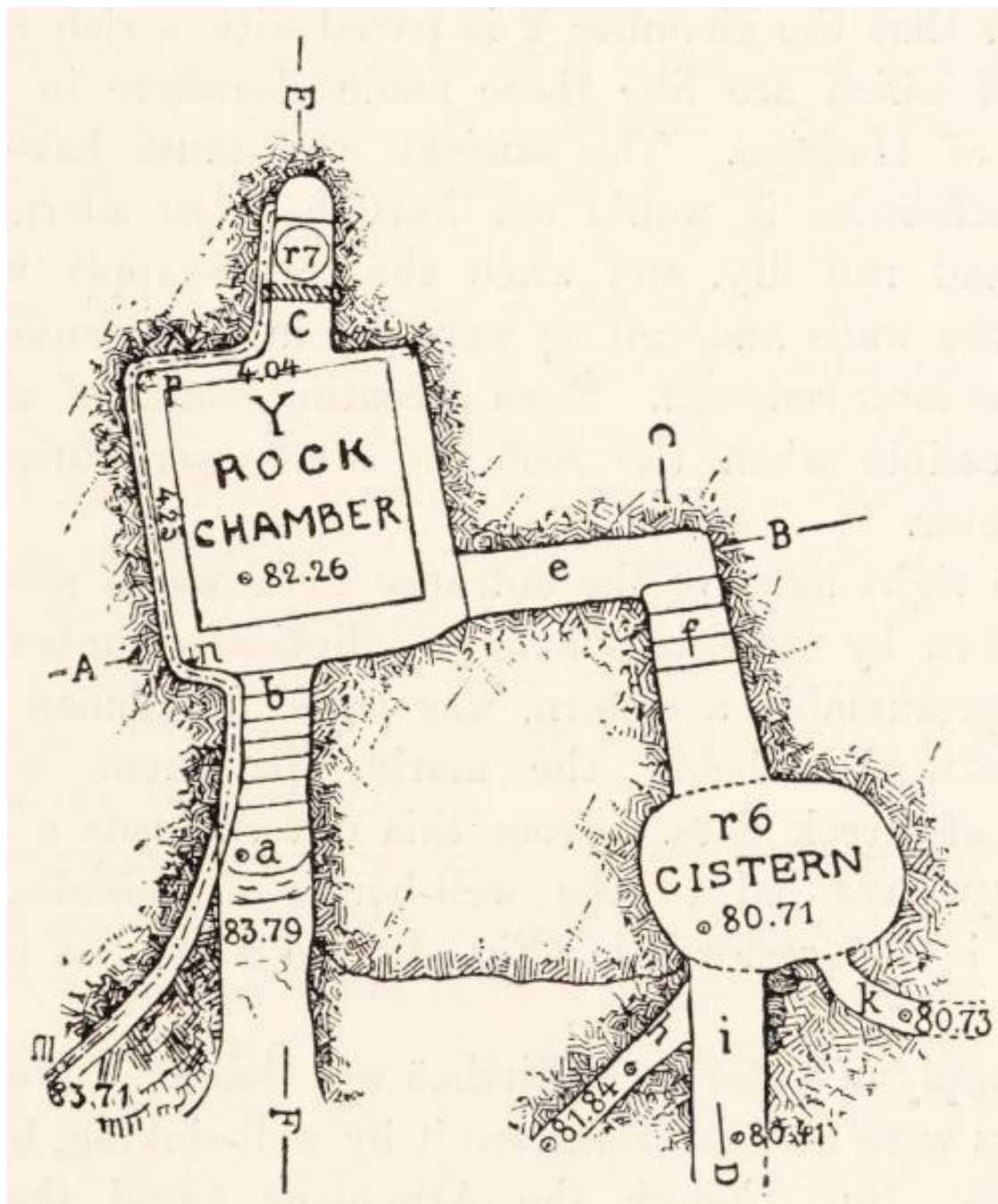

Рис. 36.

Узкая лестница, а-б, ведет в камеру (Y), вырубленную в сердце скалы. Эта камера имеет площадь около 4 метров и арочную крышу. Непосредственно напротив входа в Y в западной стене вырублена ниша глубиной 1-80 м (C). В этой нише на глубине 2 метров пробита шахта колодца (r⁷). Этот хорошо виден в разрезе [на рис. 43](#). Перед колодцем был установлен барьер, чтобы можно было черпать воду, не боясь провалиться внутрь. Над колодцем, примерно в 0-80 метрах от мостовой, находилась небольшая ниша, в которой, возможно, хранилось изображение. От входа в камеру Y, на высоте около 1-30 метров от земли, в скале проходит канал п-р. Он имеет небольшой наклон в сторону ниши C и, очевидно, предназначался для сбора воды, которая сочилась со сводчатой крыши и стен. Позже он был использован в качестве канала для нового водопровода, привезенного Пейсистратосом. Остатки свинцовой трубы и терракотового водовода были найдены в м.

Ибо, - сомневаться в этом невозможно, - здесь, в нише на С, находится древний Каллирроэ. Большая скальная камера Υ выделяет его среди других колодцев. О его важности вплоть до римского времени говорит тот факт, что камера Υ вымощена богатой мозаикой, узоры которой похожи на те, что были сделаны в других местах Афин во времена Адриана. Древний колодец должен был сохранять свою святость, иначе бы он не был так украшен. После того как колодец иссяк, а водоснабжение было чисто искусственным, стены и потолок были тщательно зацементированы, а позже цемент был обновлен. Разумеется, такое покрытие было бы невозможно, если бы с крыши и стен капала естественная вода.

По правую руку от входа в Υ находился проход e-f, ведущий по ступеням в большую эллиптическую камеру γ⁶. Эта камера, предположительно цистерна, была вымощена в римские времена мраморными плитами, но под мраморным покрытием находится лепнина греческой эпохи. Из этой цистерны ведет канал, i, который, возможно, вел к колодцу Пейсистрата или, как предполагается в ходе реставрации (рис. 43), к меньшему по размеру фонтану.

Запасы воды в Каллирроэ были невелики. Мы видели, что предпринимались попытки усилить его за счет проходки колодцев, каналов, цистерн. Но хотя афиняне находили воду Каллирроэ достаточной для своих ритуальных ванн, у них были и другие потребности, и по мере того, как город рос и рос, попытки справиться с растущими потребностями на местном уровне оказались тщетными. Возникла настоятельная потребность в воде издалека, великая народная потребность, которую так любят удовлетворять деспоты. Вода была нужна, и ее стали привозить практически неисчерпаемые запасы из района верхнего Илиссоса.

По счастливой случайности в истории раскопок, задолго до начала поисков акведука деспотов, был обнаружен другой акведук, работа другого деспота, - акведук, который Поликрат сделал для саамов. В конце своего рассказа о Поликрате Геродот[267] говорит нам, что он надолго задержался на делах саамитян, "потому что они обладали тремя самыми замечательными работами, когда-либо совершенными греками". Первым и единственным из этих чудес, которое нас касается, был большой акведук, прорытый через гору высотой 150 саженей. Длина туннеля, продолжает он, составляла семь стадий, высота и ширина - по восемь футов в каждую сторону. Через этот туннель шел второй проход, глубиной 20 локтей и шириной три фута, по которому вода по черепичным трубам поступала из большого источника в город Самос. Архитектором этого туннеля был мегарец Евпалинос, сын Наустрофоса.

Возможно, говорит Геродот, даже если бы у самосцев не было акведука, он все равно рассказал бы нам историю кольца; как бы то ни было, его рассказ о первом чуде, акведук, бесценен и полностью обоснован. По своей природе город никогда не был хуже обеспечен водой, чем Самос, и редко какой город снабжался водой с помощью более удивительного инженерного произведения. Найдены "великий источник" Хагниадеса[268], туннель с двойным каналом, даже глиняные трубы, проложенные Евпалиносом. Мы прекрасно знаем, чего можно ожидать от акведука, построенного деспотами.

Естественно, что раскопщики искали канал Пейсистрата в непосредственной близости от Каллирроэ, и там, вблизи скалы Пникс, они нашли его на расстоянии около 40 метров от скальной камеры Υ. От этой точки до южной части одеона Геродоса Атика его ход был полностью раскопан. Лучше всего это видно на официальном плане профессора Дёрпфельда (рис. 46). К югу от одионы водовод не удалось расчистить из-за его поврежденного состояния и массы обломков, которые на него навалились. Между Одеоном и театром Дионисия он проходит под древней дорогой и проходит в пределах участка

Диониса, между более ранним и более поздним храмами. После этого места его течение не было подробно раскопано, но под современной русской церковью проходит канал, который должен быть его продолжением, и он ведет к давно обнаруженному водотоку[269], который теперь используется для полива Королевских садов. Известно, что эта вода поступает из верхней долины Иллисса (рис. 49).

Главный водовод шел, таким образом, из верхней долины Иллисса к большому бассейну водохранилища, отмеченному на плане на рис. 35, но от него можно проследить несколько ответвлений; самые важные из них - туннель, ведущий в район Койле, и меньшее ответвление, идущее к Аминею. Можно проследить и другие ответвления, цель которых не всегда ясна; вероятно, они возникают в тех местах, где при пробивке туннеля были достигнуты жилы воды, а некоторые служили для подведения к главному каналу вспомогательных источников с холма Муз и с Акрополя.

Только те, кто, как отмечает сам профессор Дёрпфельд[270], взял на себя труд спуститься в тоннели и переходы и тщательно исследовать их, насколько это возможно, могут составить представление о масштабах работы. Иногда в канале можно стоять прямо, до некоторых участков можно добраться только на руках и коленях. Каждый, кто хотя бы ненадолго заглянул в акведук, несомненно, ощущает себя исследователем того, что должно было быть главным искусственным источником водоснабжения древних Афин, и здесь, если бы такое водоснабжение было необходимо, должен был находиться центр жизни древнего города.

Акведук надежно датируется по сравнению с работой Эвпалиноса на Самосе временем деспотов. Между акведуком Писистрата в Афинах и акведуком Поликрата на Самосе прослеживаются две поразительные аналогии. Это характер труб и система валов. Отдельные части труб в Афинах имеют длину от 0-60 м. до 0-61 м., не считая мест соединения. Они сделаны из тонкой желтоватой глины; внутри они защищены красной глазурью, снаружи оставлены грубыми, за исключением того, что на каждом конце они покрыты глазурью и имеют двойную полосу глазури вокруг середины и вокруг каждого конца. По длине и диаметру они соответствуют самосским трубам, которые профессор Дёрпфельд тщательно осмотрел для сравнения[271]. Самосские трубы также фактически украшены полосами, только полосы на Самосе вырезаны, а в Афинах нарисованы.

То же соответствие заметно и в способе соединения труб: и в Афинах, и на Самосе трубы спаяны свинцом, и в обоих местах предусмотрены средства для их очистки. Оставлено отверстие эллиптической формы, достаточно большое, чтобы в него могла пролезть рука, и снабженное крышкой. Образец афинской трубы показан на рис. 37, а рядом с ним - участок трубопровода с установленной трубой.

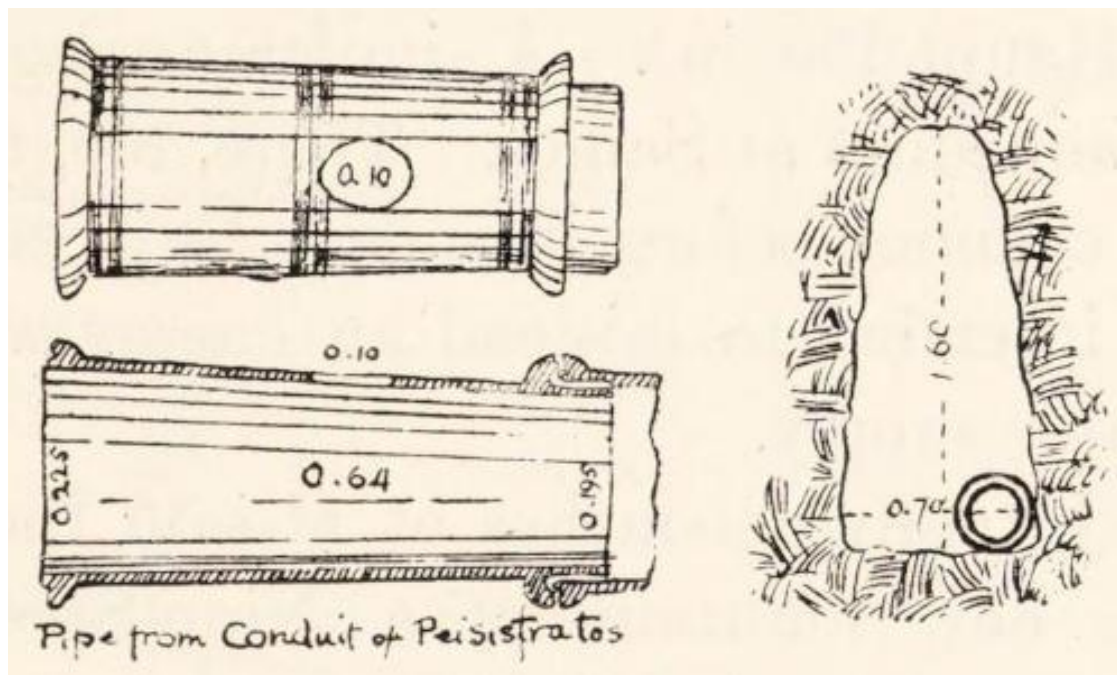

Рис. 37.

Трубы носят обильные следы долгого использования и частого ремонта. В довольно ранние времена они, по-видимому, покрылись известковым налетом от воды, а в некоторых случаях и вовсе засорились, и тогда вода потекла по трубам и затопила главный канал на две трети его высоты. В некоторых местах, где порода была мягкой, она, по-видимому, выветрилась и обрушилась, и часть туннеля стала бесполезной. На протяжении примерно 30 метров были проделаны новые скважины и проложены новые трубы; они были четырехугольными, а не круглыми, но в заброшенной части туннеля до сих пор лежат старые круглые трубы.

Во-вторых, как и на Самосе, через каждые 30-40 метров оба туннеля снабжены шахтами, которые служили при туннелей для очистки от обломков породы, и которые использовались для той же цели при прокладке канала. Эти шахты погружены перпендикулярно; одна из них достигла глубины 12 метров - так низко местами пролегает канал.

Для нас кардинально важна точка, в которой конduit раздваивается, потому что рядом с ней мы можем надеяться найти фонтан-девятиструйник. Конduit заканчивается несколько удивительным образом, который лучше всего понять, обратившись к [рис. 38](#). Крайний слева, в точке рядом с буквой В, водовод выходит на поверхность. Здесь он представляет собой массивный канал, сложенный из блоков камня *порос*, обозначенный на плане толстыми черными линиями. В точке a^4 он заканчивается в скале Пникс. Но, что самое странное, в точке a^3 , примерно за восемь метров до конца канала, из него выходит труба, которая идет параллельно скале Пникс и направляет воду в главный резервуар (Хаупт-Бассен). Аналогичное устройство было обнаружено в акведуке на Самосе. Там также труба водовода выходит из скального канала перед его окончанием. Предполагается [\[272\]](#), что это был план, направленный на введение в заблуждение врага, который мог бы захотеть перекрыть подачу воды.

На самом деле водовод отходит от большого водохранилища, из которого должен был питаться новый фонтан-девятиструйник. Здесь, у водохранилища, мы находим признаки трех последовательных сооружений. Первое - очень раннее сооружение, возможно, времен

Солона. Вторая - времен Писистрата. Третье - позднеримское сооружение. От двух ранних сооружений не осталось каменной кладки, но их расположение и размеры можно приблизительно определить по отметкам на скале Пникс, из которой была вырублена западная часть бассейна. Точный размер первоначального бассейна, который был меньше более позднего, сейчас определить невозможно. Во времена Писистрата он был расширен и углублен; дно бассейна было погружено почти на 1-50 метров вглубь. Большой бассейн Писистрата был облицован каменной кладкой, блоки которой сейчас исчезли. В римские времена на месте большого бассейна Писистрата стояло совсем небольшое сооружение. Это изменение должно было произойти до строительства поздней римской виллы, которая заняла место, где когда-то стояли "Девять фонтанов". Когда вилла была построена, большое водохранилище уже некоторое время не использовалось, а вода из акведука, которая не была нужна на месте в большом количестве, была проведена по трубам в нижний город на севере для снабжения новой римской рыночной площади. Следует отметить, что эти изменения в водоснабжении имеют первостепенное значение в вопросах топографии, а изменение направления или протяженности акведука, естественно, свидетельствует о перемещении населения.

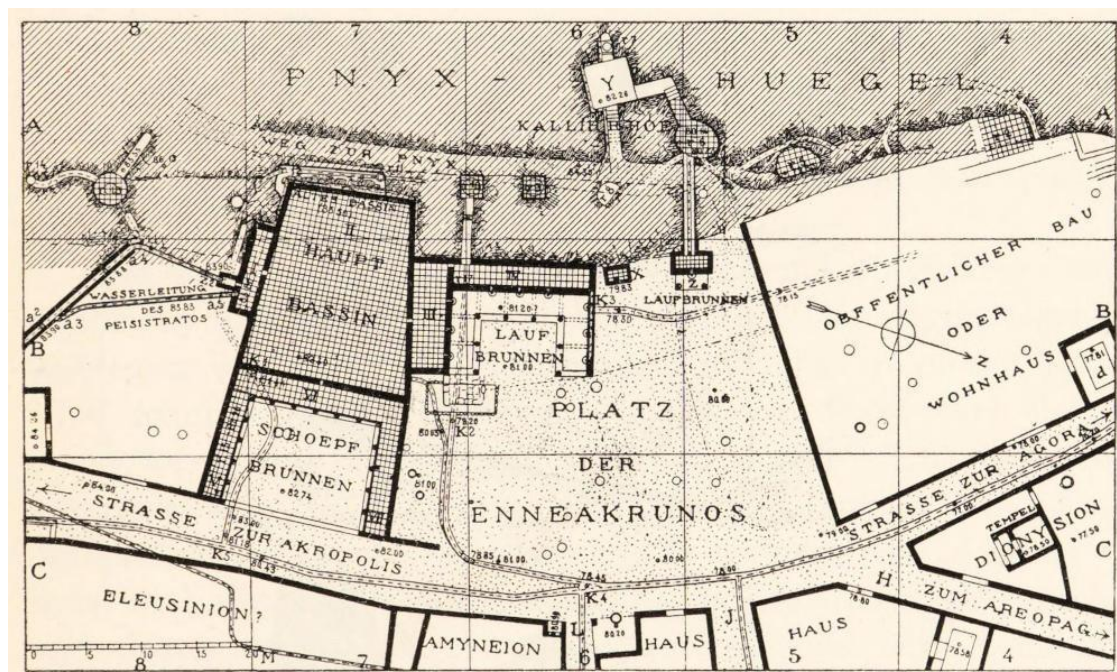

Рис. 38.

Восстановление профессора Дёрпфельда (рис. 38), как следует понимать, в значительной степени носит умозрительный характер. Ее следует рассматривать строго в сочетании с планом на рис. 35, где фактические остатки греческой даты четко обозначены сплошными черными линиями. При таком использовании он может оказать большую услугу, помогая нам мысленно реконструировать разрозненные фрагменты кладки, которые иначе были бы непонятны.

Некоторые детали реставрации были подсказаны обнаруженными в Мегаре гидротехническими сооружениями, которые в некоторых отношениях сохранились лучше, чем афинские. В Мегаре сохранился не только большой водовод, по которому вода поступала издалека, но и сложная система ее использования, состоящая из резервуара и колодца с колоннами, а также фонтанного дома. Вполне вероятно, что работы Теагена послужили образцом для Писистрата, поэтому прежде чем говорить о колодце и фонтанном доме Писистрата, необходимо сказать несколько слов о раскопках в Мегаре.

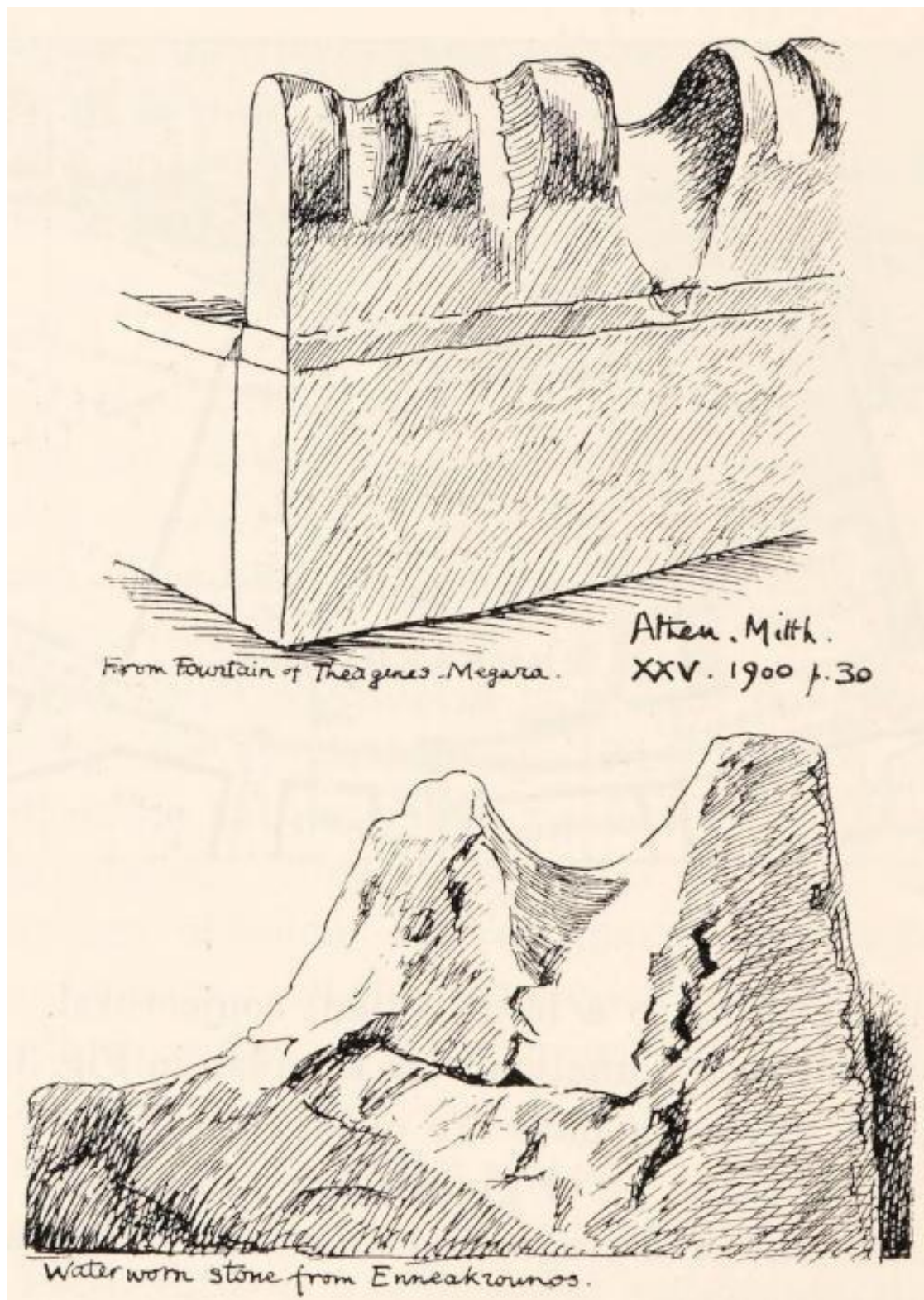

Рис. 39.

Павсаний[273] начинает свой рассказ о городе Мегара несколько отрывисто следующим образом. В городе есть фонтан. И построил его для них Теаген. О нем я уже упоминал, что он отдал свою дочь в жены афинянину Килону. Этот Теаген, овладев тиранией, построил фонтан, и, судя по его размерам, украшениям и количеству колонн, на него стоит посмотреть. В него стекает вода, называемая водой ситнидских нимф". После раскопок в Афинах фонтан или, как его лучше называть, колодец Теагена в Мегаре искали и нашли [274] у подножия восточного акрополя Мегары, называемого Кария. Акведук, ведущий к водоему, был

раскопан на значительном расстоянии и оказался сооружением, очень похожим на те, что были найдены в Афинах и на Самосе. Евпалинос, как известно, был уроженцем Мегары. Колодец, опорные стены которого хорошо сохранились, был размером примерно 15 на 20 метров и построен из карского известняка, который в VI веке до н. э. часто использовался для фундамента и стилобатов зданий. По всему периметру стороны, откуда бралась вода, была невысокая парапетная стена. Эта стена во многих местах имеет следы износа от трения канатов и капающей воды. Блок, изображенный на [рис. 39](#), точно повторяет блок, найденный в Афинах и помещенный под ним для сравнения.

Не только в Афинах деспот построил колодец и искусственно увеличил запас святой воды. Первоначальный источник в Мегаре был священным для ситнидских нимф; мы не знаем, какие нимфы охраняли Каллирроэ в Афинах; их было много, ведь и по сей день рядом находится Холм нимф. Дионис, живший так близко, назывался Лимнайос, Он Болот, говорит Фанодemos[275], потому что он изобрел смешивание сусла с водой; поэтому, добавляет он, "источники называются Нимфами и кормилицами Диониса, потому что вода, смешанная с вином, увеличивает его".

Вернемся к камню, израненному водой, детали которого показаны на [рис. 40](#). Этот камень имеет большое архитектурное значение. По нему можно определить не только дату постройки здания, которому он принадлежал, но и его размеры и общий вид. Дату фиксирует клеймо на зажиме в точке С. Сам зажим исчез, но о его форме свидетельствует след от его

вставки. Клешни формы встречаются в Афинах только в зданиях примерно времен Писистрата, например, на более раннем храме Диониса Элевтерия. Наш камень принадлежал зданию, построенному при Писистрате. Что касается характера здания, то по кривой в точке е, которая представляет собой сегмент круга, ясно, что в этом месте камень был отсечен для получения колонны. Неизношенное состояние лепнины в точке b приводит профессора Дёрпфельда к выводу, что камень был угловым, а угол защищал лепнину от трения. Расстояние между этими двумя точками, е и b, дает измерение интерколумния. На основании этого камня можно с уверенностью утверждать, что колодец времен Писистрата существовал и что над ним возвышалась колоннада. По внешнему виду он должен был напоминать колодец (Schoepf-brunnen), восстановленный на [рис. 38](#). Переходим к рассмотрению фонтанного дома "Девять носиков".

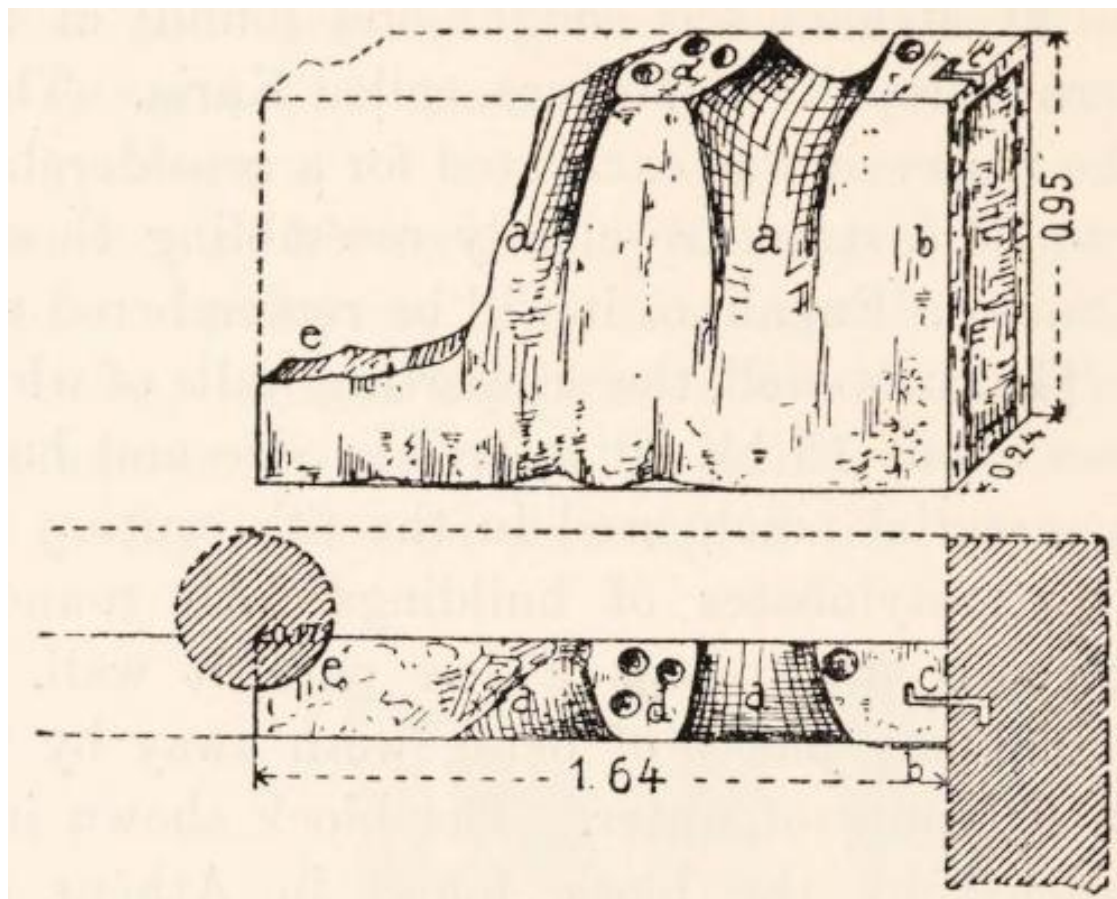

Рис. 40.

Большая открытая площадь, обозначенная как "место Эннеакруноса" (рис. 38), на самом деле является местом Девяти носиков. Это ясно из многих соображений. 1. Девятипалый должен был стоять над или перед Фейр-Фаунтом, который он вытеснил. Над ним было бы невозможно из-за скалы Пникс, поэтому мы можем с уверенностью поместить его перед ним. 2. Девятипалый фонтан должен был стоять примерно на два метра ниже уровня бассейна, из которого он питался, чтобы вода могла легко стекать внутрь. 3. В К 2 и К 3 находятся начала двух древних подземных каналов, которые, должно быть, предназначались для отвода излишней воды из Девяти Фонтанов. 4. Прямо к этому открытому месту спускается пешеходная дорожка от Акрополя, к ней же в конечном итоге сходятся и все остальные дороги. 5. В греческие времена это место, должно быть, было открытым, так как не было найдено никаких фундаментов греческих зданий, только остатки большого римского дома, а под ним - бесчисленные колодцы.

Этот римский дом состоял из большого атриума с перистилем из двенадцати колонн и нескольких небольших палат вокруг него. Стены представляют собой лоскутное одеяло из всевозможных материалов, и даже основания колонн состоят из фрагментов других зданий. Один из этих фрагментов относится к колодцу, о котором мы уже говорили, другой, как мы сразу увидим, принадлежит самому Девятипалому.

Рис. 41.

Можем ли мы составить какое-либо мысленное представление о Девятипалом? К счастью, на помощь нам приходят вазовые картины. Примечательно, что в декоре чернофигурных ваз для воды (гидрий) VI века до н. э. появляется внезапная мода на фонтаны-домики. В Британском музее хранится не менее десяти украшенных таким образом гидрий. Одна из них[276] воспроизведена на [рис. 41](#). Изображенный на фонтанный дом имеет обычную форму - тетрастильный дорический портик. Архитектурные детали очень четкие, триглифы и гутты выделяются белым цветом. В реальной архитектуре они были бы окрашены в синий цвет. Четыре девы рисуют на воде. Две из них развешивают венки. Над тремя из них начертаны их имена - Иопе, Родопис, Клео. Но что сразу привлекает наше внимание, так это расположение водных струй. Перед нами три - львиная голова и два всадника, по обе стороны от них - по львиной голове; таким образом, получается не девять, а пять изливов. Но разве боковые носики, нарисованные в перспективе, не представляют собой по три носика? По крайней мере, вероятно, что мы имеем такое расположение, как показано на [рис. 38](#): три носика напротив и по три с каждой стороны. Львиные носики, конечно, часто встречаются в фонтанных домах. Всадники на нашей вазе уникальны, они придают фонтанному дому лихой деспотизм.

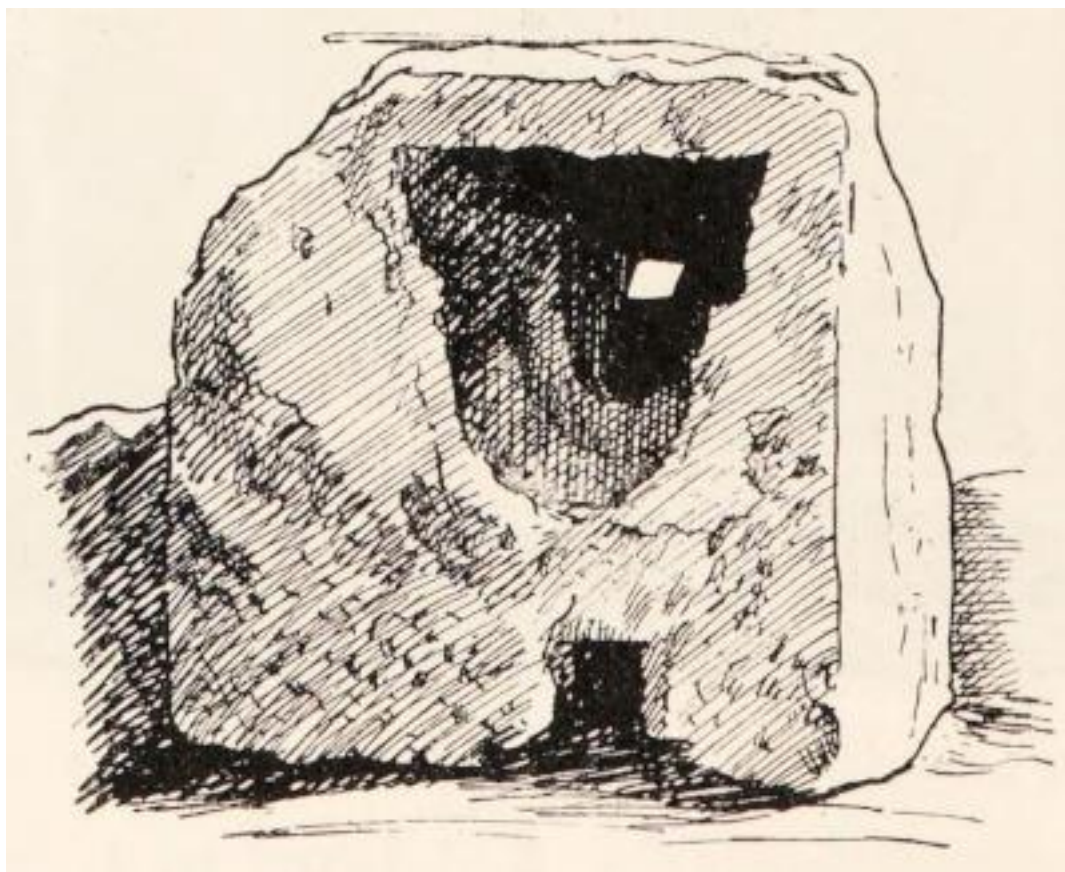

Рис. 42.

Тогда мы знаем, какие архитектурные фрагменты мы можем ожидать найти; мы можем представить себе фрагмент, который был бы окончательным. Дорический портик может принадлежать нескольким типам зданий, а львиная голова - только фонтанному дому. Львиная голова не была найдена, но вместо нее был *найден камень, выдолбленный для приема львиной головы*. Этот камень показан на рис. 42. Здесь видно не только место для головы льва, но и отверстие для трубы. Блок сделан из голубого известкового камня, такого, как на Акрополе и в Пниксе. Из точно такого же известняка сложен небольшой остаток многоугольной стены с южной границы участка Фонтанного дома.

На плане рис. 38 хорошо видно общее расположение места Эннеакруноса: позади - большой водоем (Haupt-Bassin), непосредственно перед ним - колодец (Schoepf-brunnen), а справа от водоема, и, конечно, в равной степени питаемый им, - девять водостоков (Lauf-brunnen). Впереди - большое открытое пространство. Точное местоположение и размеры Девятиструйного водоема можно только предполагать. Четкое представление об отношении Девяти носиков к Фэр-Фаунту дает секционная реставрация[277] на рис. 43. Здесь мы видим сводчатую скальную камеру Y, собственно колодец Каллирроэ, к которому она вела, а перед ним, на расстоянии современной дороги, - Девятипалый или Эннеакрунос. Перед ним снова открытое пространство, возможно, когда-то огороженное, было сердцем и центром агоры.

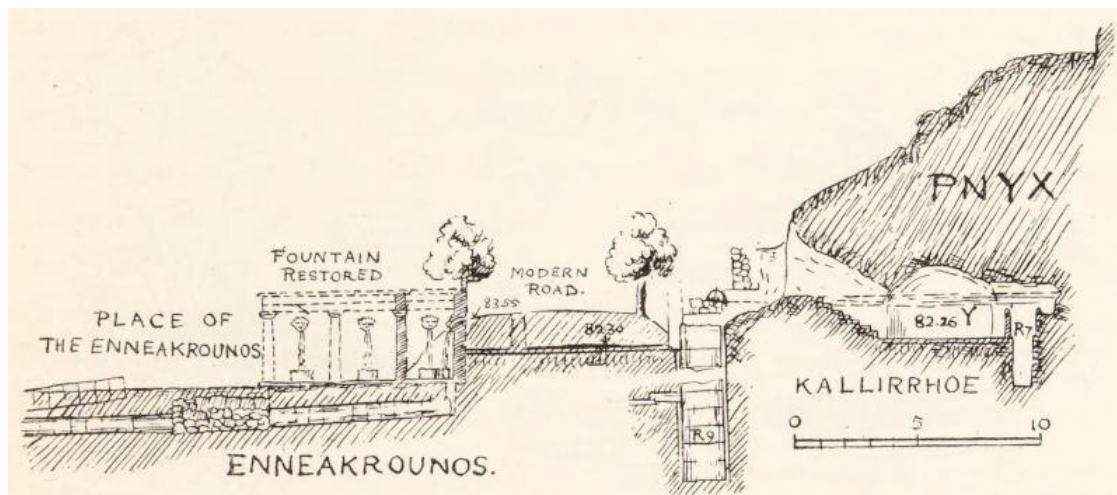

Рис. 43.

Прежде чем перейти к вопросу об агоре, стоит отметить, что колодезный дом, Эннеакрунос, Девятиструйный, , был известен еще в семнадцатом веке как находящийся на западном склоне Акрополя. На любопытном старом плане, составленном Гилетом и Коронелли[278], часть которого воспроизведена на [рис. 44](#), мы видим на западном склоне не только колодец, против которого в ключе к плану указано "Enneakrounos", но и близкие к нему развалины небольшого театра, который вполне может означать Одеон, как его видел Павсаний. На другом плане семнадцатого века, обычно известном как план Капуцинов, театр и Эннеакрунос отсутствуют, а на их месте стоит так называемый "Тесейон". При внимательном рассмотрении можно заметить, что на плане Капуцинов театр, Эннеакрунос и некоторые другие здания были стерты, а поверх них нарисованы другие памятники . Поэтому можно считать несомненным[279], что в XVII веке существовали остатки "Эннеакруноса" и здания, похожего на театр, рядом с ним.

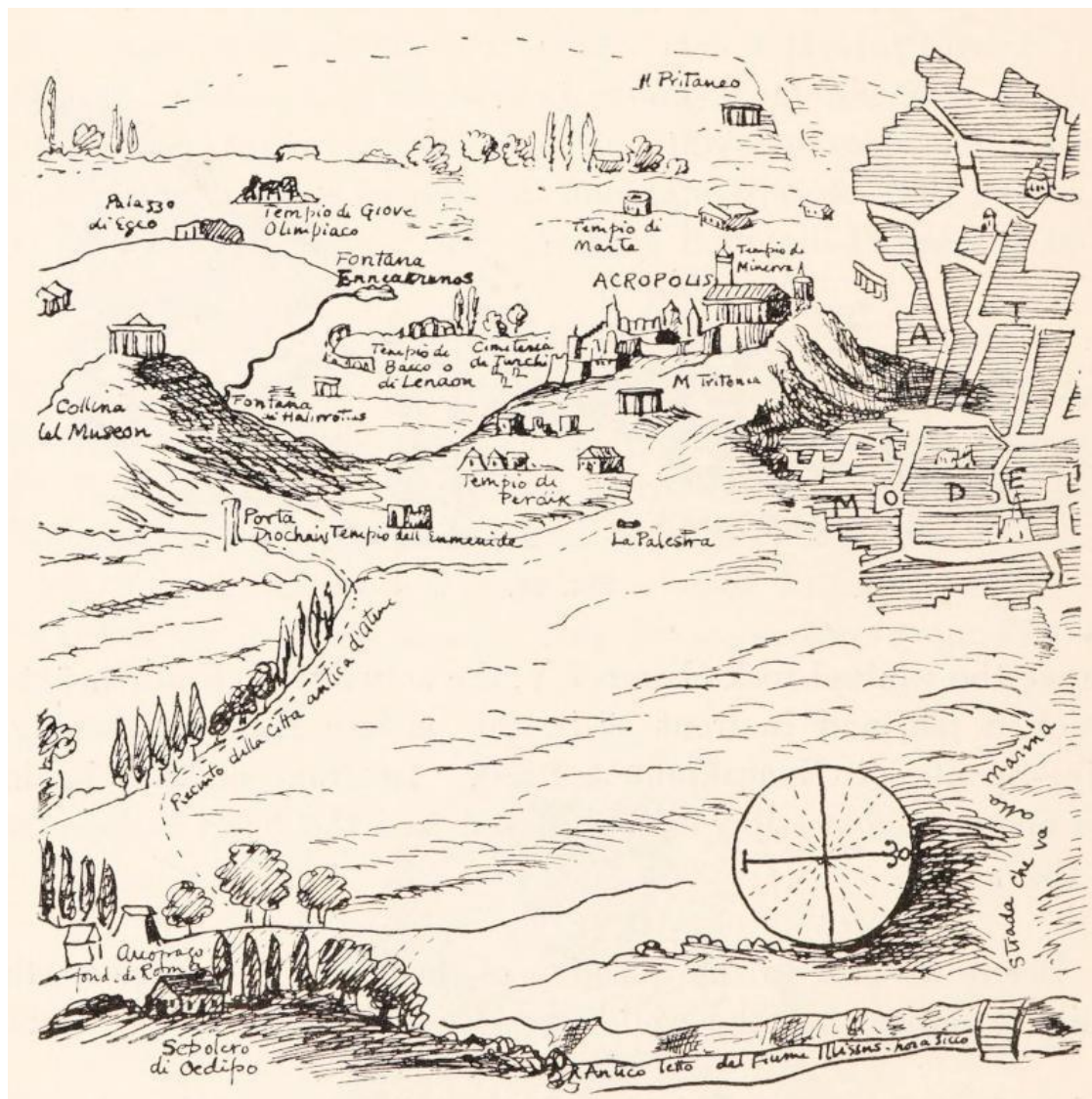

Рис. 44.

Нам пришлось реконструировать "Девять носиков" по аналогии с колодцами на вазовых картинах, по остаткам колодца в Мегаре и по нескольким разбросанным, хотя и значимым камням. Мы также *сделали вывод* о его важности на основании обширной системы водных сооружений, которые были его очевидной целью. Но есть еще одно свидетельство его былого величия. Это место, где сходятся все пути. Неровная площадь перед колодезным домом Девяти носиков, частично занимаемая им, явно была центром городской жизни. Комплекс древних дорог лучше всего виден [на рис. 46](#). По его восточной стороне проходит великий Панафинейский путь, но это еще не все. Сюда сходятся ответвления дорог от Ареопагоса. Самое важное для нас - прямо от ворот Акрополя, огибая Аминейон, спускается узкая пешеходная дорожка. По ней, мы можем быть уверены, спускались дочери царя, чтобы принести воду из Каллирроя.

Следует сказать несколько слов о характере и окрестностях главной древней дороги, которая с топографической точки зрения имеет огромное значение. Где-то на ее пути должна была располагаться древняя Агора. Наше первое впечатление неожиданно - узость, как и на другом Священном пути, в Дельфах. На Панафинейском пути пять человек могут стоять только впритык друг к другу; колесницы, должно быть, шли в один ряд. На самом деле это узкая восточная улица. Она ограничена с обеих сторон стенами хорошей многоугольной кладки и, как видно на карте, окружена домами и участками. Под дорогой проходит сложная

система дренажных труб с шахтами, через которые в них можно попасть для очистки. Конечно, здесь много перекрестков: два слева ведут к Ареопагосу, один - к Пниксу, другой - к Койле. Пешеходная дорожка, ведущая прямо к Акрополю, уже была отмечена.

Одна из наиболее хорошо сохранившихся частей дороги - та, что проходит вдоль западной стороны участка *Диониса на болотах*. Здесь хорошо сохранились многоугольные стены с обеих сторон. Почти напротив винного пресса мы натываемся на здания, которые, судя по надписям, можно датировать шестым и пятым веками до н. э. Они состоят из открытой экседры, четырехугольной по форме и многоугольной по кладке. Внутри этого участка находится небольшое святилище без колонн, перед ним - алтарь из камня *рогос*. И материал, и техника указывают на шестой век до н.э. Кому посвящено святилище, неизвестно. Возможно, Фукидид мог бы рассказать нам об этом. В течение следующего столетия святилище, должно быть, пришло в упадок. С повышением уровня дороги оно должно было, как только его перестали использовать, быстро скрыться. О том, что так оно и было на самом деле, ясно свидетельствует тот факт, что на него было наложено здание четвертого века до нашей эры. Оно простиралось прямо до скалы Пникс. Два межевых камня этого более позднего здания до сих пор сохранились в стене, примыкающей к главной дороге; на каждом из них написано "Граница Леше" (ὄρος λέσχης). Непосредственно к югу от нее находится здание многоугольной известняковой кладки. Две надписи показывают, что это здание было заложено, так что, должно быть, это был частный дом. Дальше нет ничего интересного, пока мы не дойдем до большого открытого места, где стоял фонтан "Девять струй".

Тщательная проработка дороги, продуманный дренаж, плотное прилегание домов и святилищ с обеих сторон не оставляют сомнений в том, что перед нами единственная и, похоже, единственная колесничная дорога от Агоры к Акрополю. Святилища, расположенные вдоль этого регулярного подхода, направлены, по сути, *к этой части города*.

До сих пор мы рассматривали дорогу как подход, но всегда следует помнить, что исторически мы должны действовать в обратном порядке. Город растет *от* центрального холма, а не *в* его *сторону*, и этот рост наружу очевиден. Его можно проследить на карте, представленной [на рис. 46](#). Древняя агора располагалась в ложбине между холмами, на которые непосредственно выходило место собраний на Пниксе; затем, по мере того как она перерастала эти узкие пределы, ее понемногу огибали с запада Ареопаги, и там она поворачивала на восток к холму Колонос Агорайос, на котором стоит "Тезейон"; ниже этого холма находилась Стоа Базилейос, которая в V веке до н.э., несомненно, была частью агоры. Агора не могла распространиться на запад, этому мешал холм; она была вынуждена всегда двигаться на восток, сначала в эллинистические времена до Стоа Атталоса, затем в римские дни до ворот Римской агоры и Башни ветров. Такова его долгая, но простая история. Если мы будем следовать за водотоком Писистрата и его более поздним римским продолжением, то не ошибемся.

Дома, которые покрывали площадь перед Девятью носиками и в которые были встроены фрагменты колодезного дома, относятся к римской эпохе. Уберите их, и перед городским колодцем, как мы уже видели, останется большое четырехугольное пространство, к которому сходятся все пути ([рис. 46](#)). Несомненно, здесь, если где-либо, находится древняя агора, недалеко от городских ворот.

Примечательно, что, посетив Афины за полвека до начала раскопок, английский ученый Кристофер Вордсворт[281] в силу здравого смысла увидел, что здесь, и только здесь, может

находиться древняя агора, и здесь же отметил ее на своей причудливой, рудиментарной карте (рис. 45). Его слова, в отличие от последующих путаниц, запоминаются. Чтобы получить четкое представление о природных характеристиках места, о котором идет речь, давайте рассмотрим его, *прежде всего*, в отрыве от всех искусственных изменений; представим себя во времена Кекропса и посмотрим на место Афин. На широкой равнине, окруженной горами, за исключением юга, где она омывается морем, возвышается плоская, продолговатая скала, лежащая с востока на запад высотой около пятидесяти ярдов, шириной более ста шестидесяти, а длиной около трехсот. Она недоступна со всех сторон, кроме западной, с которой к ней ведет крутой склон. Это будущий Акрополь или цитадель Афин. Мы расположились на этом возвышении и окинули взглядом окрестности. Сразу же на западе находится второй холм неправильной формы, более низкий, чем тот, на котором мы стоим, и расположенный напротив нас. Это Ареопаг. Под ним на юго-западе находится не глубокая и не узкая долина, открытая как на северо-западе, так и на юго-востоке. Здесь находилась Агора, или общественное место Афин. Над ней на юго-западе возвышается еще один холм, сложенный, как и два других, уже упомянутых, из твердого и грубого известняка, местами покрытого скудным покровом травы. На этом холме будут проводиться народные собрания будущих граждан Афин. Он будет называться Пникс. К югу от него находится четвертый холм, похожий на него, известный в последующие века как Музей. Таким образом, перед нашим взором предстает группа из четырех холмов, которые почти замыкают пространство, на котором существовала афинская Агора, как римский Форум располагался между холмами Капитолий и Палатин".

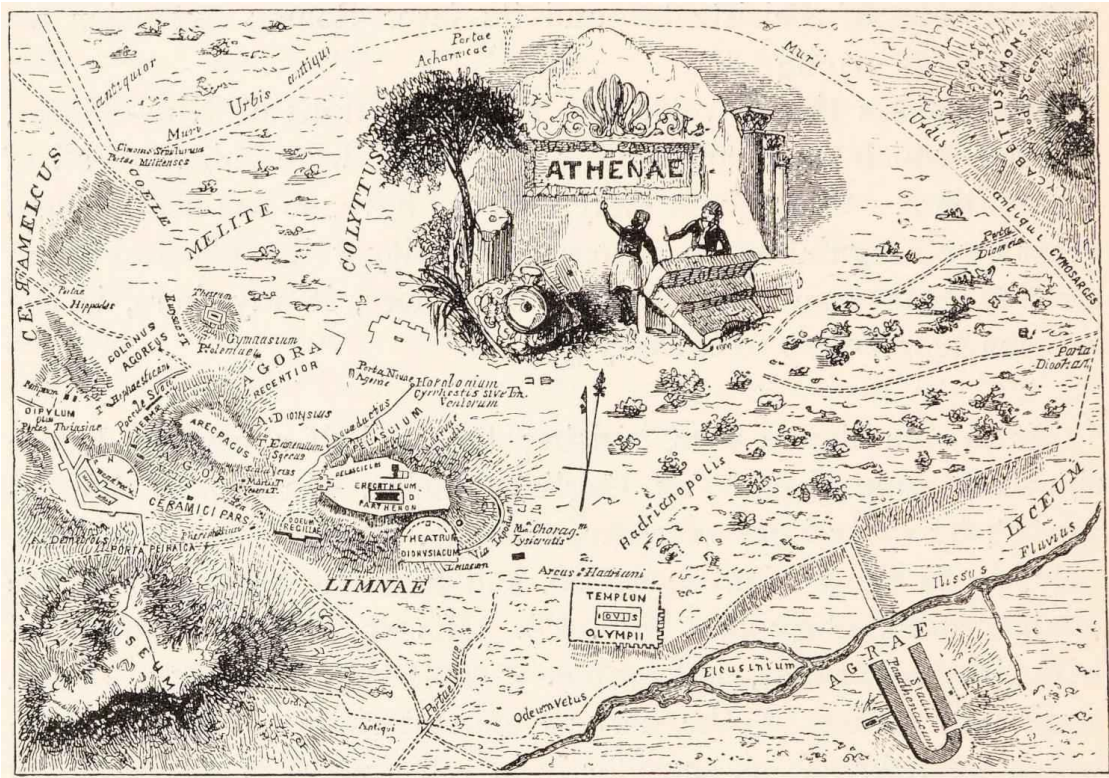

Рис. 45.

Секрет проницательности доктора Вордсворта кроется в словах: "Мы расположились на возвышении и окинули взглядом окрестности". Он стоял на самом холме, понимал, как Фукидид, что это начало всего, отмечал форму холма и единственный возможный подход к нему и видел, что развитие города должно идти в ту сторону, к *той части*, как сказал бы

Фукидид. Полвека спустя профессор Дёрпфельд, пришедший с натренированным взглядом инженера и архитектора, сделал, совершенно независимо от доктора Вордсворта, то же самое наблюдение. Долина, окруженная Акрополем, Ареопагом, Пниксом и Мысионом, была тогда совершенно без видимых останков; другие археологи размещали свои агоры там, где были видны древние останки, к северу или к югу от Акрополя; проф. Дёрпфельд, вопреки ортодоксальной традиции, поместил ее на западе, и там его раскопки, как мы видели, высветили святилище Диониса-на-болотах, "Девять струй", Панафинейский путь и множество святилищ, домов, винных прессов, колодцев и водотоков, охватывавших древнюю агору.

Позже нам предстоит выяснить, что именно сбилось с пути других ученых и археологов, а пока мы должны вернуться к Фукидиду. Он ни разу не упоминает агору, его мысли ни на минуту не отрываются от города перед Тесеем. Он показал его скудные размеры и непосредственную близость древнейших святилищ, а чтобы закрепить свой аргумент, возвращается к самой цитадели и ее древнему названию; он возобновляет весь аргумент (см. с. 8) в его последнем и наиболее ярком положении.

Из-за древнего поселения здесь цитадель также (как и нынешний город) и по сей день называется городом.

Фукидид строго прав как в отношении официального, так и литературного употребления. Изучение официальных надписей показывает, что вплоть до Анталкидова мира (387-6 гг. до н. э.) Акрополь официально назывался *полисом*[282]. Новая форма "в Акрополе" впервые появляется в год заключения мира[283] и с тех пор регулярно употребляется. В литературе, как в прозе, так и в стихах, *polis* по-прежнему единообразно используется после местного предлога, например, towards the *polis*, in the *polis*; но когда нет местного предлога, используется слово *acropolis*. Так, в "Рыцарях" Аристофана[284], когда Продавец колбас видит саму богиню, идущую из *полиса* с сидящей на ней совой, и нет ни тени сомнения, что Афина идет из Акрополя; но Лисистрата[285] говорит: "Сегодня мы захватим Акрополь", где нет местного предлога, хотя смысл был бы ясен с *полисом*. Как отмечает доктор Уайз[286], слово *polis* легко могло продолжать использоваться для обозначения Акрополя, потому что у афинян было другое слово (ἄστυ), которое они использовали в таких фразах, как "в городе", "в город".

Мы узнали от Фукидида все, что он мог нам рассказать, и в свете последних раскопок кажется, что он говорил достаточно ясно. Границы его древнего города были подтверждены открытием старых пеласгийских укреплений. Мы своими глазами видели два древних святилища, которые находились *по направлению* к его городу, - Питион и святилище Диониса-в-Марсе; а из литературных свидетельств сделали вывод о двух других - Олимпионе и святилище Ге. Мы отметили, что в том порядке, в котором Фукидид называет их, они встречаются последовательно с востока на запад; и, что самое убедительное, рядом с последним из названных святилищ мы нашли Девять носиков, и не только Девять носиков, но и старый Фонтан, который был до него. Таким образом, все кажется ясным и простым; Фукидид, Павсаний и современные раскопки рассказывают одну и ту же гармоничную историю.

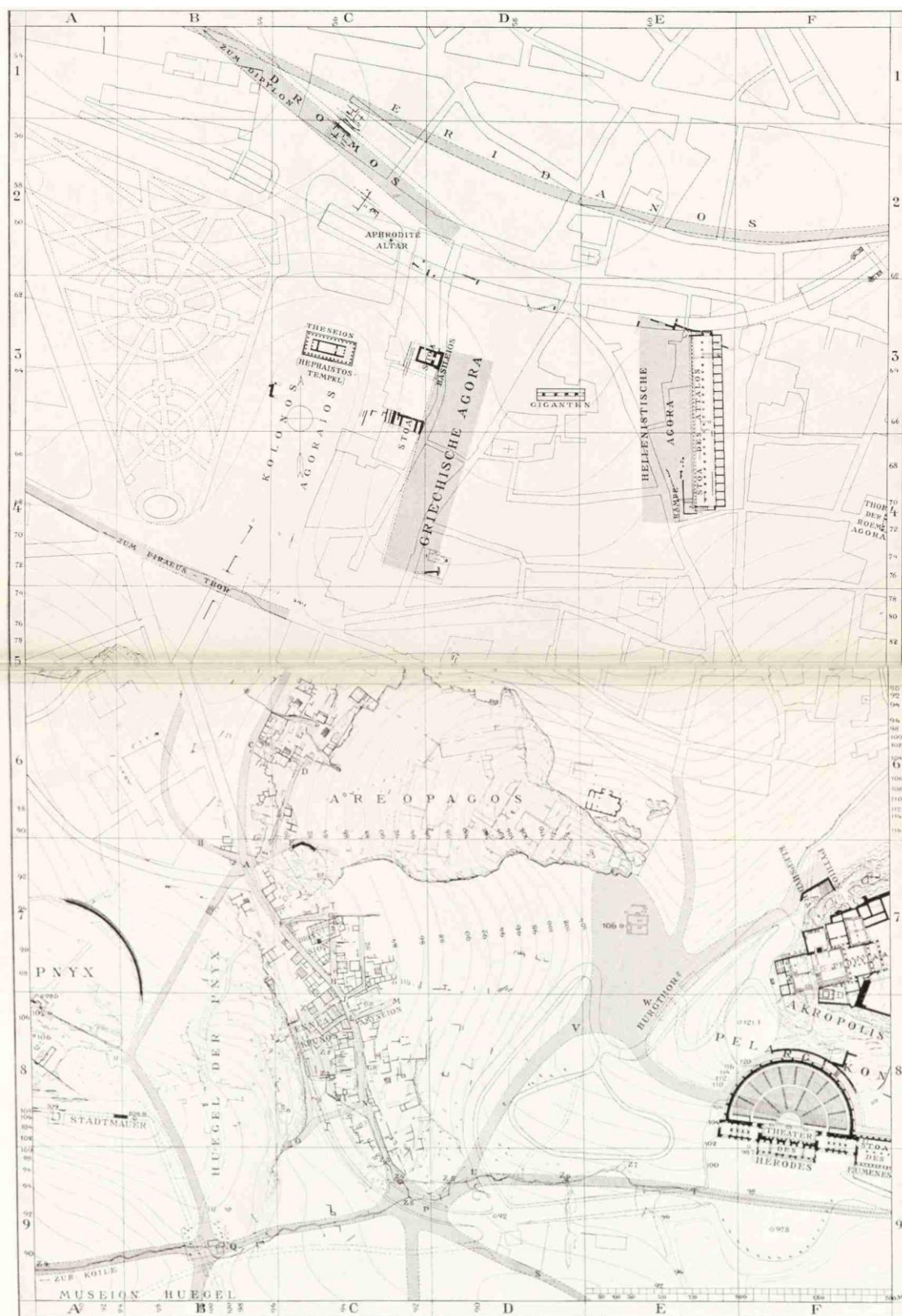

Рис. 46.

Из *Antike Denkmäler* II. 37.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Изложив теперь то, что мы считаем истиной в отношении древнего афинского города, его природы и границ, а также положения его ранних святилищ, мы должны, в соответствии с планом, предложенным в самом начале (стр. 4), рассмотреть другие и, как нам кажется, ошибочные мнения. Эти взгляды широко распространены в руководствах и путеводителях и поддерживаются именами[287], вызывающими уважение. Исследование генезиса столь распространенных и глубоко укоренившихся заблуждений не может быть бесполезным.

Источники заблуждений представляются нам четырьмя, а именно:

1. *Ложь современного города.*
2. *Непонимание текста Фукидида.*
3. *Дублирование некоторых святилищ и, тесно связанное с этим,*
4. *Путаница в отношении Каллирроэ и Эннеакруноса.*

1. *Ложа современного города.*

Если взглянуть на карту современных Афин, то можно увидеть, что центр тяжести лежит не на западе, а на севере от Акрополя - там находится современный рынок с его толпой узких улочек, а весь современный город с его магазинами, гостиницами, вокзалами раскинулся в этом направлении. Более того, очевидно, что деловая часть римских Афин также лежала на севере. На севере находятся ворота римской агоры[288], а также такие здания, как Башня ветров и Библиотека Адриана (рис. 49). Более того, здесь же находилась и агора эллинистических времен (рис. 46), которая почти наверняка была ограничена с восточной стороны Стоа Атталоса, от которой до сих пор сохранились значительные остатки [289]. Совсем недавно были обнаружены фундаменты двух других колоннад[290], расположенных чуть ниже и к востоку от холма, на котором стоит так называемый "Тесион". Эти две колоннады стоят прямо у входа в греческую агору; северная, вероятно, является либо Базилейоном, либо Стоа Базилейос, первым зданием, описанным Павсанием при въезде в Керамейкос. Две последние колоннады не сыграли никакой роли в попытках реконструкции агоры по той простой причине, что они находились под землей; но Стоа Атталоса, Стоа Гигантов и Ворота римской агоры регулярно рассматривались как *данные*, с которыми должен был начать любой теоретик; их нужно было как-то вписать.

Рис. 47.

Следующий вопрос заключался в том, где находилась дорога, которая вела от агоры к Акрополю, - Панафинейский путь? Учитывая, что агора находилась к северу и северо-востоку от Ареопага, а также то, что вы работали дома в своем кабинете, имея перед собой плоский план, ответ казался очевидным: дорога должна была проходить прямо от агоры вокруг восточного конца Ареопага, а значит, прямо до входа в Пропилеи. В результате получилась реконструкция агоры и дороги, как на [рис. 47](#), выполненная профессором Курцием. Западный склон Акрополя игнорируется настолько, что его просто отрезают как не имеющий отношения к делу.

Профессор Дёрпфельд первым указал на то, что в восточной части Ареопага, хотя к Акрополю и ведет пешеходная дорожка, сейчас нет и никогда не было автомобильной дороги, и, если не изменить все природные особенности этого места, ее никогда не будет. Холм в этом месте хоть и невысок, но очень крут. То, что на бумаге кажется простым и очевидным, на деле оказывается невозможным. Еще задолго до начала раскопок профессор Дёрпфельд, обладая натренированным глазом инженера-практика, увидел, что древняя повозка должна была идти по современной дороге, то есть огибать западный конец Ареопага между этим холмом и Пниксом. От этой точки путем последовательных витков, тогда и

сейчас, она могла подняться на холм. Старая дорога, которую мы видели, теперь найдена; она лежит местами фактически под новой и следует тем же курсом, столь же естественным в 500 году до н. э., как и в 1900 году н. э.

Одна школа топографов, возглавляемая великим Курцием, поместила агору на северной стороне Акрополя. Мы видели, что, хотя это и неверно для начала, но верно для конца. Другая школа, хотя и знала, что римский рынок находится на севере, все же имела сомнения относительно более ранней агоры. Эту раннюю агору они поместили к югу от Акрополя, полностью отделив ее от римской. Разделение было как в идее, так и на месте. Предполагалось, что ранняя агора будет неким непонятным образом религиозным, а более поздняя - политическим и торговым центром. Такое расположение показано в плане на [рис. 48\[291\]](#). Оно чисто теоретическое и невозможное. Панафинейский путь проходит к северу от Ареопага вверх по невыполнимому холму, а древняя агора лежит как некий необитаемый остров сама по себе, вдали от Дома Совета, Толоса, Стоа Базилейос и прочего. Западный склон остался пустым. Когда и как произошел этот загадочный скачок от старого к новому, от юга к северу, никто не объяснил. Это подводит нас ко второму источнику ошибок.

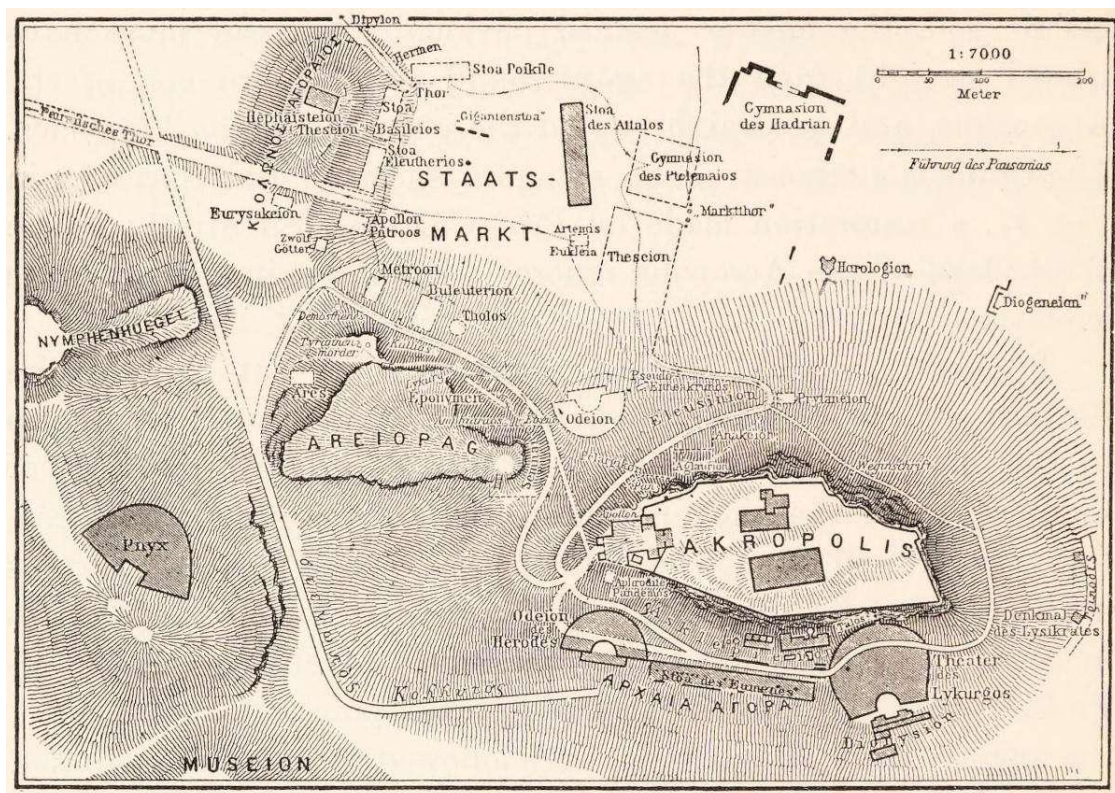

Рис. 48.

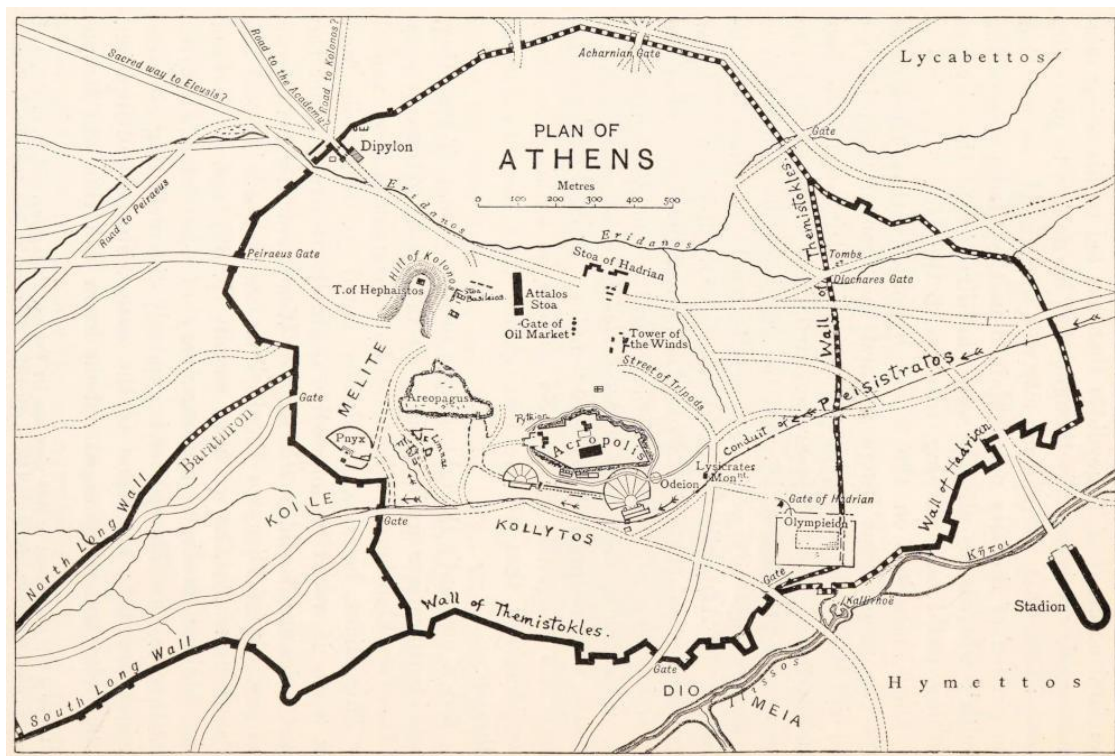
2. Неправильное понимание текста Фукидида.

Что заставило топографов провести это необычное и бессмысленное разделение на старое и новое? Почему они поместили старую агору к югу от Акрополя? Просто потому, что, неправильно понимая слова Фукидида, они думают, что он поместил ее на юг. Фукидид говорит, как мы помним ([стр. 7](#)), что во времена до Тесея "то, что сейчас является цитаделью, было городом, вместе с тем, что находится под ним по направлению к югу". Мы видели, что простое и удовлетворительное объяснение этих слов заключается в том, что речь идет о участке земли, известном как Пеларгикон, простирающемся в основном к западу и юго-западу от Акрополя и включенном в состав древнего города. Мы также увидели - и это чрезвычайно важно, - что единственная суть и аргументации Фукидида заключается в том,

чтобы показать малость древнего города, доказать, что он практически не отличался от цитадели, только имел этот участок "примерно к югу". Именно фатальная точность Фукидида привела к тому, что его неправильно поняли. На самом деле считается, что он хочет доказать два момента: во-первых, что древний город был цитаделью; во-вторых, что часть города, не входившая в цитадель, находилась на юге[292]; тогда как, как уже видно, *направление* города не имеет и не могло иметь никакого отношения к делу.

Если принять неверную гипотезу о том, что Фукидид выдвигает перед нами два предположения, и одно из них гласит, что город лежал на юге, то путь вниз становится легким. Предполагается, что четыре святилища Фукидида выбраны для доказательства второй гипотезы, то есть того, что город находится на юге. Четыре святилища лежат наготове, слишком наготове, под рукой. К юго-востоку от Акрополя (рис. 49) находится великий Олимпион; из [Павсания](#) известно, что рядом с ним находился великий Питион; внутри Олимпиона был участок Ге; и, наконец, самое убедительное из всех, на юго-восточном склоне Акрополя находится великий Дионисийский театр с его участком и двумя храмами. Воистину, немного археологии - опасная вещь. Эти идентификации настолько очевидны, настолько поразительны, что на первый взгляд они кажутся обязательными.

Но минутное размышление заставляет нас увидеть, что при всей своей заманчивости эти отождествления невозможны. Судя *по расположению*, святилище Диониса Элевтерия вполне могло быть одним из тех, которые назвал Фукидид, поскольку, как уже отмечалось ([с. 67](#)), хотя из его слов невозможно определенно сказать, находятся ли святилища на севере, юге, востоке или западе, театр и участок Диониса Элевтерия, несомненно, *находятся* "в направлении" (πρὸς) древнего города. Но, как мы уже видели ([с. 83](#)), именно от этого знакомого участка, святилища более позднего Диониса Элевтерия, Фукидид явно отличает свой более древний участок; то же самое относится и к Олимпиону. Фукидид и все в Афинах знали, что этот огромный храм был начат во времена Пейсистрата; неужели его выбрали в качестве святилища, чтобы показать границы (или даже направление) города Кекропса?

Что касается Пифиона, то особое внимание уделяется тому факту, что именно он, а не святилище на Длинных скалах, назван Павсанием Пифионом; но объяснение этому простое и очевидное: Павсаний отличает его от другого святилища Аполлона, расположенного неподалеку, Дельфиниона[294].

Столь поздние святилища не могут быть справедливо использованы для доказательства даже *направления* города Кекропса; но, как уже было показано, Фукидида интересует не направление, а *размер*. Приводить такие святилища, как Олимпион и Питион, которые находились за пределами даже города Фемистокла, в качестве доказательства малости древнего "микенского" города, пеласгической крепости, - абсурд настолько очевидный, что его можно опровергнуть. Мы оказываемся лицом к лицу с третьим источником ошибок.

3. Дублирование некоторых святилищ.

Неправильному толкованию Фукидида способствовал и даже в значительной степени был вызван любопытнейший исторический факт, рассчитанный до тех пор, пока он не был правильно понят, чтобы ввести кого-либо в заблуждение. *Некоторые из наиболее примечательных афинских святилищ дублировались в двух разных районах.* К северу и западу от Акрополя, как мы уже подробно видели, находились святилища Зевса Олимпийского, Аполлона Пифийского, Ге и Диониса, а рядом с ними был источник Каллирроя, и именно о них, если наша точка зрения верна, упоминает Фукидид. Но не менее очевидным для всех, кто читал Павсания и посещал современные Афины, является тот факт, что к юго-востоку от Акрополя находятся святилища тех же божеств, Зевса Олимпийского, Аполлона Пифийского, Ге и Диониса, и что рядом с ними также находится источник, называемый по сей день Каллирроем. Как это произошло? Что он обозначает? Ответ на этот вопрос прост и убедителен. Дублирование святилищ связано с перемещением населения с северо-запада на юго-восток, из района Пникса в район Илисса. Этот сдвиг населения - исторически засвидетельствованный факт.

Плутарх[295] в своем трактате "Об изгнании" пытается убедить нас в том, что изгнание само по себе не является тяжким испытанием. Он спрашивает: "Следует ли считать чужаками и преступниками тех афинян, которые переселились из Мелита в Диомею, откуда они называли месяц Метагейтний, а жертвоприношение, которое они приносили, получило название *Метагейтния* от этого переселения, поскольку они с радостью и весельем приняли соседство с новыми людьми? Конечно, это не так". Аргументация Плутарха невелика, но мы благодарны ему за то, что он зафиксировал факт перемещения населения, когда и почему, увы! мы точно не знаем, из Мелита на северо-западе в Диомею на юго-востоке (рис. 49). Разве, переселяясь, люди не брали с собой свои старые названия, свои старые местные легенды, свои каллирроэ? У нас есть любопытные случайные свидетельства того, что это так.

Давайте посмотрим на положение двух владений. Положение Мелита никогда не вызывало сомнений, хотя его точные границы четко не определены. Мелитом назывался район холмов к западу и северо-западу от Акрополя. На западе он простирался до баратрона, возле которого Фемистокл имел свой дом. Там, рассказывает Плутарх[296], в *Мелите*, он построил святилище Артемиды Аристокла, которое так возмущало афинян. Мелит, как мы знаем, находился недалеко от агоры и на возвышенности. В начале "*Парменида*"[297] Кефалос встречает Адейманта на агоре. Они хотят увидеть Антифона, и Адеймант говорит, что это будет довольно легко, так как Антифон только что ушел домой и "живет неподалеку в

Мелите". Демосфен[298] в речи против Конона говорит, что он гулял по агоре возле Леокориона, когда встретил Ктесия, а Ктесий "прошел в Мелит вверх по холму".

Наконец, что для нас важнее всего, Мелит, несомненно, включал в себя холм Пникс. Когда Метон появляется в "*Птицах*"[299] и его спрашивают, кто он и откуда, он отвечает

"Метон - это я, Греция знает меня и Колонос".

Схолиаста интересует, правильно ли утверждать, что Метон был родом из Колоноса, и в связи с этим, где был воздвигнут некий астрономический памятник Метону. Согласно одному из авторитетов, в его память в Пниксе были установлены солнечные часы. Затем схолиаст добавляет: "Не является ли, как говорят некоторые, *весь район, в который входит Пникс, Колоносом, называемым $\mu\acute{\iota}\sigma\theta\iota\omicron\varsigma$* ? Так принято называть Колоносом часть за Длинной Стоа, хотя это не так. *Ибо вся эта часть - Мелит*, и она так описана в границах города". Схолиаст, конечно, в первую очередь интересуется названием холма, возвышающегося над поздней агорой, на котором стоит так называемый Тесейон (рис. 46), но между прочим он говорит, что в дем Мелит, включавший этот холм, входил и Пникс. Оба момента, как мы увидим позже, важны для нас.

Итак, Мелит находится к северо-западу и западу от Акрополя. Где же находится Диомея? Ее размеры снова точно не известны, но, к счастью, ее *направление* определено (рис. 49)[300].

В деде Диомеи находились гимнасий и святилище Геракла, оба известные как *Киносирхес*, и из Геродота[301] мы знаем, в каком направлении лежал этот Киносирхес. После Марафона персидский флот обогнул Суниум, чтобы высадиться в Фалеруме, тогдашнем порту Афин. Фалерум, разумеется, лежит почти на юге от Афин. Афиняне спешат вернуться из Марафона со всей скоростью, чтобы защитить город. Они оставляют Гераклеийон в Марафоне, где они разбили лагерь, и "занимают свой пост в другом Гераклеийоне, в Киносарге" - Киносарг, а вместе с ним и Диомея, должны, следовательно, лежать на прямой дороге между Фалерумом и Афинами или командовать ею. Павсаний[302] посетил Киносирхес и упомянул историю о "белой собаке" сразу после низменного района "Садов" на Илиссе, прежде чем посетить стадион.

Ираклион в Киносирхе показал нам направление, в котором находилась Диомея. Диомея, как мы видели, была колонизирована из Мелита. Естественно, возникает вопрос: был ли Ираклион одним из дублирующих святилищ? Другими словами, существовало ли в Мелите поклонение Гераклу?

В "*Лягушках*" - пьесе, которая, как известно, исполнялась на Лене, празднике, первоначально (стр. 88) проводившемся в Лимнах, чуть ниже холмистого района Мелита, - Ксанфий наряжается Гераклом; надевая львиную шкуру, он говорит Дионису,

"Теперь смотри, не потеряет ли Ксанфий-Геракл сознание",

или проявит такое же присутствие духа, как и ты";

И Дионис отвечает

"Настоящий старый тюремщик, он из Мелита".

Внимательный схолиаст[303] отмечает, что не принято было говорить о боге как о "выходце" из какого-то места. Мелитский Геракл обычно описывался как Геракл "в" или "в Мелите";

говорить "Геракл из Мелиты" - значит обращаться с Гераклом как с простым смертным. Но не является ли "из", возможно, дополнительной шуткой? Разве багаж, осел и "из" - не для того, чтобы спародировать реальное "бегство" Геракла из Мелиты в Диомею? Это бегство совершилось уже во времена Аристофана, ибо позже в пьесе[304], когда Эак избивает Ксанфия-Геракла и Ксанфий произносит произвольное "ух-х-х", Эак спрашивает, не больно ли ему, и Ксанфий, оправившись, отвечает,

"Нет, я просто задумался,

когда наступит мой Диомеевский пир".

Такое же любопытное дублирование святилищ встречается нам в рассказах о посвящении Геракла. Схолиаст о *лягушках*[305] говорит: "Геракл был посвящен в Малые мистерии в Мелите, демоне Аттики", но по общему мнению[306] эти Малые мистерии происходили в Агре на Илоссосе, и именно там, по словам Стефана[307] Византийского, Геракл получил посвящение. В Мелите на холме Пникс или рядом с ним Павсаний[308] видел за источником "храмы, один из которых был построен для Деметры и Коре, а другой содержал изображение Триптолемоса". Неужели эмигранты из Мелита перенесли свой культ на мистические берега Илоссоса[309], в Агры, "где, по словам Евстафия[310], "празднуются Малые мистерии Деметры, которые они называют "мистериями в Аграх""?

Итак, традиция относительно посвящения Геракла была двойкой: он был посвящен в Мелите, он был посвящен на берегу Илоссоса в Аграх в Диомее. Мы, естественно, спрашиваем: "Почему он вообще был посвящен и почему его посвящение привлекло столько внимания? Если он был богом, это было лишним, если благочестивым смертным - обычным делом. Ответ на этот вопрос может дать ключ к разгадке причины перемещения населения из Мелита в Диомею.

Ираклий был иницирован, потому что он был чужаком-иммигрантом. Мы видели (стр. 27 и 65), что в VI веке до н. э. он был дома на самом Акрополе; он появляется на архаичных фронтонах, соревнуясь с Тритоном и гидрой, а на вазовых картинах его популярность опережает популярность его соперника Тесея. Тем не менее, он - чужестранец, и его формальный прием в качестве гостя был в разных местах Аттики делом старой мировой традиции. В "*Лисисе*" Ктесипп жалуется, что любители мальчиков заставляют его устало хвастаться, что одному из его предков принадлежала честь "приема Геракла"[311]. Лисий принадлежал к Айксону, дему близ Фалерума; и, по всей вероятности, Геракл прибыл в Афины через море. Ораторы, особенно религиозные, менее презрительны. Инициация Геракла была весомым аргументом в устах космополитичного миролюбивого политика. Факелоносец Каллиас[312] в своей речи к лакедемонским союзникам настаивает на знакомом прецеденте. "Было правильно, - говорит он, - чтобы мы не брали в руки оружие друг против друга, поскольку, по преданию, ваш вождь Геракл и ваши граждане, Диоскуры, были первыми чужеземцами, которым наш предок Триптолем показал несказанные обряды Деметры и Кора". Плутарх[313] в своей "*Жизни Тесея*" рассказывает, как Тындалиды подкрепляли свои притязания на посвящение, ссылаясь на аналогичный случай с Гераклом. Чтобы получить посвящение, Геракл, как чужеземец, должен был быть усыновлен гражданином по имени Пилиос; Тындалиды, чьи подвиги, как предполагается, происходили в Офидне, были усыновлены Офидном. Сцена посвящения Геракла и Диоскуров встречается не на одной поздней краснофигурной вазе[314].

Акцент на посвящении Геракла и традиция, согласно которой он был допущен к Малым мистериям, указывают на то, что он был чужаком. Можно пойти еще дальше. Геракл не просто не был истинным афинским гражданином, он был настоящим иностранцем,

восточным человеком. Поэтому для нас не будет сюрпризом узнать от лучшего из авторитетов по афинскому ритуалу, Аполлодора[315], что "жертвоприношение Гераклу Алексикакосу в Афинах совершалось особым и своеобразным образом". Здесь было бы неуместно приступать к детальному рассмотрению восточных элементов в поклонении Гераклу в целом, но что касается его поклонения в Афинах, и особенно в Мелите[316], следует отметить некоторые моменты.

Мелита, с чем согласны все авторитеты, - это *Мальта*[317], место убежища. Диодор[318] дает нам полное описание первоначальной Мелиты-Мальты и подчеркивает, если это необходимо, ее гавань и вообще ее удобство для мореплавания, ее богатство искусствами, ремеслами и производствами. Этот остров - колония феникийцев, он лежал посреди океана и имел хорошую гавань, поэтому, когда они распространили свою торговлю на западный океан, он служил им убежищем". О другом острове-убежище под названием Мелит Страбон[319] говорит нам: "Корибанты удалились в Самофракию, которая раньше называлась Мелит". Эта Самофракия, согласно Диодору[320], в древности называлась *Саоннес*, остров безопасности, что, конечно, является лишь переводом ее семитского названия. На этом *Саоннесосе-мелите* жители вплоть до Диодора в *своих жертвенных церемониях* по-прежнему использовали много слов из свойственного им диалекта, и, согласно традиции, остров получил свое название в связи с историей - всегда семитской - о Потопе. По всему острову жители установили пограничные камни "спасения".

В свете слова "*Мелита*", "убежище", мы начинаем понимать, почему Геракл почитался там под особым культовым титулом *Алексикакос*, "Хранитель от зла[321]". Он - Алексикакос, не просто как герой "Трудов", но по божественному праву; *как бог*, даже если иммигрант. Диодор[322] пишет, что, хотя фиванцы и другие почитали Геракла как героя, "афиняне первыми стали приносить ему жертвы как богу"; их благочестивый пример повлиял, по его словам, сначала на остальную Грецию, а затем и на весь обитаемый мир. Страбон[323] попадает в точку, когда говорит, что "как и в других вопросах, афиняне были гостеприимны в том, что касалось богов".

Геракл в Мелите, по всей вероятности, был тогда чужаком; что касается Геракла в Диомее, то здесь нет ни тени сомнения. Плутарх[324] начинает свою жизнь Фемистокла с истории, которая поразительным образом показывает границы гостеприимства, оказанного Гераклу как типичному чужеземцу. Происхождение Фемистокла было слишком туманным, чтобы его можно было отличить. По отцовской линии он был афинянином, а по материнской - фракийцем, но Фаний утверждал, что она была карийкой, а Неанф - что она принадлежала к Галикарнасу. Так или иначе, он был из тех, кого афиняне считали рожденными от основания (*vóθος*). Рожденные в основании юноши записывались в "Киносаргес", гимнасий Геракла, за городскими воротами, ибо Геракл тоже не был истинно рожденным богом, а был привнесен усыновлением, так как его мать была смертной. Соответственно, Фемистокл уговорил некоторых истинно рожденных юношей отправиться в Киносирхес и упражняться там вместе с ним". Киносаргес, прибежище рожденных за воротами; лучшего доказательства того, что его покровитель, Геракл, был иностранцем, не найти[325].

У Фемистокла есть еще одно свидетельство, и оно любопытного характера. Фемистокл, как мы помним (стр. 144), имел дом в Мелите, недалеко от Баратрона. Рядом со своим домом он основал святилище Артемиды, "которой он дал титул Аристобул[326]". Это был один из многих способов, которыми он раздражал афинян. Причиной раздражения, по мнению Плутарха, было то, что он дал этот титул в память о своем добром совете перед битвой при Саламине. Но была ли это истинная причина? Конечно, посвящение воздавало всю славу богине, а не ему самому? Любопытно и, как мне кажется, знаменательно, что мы знаем еще

одну Аристобулу, и это явно семитская богиня. Порфирий, перечисляя случаи человеческих жертвоприношений, говорит[327], что на Родосе в 6-й день месяца *Метагейтнийон* Кроносу приносили в жертву мужчину. Обычай, существовавший долгое время, был изменен. Осужденного преступника держали в живых до праздника Кроноса, а во время праздника выводили за городские ворота напротив образа Аристобулы, давали ему выпить вина и убивали. Если Фемистокл пытался "хитростью", как говорит Плутарх[328], возвести низшее божество в ранг истинно рожденного, Аристобулу в ранг Артемиды, неудивительно, что афиняне были раздосадованы. Возможно, мать Кариана имела значение в этой попытке.

Праздник Аристобулы на Родосе, мрачная семитская Крония, выпал - и этот факт, несомненно, знаменателен - на месяц Метагейтнийон. Определенные Гераклеи, возможно, хотя и не вполне определены[329], Гераклеи в Киносирхе, выпадали на тот же месяц; и, конечно, собственно церемония Метагейтнии, о которой упоминает Плутарх. К этой Метагейтнии мы сейчас и вернемся. Мы видели, что население Мелита, поклонявшееся Гераклу[330], вероятно, было иностранцами, и что в одно время произошло перемещение этих поклонников Геракла из Мелита в Диомею. Не может ли быть, что эти два факта связаны между собой? Плутарх оставляет нас в неведении относительно времени и причины *метастазирования*, но следует заметить, что перемещение произошло из Мелита, района за пределами старого города, в Диомею, район, по крайней мере частично, за пределами нового. Может быть, когда новая стена Фемистокла была завершена, в ней было слишком много иностранцев? Если сдвиг произошел вскоре после возведения новых укреплений, то это событие еще помнят во время представления (406 г. до н. э.) *лягушек*.

В какое бы время ни произошел *метастаз*, многое ясно. Это было не случайное переселение нескольких разрозненных семей, а значительное перемещение населения, и оно адекватно объясняет любопытное дублирование святилищ. Иноземный характер одного из элементов этого населения и культа, который они несли с собой, был подчеркнут, потому что он дает, по крайней мере, возможное объяснение смены, но ни на секунду не следует думать, что все святилища и святыни обязательно были иноземными. Мы можем завершить эту часть доказательств, отметив один случай мифологического дублирования, особенно убедительный потому, что он совершенно случайный и незапланированный, - легенду о Борее и Орейтии.

Павсаний[331] говорит нам, что "Илисс - это река, на которой, как говорят, играла Орейтия, когда ее унес северный ветер Борей". Мы немного удивлены: что делала царская дочь, играя на берегу Илисса вдаль от цитадели своего отца, и не был ли Илисс скорее укрытием для северного ветра? Платон[332] в "*Федре*", когда Сократ и Федр лежат под "высочайшим платаном" на берегу Илисса, заставляет Федра сказать: "Я хотел бы знать, не находится ли где-то здесь место, куда, как говорят, Борей унес Орейтию"; Сократ говорит, что это недалеко, примерно в четверти мили, и что там есть что-то вроде алтаря, и добавляет: "Однако в этом месте есть разночтения; согласно другой версии истории, она была взята с Ареопагоса, а не из этого места."

Мы переходим к четвертому источнику ошибок.

4. Путаница в отношении Каллирроэ и Эннеакруноса.

Непонимание в отношении дублирующих святилищ было объяснимо и даже естественно, но путь вниз, однажды начатый, ведет на большую глубину. Те, кто верит, что Фукидид стремится доказать, что древний город лежал на юге, должны найти для "Прекрасного источника" и "Девяти струй" Фукидида другое место, кроме скалы Пникса; они помещают

древний городской колодец, из которого черпали воду царские дочери, за пределами не только стен Фемистокла, но даже более поздней и широкой огады Адриана; они помещают его на Илиссе, на расстоянии более полумили от ворот цитадели. Если царские дочери действительно отважились туда выйти, мы не должны, учитывая обычаи того времени, слишком строго обвинять в нападении грубых пеласгов. И уж точно, если кто-нибудь попробует в жаркий летний день перенести ведро воды из Каллирроя на Илиссе на вершину Акрополя, он представит себе этих царских дочерей как отлитых из более чем смертной формы.

В те дни, когда Каллирроя Фукидида могла быть помещена на Илисс, представление об Афинах, сформированное учеными, было представлением об Афинах времен Перикла. Говорить о древних Афинах как о "микенском" городе тогда было бы бессмысленно, если не сказать оскорбительно. Как только мы осознаем условия пеласгийского города, где царь и его ближайшие родственники были сосредоточены на цитадели и вплотную к ней, мы поймем, что цитадель-колодец *должна* быть совсем рядом, а фонтан Пникса уже далеко.

Что касается фонтана Каллирроэ на Илиссе, то здесь была и остается большая путаница. Каллиррхоэ на Илиссе, безусловно, есть; афинские женщины стирают там свою одежду и по сей день[333], и существование этого Каллиррхоэ профессор Дёрпфельд никогда не отрицал. Более того, он прямо указывает, что даже во времена Фукидида Каллирроэ в Пниксе уже утратил свое название, и его необходимо напомнить читателям. Если, как мы видели, многие святилища переносились, а имена дублировались, то нет ничего (1) невозможного или (2) вредного для нашей теории, если новая Каллирроя иногда, подобно своему старому архетипу, называлась Эннеакрунос. Хотя на самом деле это, похоже, было не так.

Два древних авторитета, и только два, на первый взгляд, определенно помещают Эннеакрунос на Илиссе. Их следует рассмотреть подробнее. Во-первых, в *Etymologicum Magnum*[334] под заголовком *Enneakrounos* говорится: "фонтан в Афинах у Илиссы, который раньше был Каллирроем, к которому ходят за водой для купания невест". Несомненно, тот, кто это написал, думал, что Эннеакрунос находится на Илиссе. Но к тому времени, когда был составлен "*Etymologicum Magnum*", старый Каллиррхоэ в Пниксе был давно забыт. Это утверждение выглядит так, как будто оно было взято из Фукидида[335], и как будто топографическое "на Илиссе" было добавлено каким-то амбициозным, но невежественным составителем.

Против этого утверждения *Etymologicum Magnum*, если оно того стоит, можно привести высказывание другого лексикографа[336]. Объясняя выражение "Свадебные бани", он говорит: "Бани, принесенные из фонтана с агоры". Самый дикий топограф никогда не поместил бы агору у Илиссы, хотя она могла бы попасть туда с не меньшим основанием, чем древний городской колодец.

Второй древний литературный авторитет, на первый взгляд, неоспоримо помещает Эннеакрунос рядом с храмом Зевса Олимпийского, а если там, то, как необходимое следствие, на Илиссе. В предисловии к трактату Иерокла[337] о ветеринарии встречается, говоря о возрасте, до которого доживают лошади и мулы, следующее утверждение: "Тарантинос рассказывает, что афиняне, когда строили храм Зевса возле Эннеакруноса, издали указ, что все носильные животные должны быть загнаны из Аттики в город". Это кажется совершенно определенным и косвенным, и за этот отрывок охотно ухватились все, кто хотел доказать, что Эннеакрунос находился на Илиссе. Вполне естественно, но

подождите немного. Необходимо дочитать этот отрывок до конца. Тарантинос продолжает: "И некий крестьянин, опасаясь этого указа, пригнал старого мула на восьмидесятом году жизни. Но народ из уважения к его возрасту постановил, что этот мул должен быть вожакom всех тягловых животных, используемых при строительстве храма, что он должен идти впереди без поводьев и без шпор, и что никто из торговцев пшеницей или ячменем не должен отгонять его от своих домов или препятствовать ему в просмотре".

История о старом муле очаровательна; мы вряд ли можем слышать ее слишком часто, но она странно знакома; не слышали ли мы ее раньше в несколько иной форме? Да, конечно, это та история, которую рассказывает Плутарх[338], повествуя о доброте Катона к своим животным. Хороший человек будет заботиться о своих лошадях и собаках не только пока они молоды, но и когда они состарятся и отслужат свой срок. Так, жители Афин, *строая Гекатомпедон*, отпустили на волю тех мулов, которые, по их мнению, работали больше всех, и одна из них, как рассказывают, потом по собственной воле вернулась на стройку и рысила рядом с животными, тянувшими повозки, вела их за собой и, казалось, увещевала и подбадривала их. И народ проголосовал за то, чтобы ее развлекали на за государственный счет до самой смерти". Та же история рассказывается Аэлианом[339] о времени, "когда афиняне строили Парфенон", и он цитирует в качестве своего авторитета Аристотеля. Именно Аристотель[340] положил начало всей этой неопределенности. Он рассказывает о времени, "когда в Афинах строили храм".

Под "храмом" Аэлий и Плутарх почти наверняка правильно понимают Парфенон. Если они правы, мы можем сделать вывод, что Тарантинос, автор, чья дата неизвестна, и которого мы не имеем оснований считать авторитетом в области афинской топографии, допустил, по крайней мере, одну ошибку, когда отождествил "храм" с великим храмом своего времени, храмом "Зевса". Предположительно, Тарантинос заимствует эту историю у Аристотеля. Если это так, то ясно, что, помимо ошибочного определения "храма", он предполагал, что Эннеакрунос, который он впервые вводит в рассказ на основании этой гипотезы, был идентичен Каллиррою Илиссоса[341]. Но какова ценность его доказательств? Его сторонники могут справедливо потребовать предъявить полномочия свидетеля, чье единственное право считаться авторитетом - это идентификация, почти наверняка ошибочная. Нет ничего, что могло бы опровергнуть простое предположение, что, как и автор *Etymologicum Magnum*, он просто путает два Kallirrhoës[342].

Наконец, если на мгновение предположить, что отрывок Фукидида оставляет нас в сомнениях относительно места расположения Эннеакруноса, то следующим шагом будет спросить, что говорит следующий лучший авторитет, Павсаний? Павсаний - топограф по профессии, и, конечно, мы узнаем от него, где он видел колодезный дом. После того как Павсаний[343] увидел статуи Гармодия и Аристоклеона "недалеко от" храма Ареса, он переходит к небольшой группе памятников, которые он связывает вместе более или менее четко; это Одеон; рядом с ним Эннеакрунос; выше или дальше храмы Деметры и Керы; чуть дальше храм Эвклеи. Совершенно верно, что он связывает Одеон без соединительной частицы, но это его частая практика, когда он переходит от одного памятника к другому.

Неискушенный читатель в своей простоте, естественно, подумает, что, поскольку Павсаний переходит от статуй Убийц тиранов прямо к Одеону, эти два места находятся где-то недалеко друг от друга, и так оно и было. Одеон во времена Павсания почти наверняка находился неподалеку от места расположения древнего оркестра, где до сих пор сохранились слабые остатки полукруглого здания (рис. 46). Так или иначе, он стоял недалеко от Ареопагоса. Но

это слишком просто и естественно. Как нам сообщают, Павсаний здесь и нигде больше резко обрывает свое повествование о зданиях в Керамейкосе и без видимой причины и намека в тексте отлетает почти на полмили и сажает своего читателя на берегу Илисса - район, который, надо отметить, он позже подробно опишет, - а затем вскоре возвращается снова без предупреждения и заканчивает свой рассказ о Керамейкосе. Одним словом, перед нами то, что известно как "Эпизод Эннеакруноса". Высказываются различные предположения о причинах этого "эпизода": то ли листы MS. перепутались, то ли Павсаний гостил у друзей возле Илисса и отправился домой обедать. Настоящая причина "эпизода" заключается в том, что Фукидид был неправильно понят, а поздний составитель *Etymologicum Magnum* допустил оплошность. Павсаний[344] видел Одеон по соседству со старым оркестром на юго-западе Ареопагоса, Эннеакрунос рядом с ним у скалы Пникс, храмы Деметры и Керы "над ним" на скале Пникс, где находились Фесмофорион[345] и храм Эвклеи "неподалеку"; его осмотр достопримечательностей был здесь, как и в других местах, упорядоченным и ненарушенным.

Видно, что Павсаний солидарен с Фукидидом, а благодаря профессору Дёрпфельду свидетельства обоих подтверждены раскопками; выявлены источники ошибок и путаницы у поздних авторов, лексикографов и современных археологов. Конечно, теперь, наконец, "Эпизод Эннеакруноса" может спать спокойно.

ФУТБОЛЬНЫЕ ССЫЛКИ

[1] Ирод. VII. 140.

[2] Thucyd. II. 14 χαλεπῶς δὲ αὐτοῖς, διὰ τὸ ἀεὶ εἰωθέναι τοὺς πολλοὺς ἐν τοῖς ἀγροῖς διαιτᾶσθαι, ἢ ἀνάστασις ἐγίγνετο.

[3] Thucyd. I. 5, 10.

[4] Thucyd. II. 15 καὶ ξυνοίκια ἐξ ἐκείνου Ἀθηναῖοι ἔτι καὶ νῦν τῇ θεῷ ἐορτὴν δημοτελῆ ποιοῦσι.

[5] Thucyd. II. 15 τὸ δὲ πρὸ τούτου ἡ ἀκρόπολις ἡ νῦν οὖσα πόλις ἦν καὶ τὸ ὑπ' αὐτὴν πρὸς νότον μάλιστα τετραμμένον- τεκμήριον δέ. τὰ γὰρ ἱερὰ ἐν αὐτῇ τῇ ἀκροπόλει καὶ ἄλλων θεῶν ἐστί, καὶ τὰ ἔξω πρὸς τοῦτο τὸ μέρος τῆς πόλεως μᾶλλον ἵδρυται, τό τε τοῦ Διὸς τοῦ Ὀλυμπίου καὶ τὸ Πύθειον καὶ τὸ τῆς Γῆς καὶ τὸ ἐν Λίμναις Διονύσου (ᾧ τὰ ἀρχαιότερα Διονύσια τῇ δωδεκάτῃ ποιεῖται ἐν μηνὶ Ἀνθεστηριῶνι) ὥσπερ καὶ οἱ ἀπ' Ἀθηναίων Ἴωνες ἔτι καὶ νῦν νομίζουσιν, ἵδρυται δὲ καὶ ἄλλα ἱερὰ ταύτῃ ἀρχαῖα. καὶ τῇ κρήνῃ τῇ νῦν μὲν τῶν τυράννων οὕτω σκευασάντων Ἐννεακρούνῳ καλουμένη, τὸ δὲ πάλαι φανερῶν τῶν πηγῶν οὐσῶν Καλλιρρόῃ ὠνομασμένη- ἐκείνη τε ἐγγὺς οὖση τὰ πλείστου ἄξια ἐχρῶντο, καὶ νῦν ἔτι ἀπὸ τοῦ ἀρχαίου πρό τε γαμικῶν καὶ ἐς ἄλλα τῶν ἱερῶν νομίζεται τῷ ὕδατι χρῆσθαι. καλεῖται δὲ διὰ τὴν παλαιὰν ταύτη κατοίκησιν καὶ ἡ ἀκρόπολις μέχρι τοῦδε ἔτι ὑπ' Ἀθηναίων πόλις.

[6] Я сохраняю чтение MS.; см. критическое примечание.

[7] См. д-р A. W. Verrall, *The Site of Primitive Athens. Thucydides II. 15 и недавние исследования*, *Class. Rev.* June 1900, p. 274. В обсуждении фактического текста я во всем следовал д-ру Верраллу.

[8] Plat. *Kritias* 112.

[9] Antigonos, *Hist. Mirab.* 12.

- [10] W. Dörpfeld, "Ueber die Ausgrabungen auf der Akropolis," *Athen. Mitt.* XI. 1886, p. 162.
- [11] ap. Suidam, s.v. Ἀπεδα εἰ. Ἠπέδιζον: ἄπεδα, τὰ ἰσόπεδα. Κλείδημος 'καὶ ἡπέδιζον τὴν ἀκρόπολιν, περιέβαλλον δὲ ἐννεάπυλον τὸ Πελασγικόν'.
- [12] Dörpfeld, "Die Propylaeen", *A. Mitt.* X. 1885, p. 139 и см. план Пропилеев в моем *Myth. and Mon. Anc. Athens*, p. 352.
- [13] Dörpfeld, 'Ausgrabungen auf der Akropolis,' *A. Mitt.* XI. 1896, p. 167.
- [14] Dr Kabbadias, *Fouilles de l'Acropole*, 1886, Pl. I. и описательный текст.
- [15] Обсуждение и интерпретация этих цифр отнесены к с. 51.
- [16] Ἐφήμερις Ἀρχαιολογική, 1866, p. 78.
- [17] *Eph. Arch.* 1887, pl. 4.
- [18] *Eph. Arch.* 1887, pl. 8.
- [19] Dörpfeld, 'Die Zeit des älteren Parthenon,' *A. Mitt.* 1902, p. 410.
- [20] *A. Mitt.* 3892, p. 158, pl. VIII. и IX.
- [21] Plut. *Vit. Cim.* 13.
- [22] К сожалению, во время раскопок хронология различных подпорных стен не была четко определена, и точное место, где были найдены многие из раскопанных фрагментов, не было отмечено с достаточной точностью.
- [23] *A. Mitt.* XXVII. 1902, p. 398, Fig. 5.
- [24] F. Hauser, *Strena Helbigiana*, p. 115. Реверс был впервые правильно объяснен через идентификацию σταφύλη д-ром О. Россбахом, "Verschollene Sagen und Kulte", *Neue Jahrbücher f. Kl. Altertumswissenschaft*, 1901, p. 390.
- [25] *Il.* II. 765 ... ἵπποι σταφύλῃ ἐπὶ νῶτον εἶσαι.
- [26] См. Roscher, *Lex. s.v.*
- [27] Paus. II. 25. 7.
- [28] Paus. II. 16. 5.
- [29] Paus. IX. 5. 6.
- [30] Apoll. Rhod. I. 736.
- [31] Strabo, VIII. 21 § 379. См. мои *Prolegomena*, p. 609.
- [32] *Od.* XI. 594. Господин Саломон Рейнах в своей работе "Сизиф и другие проклятые" (*Sisyphus aux enfers et quelques autres damnés*, *Rev. Arch.* 1903, установил, без сомнения, истинное толкование камня Сизифа.
- [33] Paus. I. 28. 3.
- [34] Dr Rendel Harris, *The Dioscuri*, p. 8.
- [35] Plin. *Nat. Hist.* VII. 57.

[36] Об *Эвриале* см. *Eph. Arch.* 1885, Taf. v. 2 и 3. О *Гипербуи* - *Mon. d. Inst.* VI. и VII.

[37] Herod. VI. 137 μισθὸν τοῦ τείχεος τοῦ περὶ τὴν ἀκρόπολιν ποτε ἐληλαμένου.

[38] Herod. V. 64 ἐπολιόρκεε τοὺς τυράννους ἀπεργμένους ἐν τῷ Πελασγικῷ τείχει. Во всех МСС, кроме Z, стоит Πελασγικῷ: Z исправлено на Πελαργικῷ.

[39] C.I.A. IV. 2. 27. 6 ... ἐν τῷ Πελαργικῷ ... ἐκ τοῦ Πελαργικοῦ.

[40] В лучшем MS. (Laur. C).

[41] Подробности об этом храме см. в моих *Myth. and Mon. Anc. Athens*, p. 496. План храма см. ниже, с. 40, рис. 18.

[42] Wiegand-Schrader-Dörpfeld, *Poros-Architektur der Akropolis*. Для любого представления о допериклейской архитектуре изучение цветных листов этой работы необходимо.

[43] Тифон и Тритоны появляются вместе на троне Аполлона в Амиклах. Художественные мотивы этой ионийской работы в значительной степени восточные. Соединение Тифона и Тритонов, как мне кажется, не является простой декоративной случайностью. В связи с этим фронтоном не было обращено внимание на то, что в "*Исиде и Осирисе*" Плутарха (XXXII.) Тифон - это море, в которое впадает Нил (Τυφῶνα δὲ τὴν θάλασσαν, εἰς ἣν ὁ Νεῖλος ἐμπίπτων ἀφανίζεται). Египетское вдохновение *Исиды и Осириса* никто не станет отрицать, и на этом египтизированном фронтоне с цветами лотоса вполне уместен египетский морской бог Тифон. Его имя, несомненно, как указывает Мусс Арнольд "*Семитские слова в греческом и латинском языках*", стр. 59, связано с древнееврейским יָרֵחַ - скрытый, темный, северный. Море находилось к северу от Египта.

[44] Ar. Av. 1139

ἕτεροι δ' ἐπλινθοποιοῦν πελαργοὶ μύριοι.

[45] Eur. *Ion* 154, перевод д-ра Верралла.

[46] См. Lechat, *Au Musée de l'Acropole d'Athènes*, p. 215.

[47] Любой сведущий искажитель может написать *Πελασγικόν* вместо *Πελαργικόν*, но если бы *Πελασγικόν* была первоначальной формой, ее вряд ли бы изменили на *Πελαργικόν*.

[48] Thucyd. II. 17 τό τε Πελαργικὸν καλούμενον τὸ ὑπὸ τὴν ἀκρόπολιν, ὃ καὶ ἐπάρατόν τε ἦν μὴ οἶκεῖν καὶ τι καὶ Πυθικοῦ μαντείου ἀκροτελεύτιον τοιόνδε διεκώλυε, λέγον ὥς τὸ Πελαργικὸν ἀργὸν ἄμεινον, ὅμως ὑπὸ τῆς παραχρῆμα ἀνάγκης ἐξωκλήθη. Фукидид называет 'τὸ Πελαργικὸν ἀργὸν ἄμεινον' окончательным гемистихом. Мистер А. Б. Кук любезно указывает мне, что на самом деле это полная строка древней метрической формы, предшествующей гекзаметру и известной как *пароимиак*.

[49] καὶ τὸ ὑπ' αὐτὴν μάλιστα πρὸς νότον τετραμμένον.

[50] Лукиан, *Пускатор*, 46.

[51] C.I.A. IV. 2. 27. 6.

[52] Poll. *On.* VIII. 101.

[53] Dörpfeld, 'Die Propyläen 1 und 2,' *A. Mitt.* X. 1885, pp. 38 и 131 и см. мои *Mon. and Myth. Ancient Athens*, p. 353.

[54] Dörpfeld, A. *Mitt.* XXVII. 1902, p. 405.

[55] Количество этих ворот, конечно, чисто предположительное. На эскизе на [рис. 15](#), которым я обязан любезности профессора Дёрпфельда, их пять только на западном склоне. Линия стен HJK подсказана остатками VI века до н. э., которые, вероятно, занимают место еще более ранних пеласгических укреплений (см. [с. 35, прим. 2](#)). Из оставшихся ворот одни, вероятно, находятся рядом с местом, где позднее был построен Асклепийон, и одни или несколько на северном склоне.

[56] Lucian, *Bis Accus.* 9 μικρὸν ὑπὲρ τοῦ Πελασγικοῦ.

[57] Herod. VIII. 52.

[58] Lucian, *Piscator* 42.

[59] См. *Mon. and Myth. Ancient Athens*, p. 299.

[60] *Op. cit.* p. 152.

[61] Polem. ap. Schol. *Oed. Col.* 489 καθάπερ Πολέμων ἐν τοῖς πρὸς Ἑρατοσθένην φησὶν, οὕτω ... κριὸν Ἡσύχῳ ἱερὸν ἦρω ... οὗ τὸ ἱερὸν ἐστὶ παρὰ τὸ Κυλῶνειον, ἐκτὸς τῶν ἐννέα πυλῶν. В MS. есть Κυδῶνιον, исправление, которое кажется несомненным, принадлежит К. О. Мюллеру.

[62] Plut. *Vit. Solon.* XII. и Thucyd. I. 126.

[63] За эти подробности о датировке различных стен я обязан профессору Дёрпфельду. Д-р Ф. Ноак считает, что девятигранный Пеларгикон не относится к микенскому периоду, а был построен Писистратом, а более ранний Пеларгикон был гораздо более простым сооружением. Профессор Дёрпфельд также считает, что в микенские времена не было девятивратного Пеларгикона, но он полагает, что Писистраты лишь усилили уже существующее укрепление, построив, возможно, несколько дополнительных ворот. В таком случае Эннеапилон имел бы свою современную аналогию в Эннеакруносе. См. F. Noack, *Arne*, A. *Mitt.* 1894, p. 418.

[64] Против строительства Асклепийона был поднят протест после того, как оно было начато; возможно, это было вызвано тем, что оно посягало на Пеларгикон. См. A. Koerte, A. *Mitt.* 1896, pp. 318-331.

[65] См. критическое примечание.

[66] См. также Prof. Dörpfeld, "Der ursprüngliche Plan des Erechtheion," A. *Mitt.* 1904, p. 101, Taf. VI.

[67] См. Dörpfeld, A. *Mitt.* XXVIII. 1903, p. 468.

[68] οἵντος Ἀθηναίων Κεκροπος, ἐτὴ ΧΗΗΔ.

[69] Thucyd. II. 15.

[70] Apollod. III. 14.

[71] Herod. VIII. 44.

[72] Harp. *in voc.*; Poll. *On.* IX. 109.

[73] Paus. I. 3. 6.

[74] Hom. *Il.* II. 547 δῆμον Ἐρεχθῆος μεγαλήτορος.

[75] Aristoph. *Vesp.* 438 ὦ Κέκροψ ἥρως ἄναξ τὰ πρὸς ποδῶν δρακοντίδῃ.

[76] Tzetzes, *Chil.* V. 19.

[77] Только один раз, насколько я знаю, Кекропс определенно назван змеей, в "Гекале" Каллимаха; говоря о решении в пользу Афины против Посейдона, он говорит (V. 9)

τὴν ῥα νέον ψήφῳ (τ)ε Διὸς δύο καὶ δέκα τ' ἄλλων

ἀθανάτων ὄφιος τε κατέλλαβε μαρτυρίῃσιν.

См. Gomperz, *Rainer Papyrus* VI. 1897, p. 9.

[78] Профессор Дёрпфельд любезно предлагает мне, что тип критской богини-змеи, недавно выявленный д-ром Эвансом и мисс Бойд, возможно, оказал влияние на афинскую богиню. Я согласен (см. мои *Прологомены*, с. 307, прим. 3) и надеюсь вернуться к этому вопросу в другой раз.

[79] Herod. VIII. 41. Змея, конечно, сначала была воображаемой, и Геродот, кажется, сомневается в ее существовании.

[80] Paus. I. 24. 7.

[81] Hesiod, ap. Strab. IX. 9. § 393.

[82] Soph. *Philoct.* 1327.

[83] Paus. VI. 20. 2-4.

[84] Clem. Al. *Protr.* III. 45, p. 39.

[85] Theod. *Graec. affect. cur.* VIII. 30, p. 908 καὶ γὰρ Ἀθήνησιν, ὡς Ἀντίοχος ἐν τῇ ἐνάτῃ γέγραφεv ἱστορίᾳ ἄνω γε ἐν τῇ ἀκροπόλει Κέκροπος ἐστὶ τάφος παρὰ τὴν Πολιοῦχον αὐτήν.

[86] Δελт. Арх. 1889, p. 10, fig. No. 3 ἐν τῷ τοῦ Κέκροπος ἱε[ρῷ].

[87] C.I.A. III. 1276 ἱε[ρ]εὺς Κέκρο[π]ος Ἀρίστων Σωσιστράτου Ἀθμονεύς.

[88] Brit. Mus. I. xxxv.; C.I.A. I. 322. Надпись выгравирована на двух плитах пентелийского мрамора.

[89] *loc. cit.* line 83

ἐπὶ τεῖ προστάσει τεῖ πρὸς τοῖ[ι]

Κεκροπῖοι ἔδει

τὸς λίθος τὸς ὀροφιαῖος τὸς

ἐπὶ τοῖν κορῶν ...

[90] Об имени Кариатида, как оно объяснено Витрувием, см. мои *Mon. and Myth. Anc. Athens*, p. 489.

[91] Dörpfeld, 'Der ursprüngliche Plan des Erechtheion,' *A. Mitt.* XXIX. p. 104, 1904.

[92] Wiegand, *Die archaische Poros-Architektur der Akropolis zu Athen* (1904), p. 106; и см. также М. Н. Lechat, *La sculpture Attique avant Pheidias*, p. 53.

[93] Ирод. VII. 41 λέγουσι Ἀθηναῖοι ὄφιν μέγαν φύλακα τῆς ἀκροπόλιος ἐνδαιτᾶσθαι ἐν τῷ ἱερῷ.

[94] Eur. *Ion* 21-26, trans. Dr Verrall.

[95] Brit. Mus. Cat. E 418. См. мои *Myth. and Mon. Anc. Athens*, p. xxxi. Две змеи также появляются, как указывает д-р Виганд (Wiegand *op. cit.*), в Аттике, приписываемом Амелесагору; см. Westermann *Paradoxogr.* XII. 63 Ἀμελησαγόρας δὲ ὁ Ἀθηναῖος ὁ τὴν Ἀτθίδα συγγράφων ... φησὶ τὰς δὲ Κέκροπος θυγατέρας τὰς δύο Ἄγραιον καὶ Πάνδροσον τὴν κίστην ἀνοῖξαι καὶ ἰδεῖν δράκοντας δύο περὶ τὸν Ἐριχθόνιον. Гесикий s.v. οἰκουρὸς ὄφεις говорит... οἱ μὲν ἕνα φασὶν οἱ δὲ δύο ἐν τῷ ἱερῷ τοῦ Ἐρεχθέως.

[96] C.I.A. I. 322, строка 44

τοῖν κίονον τοῖν ἐπὶ τὸ τοίχο

τὸ πρὸς τὸ Πανδροσεῖο,

и в C.I.A. IV. 321, III. строка 32

τὰ μετακίονια τέτταρα ὄντα τὰ πρὸς τοῦ Πανδροσεῖου.

[97] Δελт. Αρχ. 1888, с. 87, рис. 1 В, строки 27 и 41

ὁ πρὸς τοῦ Πανδροσεῖου.

[98] P. I. 27. 2 τῷ ναῷ δὲ τῆς Ἀθηνᾶς Πανδρόσου ναὸς συνεχῆς ἐστὶ.

[99] Paus. I. 18. 2. О вазовых картинах, иллюстрирующих эту историю, см. мои *Myth. and Mon. Anc. Athens*, p. xxiii.

[100] Paus. I. 21. 4 см. *Myth. and Mon. Anc. Athens*, p. 299.

[101] P. I. 22. 5.

[102] P. I. 18. 2.

[103] См. мои "Мифологические исследования - три дочери Кекропса", *Journ. Hell. Soc.* XII. p. 351, 1891.

[104] Для более полного обсуждения Аррефория в связи с Тесмофорием см. мои *Пролегомены*, стр. 131; а о ребенке в мистерии *liknon*, стр. 525.

[105] C.I.A. II. 481, 58.

[106] s.v. ἐπίβοιον.

[107] C.I.A. I. 322 (Brit. Mus. I. 35. 571), l. 83 ἐπὶ τεῖ προστάσει τεῖ πρὸς τοῖ[ι] Κεκροπῖοι ἔδει τὸς λίθος τὸς ὀροφιαῖος τὸς ἐπὶ τοῖν κορῶν ἐπεργάσασθαι ἄνοθεν, см. p. 46.

[108] *Anth. Pal.* VI. 280

τάς τε κόρας Λιμνᾶτι Κόρα κόρα, ὡς ἐπικεκῆς

ἄνθετο- .

см. мои *Прологомены*, с. 301.

[109] C.I.A. I. 141 κορὴ χρυσῇ ἐπὶ στήλης, v. Lolling, *Cat. des inscr. de l'Acropole*, No. 267 τήνδε κόρην ἀνέθηκεν ἀπαρχήν.

[110] *Jahrbuch d. Inst.* II. 1887, p. 219.

[111] C.I.A. IV. suppl. 373 и *Eph. Arch.* 1886, p. 81, l. 6.

[112] Paus. II. 5. 1, III. 15. 10.

[113] Paus. III. 21. 10.

[114] Paus. I. 26. 5.

[115] Paus. VIII. 2. 3.

[116] Athen. XIII. 2. § 555 и Tzetzes, *Chil.* V. 19. v. 650.

[117] S. Aug. *de civitat. Dei*, 18. 9 ut nullus nascentium maternum nomen acciperet.

[118] Apollod. III. 14. 2 μετὰ δὲ τοῦτον ἦκεν Ἀθηνᾶ, καὶ ποιησαμένη τῆς καταλήψεως Κέκροπα μάρτυρα ἐφύτευσεν ἐλαίαν ἣ νῦν ἐν τῷ Πανδροσεῖῳ δείκνυται.

[119] Herod. VIII. 55.

[120] Hesych. Fig. 146 ἀστὴ ἐλαία, ἣ ἐν ἀκροπόλει ἢ καλουμένη παγκύφος διὰ χθαμαλότητα.

[121] Полное обсуждение фрагментов см. в книге Dr Th. Wiegand, *Die archaische Poros-Architektur der Akropolis zu Athen*, p. 97; *Das älteste Erechtheion und der heilige Oelbaum*, Taf. XIV., на котором основана реставрация на [рис. 20](#). Дверь, которая на самом деле находилась в конце здания, по нередкой традиции вынесена на боковую сторону. Ср. храм Януса на монете Нерона.

[122] К сожалению, место "моря" никогда не подвергалось систематическим раскопкам и исследованию. Профессор Дёрпфельд говорит мне, что цистерна, которую сейчас можно увидеть, относится к средневековью. Пока средневековая кладка не будет удалена, невозможно определить точный характер "моря". Конечно, здесь не было *источника*, геологический характер плато Акрополя не позволяет этого, но *колодец*, возможно, существовал.

[123] Paus. I. 26. 5 ταῦτα δὲ λέγεται Ποσειδῶνι μαρτύρια ἐς τὴν ἀμφισβήτησιν τῆς χώρας φανῆναι.

[124] Apollod. III. 14. 1.

[125] Paus. I. 26. 5. Морской колодец в Карию был посвящен чужеземному богу Осогоа, см. Paus. VIII. 10. 4. Стоит отметить, что семитские боги имеют "моря" в своих святилищах; в храме Соломона было медное "море", а у Мардука в Вавилоне было *тамму* или море, и, что любопытно, оно ассоциировалось с великим змеем. См. King, *Babylonian Religion*, p. 105.

[126] Ovid *Fasti*, II. 667

Nunc quoque, se supra ne quid nisi sidera cernat

Exiguum templi tecta foramen habent.

[127] Serv. *ad Aen.* IX. 448.

[128] Varro *L. L.* V. 66.

[129] Vit. I. 2. 5.

[130] Paus. V. 14. 10.

[131] *Od.* VII. 80-81, trans. Butcher and Lang.

[132] *Il.* II. 546.

[133] Herod. V. 82.

[134] За Посейдона как бога Тори я обязан изданию "*Рыцарей*" г-на Р. А. Нила; см. строки 144 и 551.

[135] Paus. I. 26. 5.

[136] s.v. Ἐρέχθευς, но схолиаст в Lycophron, *Al.* 431, говорит Ἐρέχθευς ὁ Ζεὺς ἐν Ἀθήναις καὶ ἐν Ἀρκαδίᾳ τιμᾶται; см. Mr A. B. Cook, *Classical Review*, 1904, p. 85.

[137] Apollod. III. 15. 1.

[138] *Vit. X. Orat.* p. 843^e.

[139] Thucyd. II. 2.

[140] Paus. II. 17. 3. О важности этих жреческих генеалогий см. в книге профессора Риджуэя "*Ранняя эпоха Греции*", с. 102.

[141] Aristoph. *Eq.* 551. См. Р. А. Нил, *ad loc.*

[142] Apollod. III. 15. 1. См. *выше*, p. 62.

[143] Herod. II. 50. См. R. Brown, *Poseidon*, 1872, p. 66.

[144] Herod. IV. 188-189.

[145] См. Prof. Ridgeway, *The Early Age of Greece*, p. 226.

[146] Ирод. I. 59. К вопросу о происхождении и развитии культа Афины и к рассмотрению некоторых восточных факторов в нем я надеюсь вернуться в другой раз.

[147] *Class. Rev.* 1900, XIV. p. 279.

[148] Профессор Дёрпфельд обращает внимание (*Rhein. Mus.* LI. p. 134) на аналогичный случай с Тороном, который Фукидид (IV. 110) описывает следующим образом: οὐσης τῆς πόλεως πρὸς λόφον- "was nach dem Zusammenhang nicht *nach dem Hügel hin* sondern nur *an dem Hügel hinauf* bedeutet. Но следует внимательно отметить, что, как замечает д-р Верралл (*Class. Rev.* 1900, p. 278), понятие *восхождения* передается не πρὸς, а λόφον. Аналогия заключается в факте, а не в словесном описании этого факта".

[149] Paus. I. 3. 4.

[150] Подробности об этом Олимпионе см. в моем *Myth. and Mon. Anc. Athens*, p. 189.

[151] Eur. *Ion*, 283.

[152] Eur. *Ion*, 7 ff.

[153] Strabo IX. 2 § 404 ἐτήρουν δ' ἐπὶ τρεῖς μῆνας, καθ' ἕκαστον μῆνα ἐπὶ τρεῖς ἡμέρας καὶ νύκτας ἀπὸ τῆς ἐσχάρας τοῦ Ἀστραπαίου Διός- ἔστι δ' αὕτη ἐν τῷ τείχει μεταξύ τοῦ Πυθίου καὶ τοῦ Ὀλυμπίου.

[154] Paus. I. 28. 4.

[155] Philostr. *Vit. Soph.* II. 5, p. 550 ἐκ Κεραμεικοῦ δὲ ἄρασαν χιλία κώπη ἀφεῖναι ἐπὶ τὸ Ἐλευσίνιον καὶ περιβαλοῦσαν αὐτὸ παραμεῖψαι τὸ Πελασγικόν, κομιζομένην τε παρὰ τὸ Πύθιον ἐλθεῖν οἱ νῦν ὥρμισται.

[156] Paus. I. 29. 1.

[157] *loc. cit. supra*. Между словами νομίζουσι и ὥς πεμφθείη мы должны мысленно поставить ἐνταῦθα καὶ τοῦ Πανὸς ἱερόν, φασὶ δὲ, или слова на этот счет.

[158] Стена "Валериана", вероятно, была работой Антонио Аччайоли. См. Dr Judeich, *Topographie von Athen*, p. 103, note 6.

[159] Полный отчет о раскопках д-ра Каббадиаса, из которых взяты вышеприведенные сведения, см. в *Ephemeris Archäologike*, 1897, 1-32 и 87-92, pl. I.-IV. и резюме во французском *Bull. de Corr. Hell.* XX. 382 ff., также *American Journal of Arch.* 1897, p. 348 и 1898, p. 311.

[160] Ἐφ. Ἀρχ. 1897, p. 8, pl. 4 Ἀγαθὴ τύχη, Γ(άιος) Ἰούλιος Μητρόδωρος Μαραθ(ώνιος) θεσμοθετήσας Ἀπόλλωνι ὑπὸ Μακράϊς ἀνέθηκεν.

[161] Ἐφ. Ἀρχ. 1897, p. 9, pl. 4 Τιβ(έριος) Ἀντίστιος Κίνεας ἐκ Κοίλης Ἀπόλλωνι ὑπ' Ἀκραις βασιλεύς.

[162] Ар. Ἀθ. Πολ. LV. 15 и Harpocrat. s.v. Ἀπόλλων Πατρῶος.

[163] Ар. Ἀθ. Πολ. LVII. 4. Дельфы не упоминаются, и слово ἰσομέτρητον не встречается, но в ссылке Платона (*Phaedr.* 235 D) отчетливо говорится, что оба слова встречаются, καὶ σοι ἐγὼ ὥσπερ οἱ ἐννέα ἄρχοντες, ὑπισχνοῦμαι χρυσὴν εἰκόνα ἰσομέτρητον εἰς Δελφοὺς ἀναθήσειν.

[164] Ар. Ἀθ. Πολ. LV. 5 ἐντεῦθεν δ' ὁμόσαντες εἰς ἀκρόπολιν βαδίζουσιν καὶ πάλιν ἐκεῖ ταῦτα ὁμνύουσι.

[165] Dem. *de Cor.* 275 καλῶ ... καὶ τὸν Ἀπόλλω τὸν Πύθιον ὃς πατρῷός ἐστι τῇ πόλει.

[166] C.I.A. III. 198.

[167] Профессор Дёрпфельд любезно сообщил мне, что он считает вполне возможным, что структура rogos ниже и к северу от Клепсидры может быть остатками Олимпиона. Ситуация, конечно, замечательно соответствовала бы словам Фукидида. Остатки отмечены сплошным черным цветом на [рис. 46](#).

[168] Полные сведения об этом храме см. в моих *Myth. and Mon. Anc. Athens*, p. 190.

[169] К моему большому сожалению, профессор Эрнест Гарднер в переводе Фукидида II. 15 переводит ἱερόν через "храм", "храм Зевса Олимпийского, Пифий, храм Земли". Хотя *templum* в латыни используется для обозначения любого освященного пространства земли или воздуха, несомненно, такое использование *temple* в английском языке вводит в заблуждение.

[170] Paus. I. 18. 9 τοῦ δὲ Ὀλυμπίου Διὸς Δευκαλίωνα οἰκοδομῆσαι λέγουσι τὸ ἀρχαῖον ἱερὸν σημεῖον ἀποφαίνοντες ὡς Δευκαλίων Ἀθήνησιν ᾤκησε τάφον τοῦ ναοῦ τοῦ νῦν οὐ πολὺ ἀφεστηκότα.

[171] A. Mitt. 1895, p. 56. Слово οἰκοδομέω не обязательно подразумевает строительство дома или храма. Оно используется для строительства стены, лабиринта.

[172] Plat. *Phaedr.* 227 Σω. ἀτὰρ Λυσίας ἦν ὡς ἔοικεν ἐν ἄστει; Φαι. Ναὶ παρ' Ἐπικράτει ἐν τῇδε τῇ πλησίον τοῦ Ὀλυμπίου οἰκία τῇ Μορυχίᾳ. Из ἐν ἄστει нельзя сделать никаких выводов. Оно означает просто "в городе", в отличие от Пейреев или деревни.

[173] Thucyd. I. 126 ἔστι γὰρ καὶ Ἀθηναίοις Διάσια ἃ καλεῖται Διὸς ἐορτὴ Μειλιχίου μεγίστη, ἔξω τῆς πόλεως.

[174] Обсуждение поклонения Мейлихию см. в моих *Prolegomena*, pp. 12-29. То, что я там сказал о хтоническом характере Мейлихиоса, надеюсь, остается в силе, но я приношу свои извинения М. Фукарту за мою попытку опровергнуть его теорию о семитском происхождении бога. Теперь я вижу, что он был прав. Мейлихиос - это не кто иной, как 𐤓𐤕𐤕, которого неправильно поняли. См. также Lagrange, *Études sur les Religions Sémitiques*, 1905, pp. 99-109.

[175] *Par. Chron.* (Jacobi) 6 Βασιλεύοντος Ἀθηνῶν Κρ[ανα]οῦ ἀφ' οὗ κατακλυσμὸς ἐπὶ Δευκαλίωνος ἐγένετο καὶ Δευκαλίων τοὺς ὄμβρους ἔφυγεν ἐγ Λυκωρείας εἰς Ἀθήνας πρὸς Κρανα]ὸν καὶ τοῦ Διὸς τοῦ Ὀ[λυ]μ[πί]ου τὸ ἱ[ε]ρὸν ἰδ[ρύ]σατο [καὶ] τὰ σωτήρια ἔθυσεν. Я бы предположил, что за Кранаосом скрывается другая семитская фигура, Кронос.

[176] Herod. VIII. 44.

[177] Schol. ad Ar. Av. 1527 πατρῶον δὲ τιμῶσιν Ἀπόλλωνα Ἀθηναῖοι, ἐπεὶ Ἴων ὁ πολέμαρχος Ἀθηναίων ἐξ Ἀπόλλωνος καὶ Κρεούσης τῆς Ξούθου ἐγένετο.

[178] Paus. I. 31. 2.

[179] Eur. *Ion*, 57-64.

[180] Eur. *Ion*, 289-295.

[181] Paus. VII. 1. 2, и см. *Myth. and Mon. Anc. Athens*, p. lxxxi.

[182] Eur. *Ion*, 492.

[183] Ar. *Lys.* 911.

[184] См. *Myth. and Mon. Anc. Athens*, p. 546.

[185] Eur. *Ion*, 492, trans. Mr D. S. MacColl.

[186] Ar. *Lys.* 720 τὴν μὲν δὲ πρώτην διαλέγουσαν τὴν ὄπιν.

[187] Paus. I. 22. 3.

[188] Полный их перечень см. у д-ра Фрейзера в P. I. 22. 3.

[189] Ar. *Thesm.* 300 καὶ τῇ Κουροτρόφῳ τῇ Γῇ, schol. εἴτε τῇ γῇ εἴτε τῇ ἐστία, ὁμοίως πρὸ τοῦ Διὸς θύουσιν αὐτῇ.

[190] Suidas, s.v. Κουροτρόφος Γῇ ... καταστῆσαι δὲ νόμιμον τοὺς θύοντάς τινα θεῶ ταύτῃ προθύειν.

[191] Paus. I. 20. 3. См. мистера Митчелла Кэрролла в *Classical Review* (July 1905, p. 325), 'Thucydides, Pausanias and the Dionysium in Limnis', но мистер Кэрролл совершает, на мой взгляд, роковую ошибку, рассматривая вопрос о Лимнах отдельно от других святилищ.

[192] См. д-ра Верралла (*Class. Rev.* XIV. 1900, p. 278), который цитирует Burnham Beeches, не имеющий ничего общего с *буком*, и Sandiasce, не имеющий ничего общего с *песком*, и, как замечает г-н Кэрролл, "Род-Айленд" - это не остров, а Вашингтон - это Washing-Town.

[193] Источники, необходимые для моих аргументов, будут приводиться по мере необходимости, но весь материал для изучения аттических праздников Диониса был собран д-ром Мартином П. Н. Нильссоном в его *Studia de Dionysiis Atticis*, Lund, 1900.

[194] О церемониях см. мои *Пролегомены*, с. 40.

[195] Athen. XI. p. 464 F. Φανόδημος δὲ πρὸς τῷ ἱερῷ φησὶ τοῦ ἐν Λίμναις Διονύσου τὸ γλεῦκος φέροντας τοὺς Ἀθηναίους ἐκ τῶν πίθων τῷ θεῷ κινάσαι: и X. 437 B ... ἀποφέρειν τοὺς στεφάνους πρὸς τὸ ἐν Λίμναις τέμενος.

[196] (Dem.) с. *Neaer*. § 73 καὶ τοῦτον τὸν νόμον γράψαντες ἐν στήλῃ λιθίνῃ ἔστησαν ἐν τῷ ἱερῷ τοῦ Διονύσου παρὰ τὸν βωμὸν ἐν Λίμναις.

[197] с. *Neaer*. § 76 καὶ διὰ ταῦτα ἐν τῷ ἀρχαιότατῳ ἱερῷ τοῦ Διονύσου καὶ ἀγιωτάτῳ ἐν Λίμναις ἔστησαν ἵνα μὴ πολλοὶ εἰδῶσι τὰ γεγραμμένα- ἅπαξ γὰρ τοῦ ἐνιαυτοῦ ἐκάστου ἀνοίγεται, τῇ δωδεκάτῃ τοῦ Ἀνθεστηριῶνος μηνός.

[198] На это и на отдельный характер празднеств, принадлежащих Лимнам, от празднеств в участке Диониса Элевтерия впервые указал, как я полагаю, профессор В. В. Виламовиц-Моэлендорф, "Die Bühne von Æschylos", *Hermes* XXI. p. 617.

[199] Источниками являются (1) закон Эвгороса (Dem. с. *Meid*. 10) Εὐγόρορς εἶπεν- ὅταν ἡ πομπὴ ἢ τῷ Διονύσῳ ἐν Πειραιεῖ καὶ οἱ κωμῳδοὶ καὶ οἱ τραγῳδοί, καὶ ἡ ἐπὶ Ληναίῳ πομπὴ καὶ οἱ τραγῳδοὶ καὶ οἱ κωμῳδοί, καὶ τοῖς ἐν ἅστει Διονυσίοις ἡ πομπὴ; (2) официальная надпись, C.I.A. II. 741, в которой трижды упоминаются те же два праздника.

[200] Poll. *On*. IV. 121 καὶ Διονυσιακὸν θέατρον καὶ Ληναϊκόν.

[201] Hesych. s.v. ἐπὶ Ληναίῳ ἀγών- ἔστιν ἐν τῷ ἅστει Λήναιον περίβολον ἔχον μέγαν, καὶ ἐν αὐτῷ Ληναίου Διονύσου ἱερόν, ἐν ᾧ ἐπετελοῦντο οἱ ἀγῶνες Ἀθηναίων πρὶν τὸ θέατρον οἰκοδομηθῆναι. Тот же рассказ приводится у Фотия s.v. *Λήναιον*, в *Etym. Magnum* ἐπὶ Ληναίῳ и в *Anecdota* I. p. 278 Беккера.

[202] Phot. s.v. ἵκρια: τὰ ἐν τῇ ἀγορᾷ, ἀφ' ὧν ἐθεῶντο τοὺς Διονυσιακοὺς ἀγῶνας πρὶν ἢ κατασκευασθῆναι τὸ ἐν Διονύσου θέατρον, и см. также Eustath. 1472, 7, и Hesych. s.v. *παρ' αἰγείρον* θέα. Гесихий цитирует Эратосфена, от которого, вероятно, и произошли все остальные рассказы.

[203] Tim. *Lex. Plat*. Ὀρχήστρα τόπος ἐπιφάνης εἰς πανήγυριν ἔνθα Ἀρμόδιου καὶ Ἀριστογείτονος εἰκόνες.

[204] Paus. I. 8. 4.

[205] Всем, кто пользовался моей "*Мифологией и памятниками древних Афин*", я должен принести свои извинения. Грубая карта агоры (на стр. 5) была сделана до раскопок профессора Дёрпфельда. *Лимны* ошибочно отмечены на участке возле Дипилона. В то время я был убежден только в том, что *Лимны* не находятся к югу от Акрополя, и ошибочно

отождествил их со святилищем, которое видел Павсаний при въезде в город. *Оркестр* на моем плане также должен быть перенесен дальше на юго-восток. Предположительное место Одейона, увиденного Павсанием, показано на плане профессора Дёрпфельда (рис. 46). В этом месте обнаружен изогнутый фундамент римской кладки.

[206] Plat. Prot. 327.

[207] Ar. Ran. Hyp. ἐδιδάχθη ἐπὶ Καλλίου τοῦ μετὰ Ἀντιγένῃ διὰ Φιλωνίδου εἰς Λήναια.

[208] Ar. Ran. 218

ἦν ἀμφὶ Νυσῆιον

Διὸς Διόνυσον ἐν

Λήμναις ἰαχήσαμεν

ἡνίχ' ὁ κραιπαλόκωμος

τοῖς ἱεροῖσι Χύτροισι

χωρεῖ κατ' ἐμὸν τέμενος λαῶν ὄχλος.

Перевод г-на Гилберта Мюррея. О чύτριοι ἀγῶνες см. Schol. ad loc., ἤγοντο ἀγῶνες αὐτόθι οἱ чύτριοι καλούμενοι καθ' ἃ φησιν Φιλόχορος ἐν τῇ ἐκτῇ τῶν Ἀτθίδων.

[209] Литературу о раскопках см. в Библиографии. Резюме части, относящейся к Лимнам, можно найти в "Pausanias" д-ра Фрейзера, т. V, стр. 495, Addenda, Афины.

[210] H. Schrader, 'Funde im Bezirk des Dionysion,' A. Mitt., 1896, XXI. p. 265, pl. IX.

[211] Опубликовано и полностью обсуждено д-ром С. Вайдом, "Inscript der Iobakchen", A. Mitt. 1894, p. 248, и см. E. Maass, Orpheus, p. 16 ff.

[212] C.I.A. III. 1159, 1186, 1193, 1197, 1202. См. д-р Вайд, указ. соч. С. 1.

[213] См. д-р Дёрпфельд, A. Mitt. XX. 1895, p. 34. Тонкости этого раннего *Бакхейона* не касаются настоящего спора.

[214] Этой точкой зрения я обязан любезности мистера Перси Друпа из Тринити-колледжа. Он сделан с точки, расположенной недалеко от северо-западного конца *Леше* (рис. 24).

[215] A. Mitt. V. 116.

[216] Schol. ad Ar. Ran. 216 Λίμνη τόπος ἱερὸς Διονύσου ἐν ᾧ καὶ οἶκος καὶ νεὼς τοῦ θεοῦ Καλλίμαχος ἐν Ἑκάλῃ

Λιμναίῳ δὲ χοροστάδας ἤγον ἐορτάς.

[217] Thucyd. II. 15 τὸ ἐν Λίμναις Διονύσου.

[218] с. Neaer. 76 τὸ ἱερὸν τοῦ Διονύσου ἐν Λίμναις.

[219] Phanodemus ap. Athen. XI. 465 A τὸ ἱερὸν τοῦ ἐν Λίμναις Διονύσου.

[220] Is. Or. VIII. 35 τὸ ἐν Λίμναις Διονύσιον. Об этих ссылок см. д-р Дёрпфельд, "Lenaion", A. Mitt. 1895, XX. p. 368.

- [221] Самый полный рассказ об этом оркестре см. в Prof. Dörpfeld, *Das Griechische Theater*, p. 27.
- [222] В *Парижской хронике*, ἀφ' οὗ Θέσπις ὁ ποιητὴς [ὑπεκρίνα]το πρῶτος, ὃς ἐδίδαξε [δρ]ᾶ[μα ἐν ᾧ]στ[ει]. Восстановление ἐν ᾧστει кажется несомненным.
- [223] Ps. Plut. *Vit. X. Orat.* 6 εἰσήνεγκε δὲ καὶ νόμους τὸν περὶ τῶν κωμῶδων ἀγῶνα τοῖς Χύτροις ἐπιτελεῖν ἐφάμιλλον ἐν τῷ θεάτρῳ, καὶ τὸν νικήσαντα εἰς ᾧστει καταλέγεσθαι, πρότερον οὐκ ἐξόν, ἀναλαμβάνων τὸν ἀγῶνα ἐκλελοιπότα.
- [224] Ps. Plut. *Vit. X. Orat.*
- [225] Paus. I. 8. 6 τὸ θέατρον ὃ καλοῦσιν ὠδεῖον.
- [226] Philostr. *Vit. Soph.* II. 5. 4 τὸ ἐν τῷ Κεραμεικῷ θέατρον ὃ δὴ ἐπωνόμασται Ἀγριππεῖον. Весь вопрос об Одеоне, который, за исключением его возможной идентичности по месту расположения со старым оркестром, нас не касается, см. Dr. Dörpfeld, 'Die verschiedenen Odeien in Athen,' *A. Mitt.* XVII. 1892, p. 352.
- [227] *Prolegomena to the Study of Greek Religion*, Chapter II., The Anthesteria.
- [228] Dr Verrall, *J. H. S.* XX. 115.
- [229] *Journal of Hellenic Studies* XXIV. p. xxxix. 1904.
- [230] Мне кажется возможным, что переходу к слову *Lenaion* мог способствовать тот факт, что греческое *ληνός* означает *гроб*, а также *винный пресс*. *ληνός*, как и *πίθος*, мог использоваться для самых разных целей".
- [231] A. Koerte, 'Bezirk eines Heilgottes,' *A. Mitt.* 1893, XVIII. pl. xi.; A. Koerte, 'Ausgrabungen am Westabhang IV. Das Heiligtum des Amynos', *A. Mitt.* 1896, XXI. p. 286, pl. xi.
- [232]
- ων τευξα-.
- ων σεμνοτάτην.
- Λυσιμαχι]δῆς Λυσιμάχου Ἀχαρνε[ύς.
- См. обсуждение рельефа у д-ра Кёрте, *A. Mitt.* 1893, p. 235.
- [233] См. мои *Пролегомены*, с. 349.
- [234] Koerte, *A. Mitt.* 1896, XXI. p. 295 Μνησιπτολέμη ὑπὲρ Δικαιοφάνου[ς] Ἀσκληπιῷ Ἀμύνῳ ἀνέθηκε.
- [235] Koerte, *op. cit.* p. 299 ... δεδόχθαι τοῖς ὀργεῶσι ἐπειδὴ εἴσιν ἄνδρες ἀγαθοὶ περὶ τὰ κοινὰ τῶν ὀργεώνων τοῦ Ἀμύνου καὶ τοῦ Ἀσκληπιοῦ καὶ τοῦ Δεξίονος....
- [236] строка 15 ἀναγράψαι δὲ τόδε τὸ ψήφισμα ἐν στήλαις λιθίναις δυοῖν καὶ στήσαι τὴν μὲν ἐν τῷ το[ῦ] Δεξίονος ἱερῷ τὴν δὲ [ἐ]ν τῷ το(ῦ) Ἀμύνου καὶ Ἀσκληπιοῦ.
- [237] О поклонении Софоклу см. мои *Prolegomena*, p. 346.
- [238] Eur. *El.* 1271.
- [239] *Myth. and Mon. Anc. Athens*, II. p. 554.

[240] *Prolegomena*, pp. 239-253.

[241] Athen. X. 437.

[242] Harp. s.v. Πάνδημος Ἀφροδίτη ... Ἀπολλόδωρος ἐν τῷ περὶ Θεῶν πάνδημόν φησιν Ἀθήνησι κληθῆναι τὴν ἀφιδρυθεῖσαν περὶ τὴν ἀρχαίαν ἀγοράν....

[243] Paus. I. 22. 3.

[244] Dörpfeld, *A. Mitt.* 1896, p. 511.

[245] Foucart, *Bull. de Corr. Hell.* 1889, p. 157.

[246] Факсимиле взято из Дελτίον 1889, p. 127. Надпись гласит следующее:

...]δωρος μ' ἀνέθηκ' Ἀφροδίτην δῶρον ἀπαρχήν.

Πότνια τῶν ἀγαθῶν τῷ[ι] σὺ δὸς ἀφθον[ι]αν.

οἳ τε λέγ[ου]σι λόγους ἀδίκως ψευδᾶς κ...εκ....

Она обсуждается с двумя последующими, написанными г-ном Фукартом, *Bull. de Corr. Hell.* 1889, p. 157.

[247]

Τόνδε σοί, ὦ μεγάλη σεμνὴ Πάνδημε Ἀφρ[οδίτη]

[κοσ]μοῦμεν δώροις εἰκόσιν ἡμετέραις

Ἀρχῖνος Ἀλυπῆτου Σκαμβωνίδης, Μενεκράτεια Δεξικράτους

Ἰκαριέως θυγάτηρ, ἰέρεια τῆς [Ἀφροδίτης], ...

...Δ]εξικράτους Ἰκαριέως θυγάτηρ, Ἀρχίνου δὲ μήτηρ.

Обсуждение этой надписи и характера посвященного ей здания см. в статье д-ра Каверая "Die Pandemos-Weihung auf der Akropolis" (*A. Mitt.* 1905), которая благодаря его любезности попала ко мне уже после написания этой статьи.

[248]

ἡ πομπὴ τῇι Ἀφροδίτῃ τεῖι Πανδῇ-.

μωι παρασκευάζειν εἰς κάθαρσι[ν]

τ]οῦ ἱεροῦ περιστέραν καὶ περιαιλε[ῖ]-

ψαι] τοὺς βωμοὺς καὶ πιττώσαι τὰ[ς]

ὀροφὰς] καὶ λοῦσαι τὰ ἔδη παρασκευ-

άσαι δὲ κα]ὶ πορφύραν ὀλκὴν [?] [.]

См. *B.C.H.* 1889, p. 157, и *Myth. and Mon. Anc. Athens*, p. 331.

[249] Plat. *Symp.* 180 D. Об Афродите Урании см. *Myth. and Mon. Anc. Athens*, p. 211.

[250] Paus. IX. 16. 3.

[251] Я следую за М. Victor Bérard, *Origine des cultes Arcadiens*, p. 142. Урания - "Царица Небесная", מלכת-מים, как в еврейских писаниях, Иерем. vii. 18, xlv. 18-20. Пандемос - это רבת-ָאָרֶז, владычица земли. Я уже осмелился выше, с. 54, предположить, что вооруженной Урании, *Virgo Caelestis*, мы обязаны по крайней мере некоторыми элементами в вооруженной Афине.

[252] Paus. VIII. 32. 2.

[253] Herod. I. 105. Название Китера - семитское (קִיתָר); см. М. Victor Bérard, *Les Phéniciens et l'Odyssée*, p. 427. *Китера* означает головной убор, диадему, а ее греческое "дублет" - Скандея.

[254] Paus. I. 14. 7.

[255] Кстати, у нас есть любопытное свидетельство связи Куротрофа с восточной Афродитой. Надпись (C.I.A. III. 411), найденная на турецкой стене возле храма Nikei, упоминает вход в часовню Блаута и Куротрофа (εἴσοδος πρὸς σηκὸν Βλαύτης καὶ Κουροτρόφου). Лидус (*de Mens.* I. 21), основываясь на авторитете Флегона, говорит нам, что Блатта была "титлом Афродиты у финикийцев" (καὶ βλάττα δέ, ἐξ ἧς τὰ βλάττια λέγομεν, ὄνομα Ἀφροδίτης, ἐστὶ κατὰ τοὺς Φοίνικας ὡς ὁ φλέγων ἐν τῷ περὶ ἑορτῶν φησί). Он не говорит нам, - что и так очевидно, - что Блаут и Блатта - это греческие попытки воспроизвести Баалата (𐤁𐤏𐤋𐤁𐤏). Блаут - это Афродита-Пандемос, Госпожа, Баалат народа.

[256] Лука ii. 24.

[257] Mr. E. Babelon, *Monnaies des Phéniciens*, CXXV.

[258] Ael. *Nat. Anim.* IV. 2; см. М. Victor Bérard, *Cultes Arcadiens*, p. 106.

[259] О том, что здесь можно вывести из текста помимо новых археологических материалов, см. Dr. Verrall, *Class. Rev.* 1900, p. 277.

[260] Paus. I. 14. 1 πλησίον δέ ἐστι κρήνη, καλοῦσι δὲ αὐτὴν Ἐννεάκρουνον, οὕτω κοσμηθεῖσαν ὑπὸ Πεισιστράτου. Между статуями Гармодия и Аристоклеитона (I. 8. 5) и Одейоном (I. 8. 6) нет соединительной частицы. Такое часто случается у Павсания, когда описываются вещи, находящиеся в непосредственной близости друг от друга. На плане профессора Дёрпфельда (рис. 46) видны следы изогнутых фундаментов римской эпохи, которые могут обозначать место расположения Одейона, но поскольку эта идентификация носит предположительный характер, я предпочитаю не использовать ее в качестве аргумента.

[261] Paus. I. 14. 1 ναοὶ δὲ ὑπὲρ τὴν κρήνην ὁ μὲν Δῆμητρος πεποιήται καὶ Κόρης.

[262] Plat. *Axioch.* I. § 364 Ἐξιόντι μοι ἐς Κυνόσαργες καὶ γενομένῳ [μοι] κατὰ τὸν Ἰλισσὸν διῆξε φωνὴ βοῶντός του, Σώκρατες, Σώκρατες. ὥς δὲ ἐπιστραφεῖς περισκόπουν ὁπόθεν εἴη Κλεινίαν ὁρῶ τὸν Ἀξιόχου θεόντα ἐπὶ Καλλιρρόην.

[263] Herod. VI. 137 αὐτοὶ Ἀθηναῖοι λέγουσι ... φοιτᾶν γὰρ αἰεὶ τὰς σφετέρας θυγάτερας ἐπ' ὕδωρ ἐπὶ τὴν Ἐννεάκρουνον.

[264] Paus. I. 14. 1 φρέατα μὲν γὰρ καὶ διὰ πάσης τῆς πόλεως ἐστὶ, πηγὴ δὲ αὕτη μόνη.

[265] За то, что следует далее, я полностью обязан заключительным исследованиям герра Грабера, дополняющим исследования профессора Дёрпфельда. См. "Enneakrounos", *A. Mitt.* 1905, p. 58.

[266] Полностью рассмотрено герром Грабером, указ. соч.

[267] Herod. III. 60.

[268] Полный рассказ об акведуке на Самосе см. в Dr. Fabricius, *A. Mitt.* IX. 1884, p. 175.

[269] Рассмотрен и обсужден д-ром Э. Циллером, *A. Mitt.* II. p. 112, и см. Herr Gräber, 'Die Enneakrounos,' *A. Mitt.* 1905, p. 58.

[270] Этот рассказ полностью взят из официальных отчетов профессора Дёрпфельда после обследования места под его руководством. См. [библиографию](#), *Эннеакрунос*, а также более поздние дополнительные исследования герра Грабера "Эннеакрунос", *A. Mitt.* 1905, XXX. p. 1.

[271] *A. Mitt.* XVIII. 1893, p. 223.

[272] Herr Gräber, *op. cit.* p. 26.

[273] Paus. I. 40. 1 οὗτος ὁ Θεαγένης τυραννήσας ὑποκόδομησε τὴν κρήνην μεγέθους ἕνεκα καὶ κόσμου καὶ ἐς τὸ πλῆθος τῶν κίωνων θέας ἀξίαν- καὶ ὕδωρ ἐς αὐτὴν ῥεῖ καλούμενον Σιθνίδων νυμφῶν.

[274] Delbrück and Vollmöller, 'Das Brunnenhaus des Theagenes,' *A. Mitt.* 1900, XXV. p. 23, pl. vii. и viii.

[275] ap. Athen. XI. § 465 ὅθεν καὶ Λιμναῖον κληθῆναι τὸν Διόνυσον, ὅτι μιχθὲν τὸ γλεῦκος τῷ ὕδατι τότε πρῶτον ἐπόθη κεκραμένον. Διόπερ ὀνομασθῆναι τὰς πηγὰς Νύμφας καὶ τιθήνας τοῦ Διονύσου ὅτι τὸν οἶνον αὐξάνει τὸ ὕδωρ κιννάμενον.

[276] Brit. Mus. Cat. B. 329, *Antike Denkmäler* II. Taf. 19. На другой вазе в Британском музее (кат. В 331) написано Kalire Krene, "Весенний источник", и на ней также встречается имя *Гиппократ*, которое может означать брата Клейстена; см. *Myth. and Mon. Anc. Афины*, рис. 20.

[277] Г-н Ф. М. Корнфорд обращает мое внимание на поразительное сходство между планом пещеры Каллирроэ (рис. [36](#) и [43](#)) и любопытным устройством "пещерной подземной камеры", которая у Платона (*Rep.* VII. 514) символизирует тюрьму земного существования. В эту камеру входили по длинному и крутому спуску из внешнего воздуха, а на противоположном конце был низкий парапет, напоминающий колодезный парапет в Каллирроэ. Даже изображение в нише имеет свой платоновский аналог в тенях, отбрасываемых огненным светом на внутреннюю стену от изображений, пронесенных вдоль парапета. Можно представить, что сам Платон часто бывал у колодца, видел собственную тень, отбрасываемую на парапет факелом его проводника, стоявшего у подножия входной лестницы, и слышал эхо собственного голоса, как будто исходящее от тени (*Plat. Rep.* 515 B).

[278] Omont, *Athènes au XVII. siècle*, Pl. XXXIX.

[279] См. проф. Дёрпфельд, *A. Mitt.* XX. p. 510, 1895.

[280] Профессор Дёрпфельд пишет мне: "К сожалению, это уже неправда; камни с надписями были украдены".

[281] Wordsworth, *Greece pictorial, descriptive and historical*, p. 133, 1839.

[282] C.I.A. II. 11 и IV. 211 b.

[283] C.I.A. II. 14. См. Foucart, *Bull. de Corr. Hell.* p. 166, 1888.

[284] Ar. *Eq.* 1092

καὶ μοῦδόκει ἡ θεὸς αὐτῇ

ἐκ πόλεως ἐλθεῖν καὶ γλαῦξ αὐτῇ 'πικαθῆσθαι.

[285] Ar. *Lys.* 175.

[286] *Speeches of Isaeus*, p. 476, где полностью обсуждается использование *полиса* для *акрополя*.

[287] См. Библиографию.

[288] Карта на [рис. 46](#) воспроизведена с любезного разрешения профессора Дёрпфельда с его официального плана, опубликованного в *Antike Denkmäler* (II. 37). Обсуждение более поздних греческих, эллинистических и римских агор не входит в задачи настоящей книги, но мы сочли целесообразным воспроизвести этот план, чтобы показать, как агора постепенно распространялась на север, а также чтобы прояснить комплекс дорог, которые встречаются у Эннеакруноса.

[289] Подробности об этом и других зданиях как эллинистических, так и римских агор см. в моих *Myth. and Mon. Anc. Athens*, pp. 17-22, 199, 183-203.

[290] A. *Mitt.* 1896, XXI. p. 108.

[291] После восстановления W. Judeich, *Jahrbuch f. Phil.* CXLI. p. 746. План приводится здесь только для иллюстрации ушедших представлений. Я рад видеть, что д-р Юдеич в своей недавней "*Топографии Афин*", 1905 г., принимает основные контуры топографии профессора Дёрпфельда. См. его План I.

[292] Полное изложение этой точки зрения см. у д-ра Фрейзера, *Pausanias*, Vol. V. p. 484, и у проф. Эрнеста Гарднера, *Ancient Athens*, p. 141. Я с сожалением вижу, что профессор Эрнест Гарднер переводит καὶ τὸ ὑπ' αὐτὴν πρὸς νότον μάλιστα τετραμμένον 'и район за ним к югу'.

[293] Paus. I. 18. 6 и 7, и I. 19. 1.

[294] Paus. I. 19. 1. Полный рассказ об этом Олимпионе и Пифионе, которые, за исключением ошибочного отождествления, нас здесь не касаются, см. в моем *Myth. and Mon. of Anc. Athens*, p. 184.

[295] Plut. *de Exil.* VI. ἄρα οὖν ξένοι καὶ ἀπόλιδες εἰσὶν Ἀθηναίων οἱ μεταστάντες ἐκ Μελίτης εἰς Διωμίδα ὅπου καὶ μῆνα Μεταγεινιῶνα καὶ θυσίαν ἐπώνυμον ἄγουσι τοῦ μετοικισμοῦ τὰ Μεταγείνια, τὴν πρὸς ἑτέρους γεινιάσιν εὐκόλως καὶ ἰλαρῶς ἐκδεχόμενοι καὶ στέργοντες; οὐκ ἂν εἴποις. На важность этого отрывка впервые обратил внимание профессор Дёрпфельд.

[296] Plut. *Vit. Them.* 22 πλήσιον δὲ τῆς οἰκίας κατεσκεύασεν ἐν Μελίτῃ τὸ ἱερόν οὐ νῦν τὰ σώματα τῶν θανατουμένων....

[297] Plat. *Parmenid.* 126 C.

[298] Dem. LIV. 7 ... παρῆλθε πρὸς Μελίτην ἄνω.

[299] Ar. Av. 999

ἐγὼ Μένων,

ὄν οἶδεν Ἑλλάς χῶ Κολωνός,

Schol. ... ἐπὶ Ἀψεύδους δὲ τοῦ Πυθοδώρου ἡλιοτρόπιον ἐν τῇ νῦν οὔσῃ ἐκκλησίᾳ πρὸς τῷ τείχει τῷ ἐν τῇ πνύκι. μήποτε οὖν τὸ χώριον φασὶ τινες ἐκεῖνο ἅπαν ὧ περιλαμβάνεται καὶ ἡ Πνύξ, Κολωνός ἐστὶν ὁ ἕτερος, ὁ μίσθιος λεγόμενος- οὕτως μέρος τι νῦν σύνηθες γέγονε τὸ Κολωνὸν καλεῖν τὸ ὀπισθεν τῆς μακρᾶς στοᾶς- ἀλλ' οὐκ ἐστὶ. Μελίτη γὰρ ἅπαν ἐκεῖνο ὡς ἐν τοῖς ὀρίσμοις γέγραπται τῆς πόλεως.

В MSS. есть ἐκεῖνο ἐπάνω, Forchhammer ἐπάνω ὦ, Wachsmuth ἅπαν ὦ, Dobree πᾶν ὦ. Я следую за Вахсмутом.

[300] Диомея отмечена на моей карте (рис. 49) к юго-востоку от Олимпиона. Моя карта была составлена до появления "Τοπογραφία Αφιν" д-ра Юдейха; я рад видеть, что он ("Τοπογραφία", с. 155, 158) принимает положение, которое профессор Дёрпфельд приписывает Диомее. Британская археологическая школа утверждает, что нашла гимнасий в Киносирхе (*Annual of the British School*, 1896-7, p. 89), но поскольку планы еще не опубликованы, я предпочитаю основывать свои аргументы на литературных свидетельствах.

[301] Herod. VI. 116.

[302] Paus. I. 19. 3. Те, кто вслед за Курцием (*Stadtgeschichte von Athen*, pl. IV.) помещают Диомею и Киносирхес к северо-западу на склонах Ликабеттоса, должны заставить Павсания проследить свой путь, чтобы посетить стадион.

[303] Schol. ad Ar. Ran. 501 ... οὐκ Μελίτης μαστιγίας, σύνηθές τε οὐχ οὕτω λέγειν ἐπὶ θεῶν, οὐκ Μελίτης ἀλλ' ὁ ἐν Μελίτῃ, ὡς καὶ Ζεὺς ὁ ἐν Ὀλυμπίᾳ- ἐπὶ δὲ ἀνθρώπων ἐκ Μελίτης.... Мое внимание привлекло замечание схолиаста по поводу "флиттинга" г-на Гилберта Мюррея.

[304] Ar. Ran. 650

ἀλλ' ἐφρόντισα

ὁπόθ' Ἡράκλεια τὰν Διομείους γίγνεται.

[305] Ar. Ran. 501 Schol. ... ἐν γὰρ Μελίτῃ δῆμῳ τῆς Ἀττικῆς ἐμυήθη Ἡρακλῆς τὰ μικρὰ μυστήρια.

[306] Plut. Demetr. 26. Kleidemos, ap. Bekk. Anec. p. 326 Ἄγραι χωρίον ἔξω τῆς πόλεως Ἀθηνῶν, οὗ τὰ μικρὰ τῆς Δήμητρος ἄγεται μυστήρια.

[307] Steph. Byz. Ἄγρα καὶ Ἄγραι χωρίον ... ἐν ᾧ τὰ μικρὰ μυστήρια ἐπιτελεῖται μίμημα τῶν περὶ τὸν Διόνυσον, ἐν ᾧ λέγουσι καὶ τὸν Ἡρακλέα μεμνησθαι (codd. μεμνησθαι).

[308] Paus. I. 14. 2.

[309] Kleidemos, loc. cit. παρ' Ἰλισσοῦ μυστικαῖς ὄχθαις.

[310] Eustath. 361. 38 ἀπὸ χώρας πρὸς τῷ Ἰλισσῷ ᾧ κλήσις Ἄγραι καὶ Ἄγρα, οὗ τὰ μικρὰ τῆς Δήμητρος ἥγετό φησι μυστήρια ἃ ἐλέγετο τὰ ἐν Ἄγραις. Профессор Такер, как мне кажется, прав в своем предположении (*Class. Rev.* 1904, p. 416), что мистерии в "Лягушках" - это Малые мистерии, и это, как я уже отмечал в связи с его обсуждением (*op. cit.*, p. 418), придает новое значение фигуре Геракла.

[311] Plat. *Lys.* 205 C Ἡρακλέους ξενισμόν.

[312] Xen. *Hell.* VI. 3. 6.

[313] Plut. *Vit. Thes.* 33.

[314] См. мои *Myth. and Mon. Anc. Athens*, p. 155, Fig. 33.

[315] Apollod. ap. Zenob. *Cant.* V. 22 μήλου (л. μήλων) Ἡρακλῆς. Ἀπολλόδωρος ἐν τοῖς περὶ θεῶν ὅτι θύεται Ἀθήνησι Ἡρακλεῖ ἀλεξικάκῳ ἰδιάζουσά τις θυσιά. Поллукс (*Onom.* I. 30) приводит этимологический миф и добавляет важную деталь, что тот же культовый титул *Мелона* и тот же ритуал использовался в Беотии. καὶ καλεῖται παρὰ τοῖς Θηβαίοις ἢ τοῖς Βοιωτοῖς Μήλων ὁ Ἡρακλῆς, ὄνομα ἐκ τοῦ τρόπου τῆς θυσίας λαβών. Мелос и Белос представляются взаимозаменяемыми формами (Steph. Byz. Βῆλος, ἢ καὶ Μῆλος πρὸς ταῖς Ἡρακλέους στήλαις), а об острове Мелос мы знаем от того же писателя (s.v. Μῆλος), что его ранние колонисты были финикийцами, Φοίνικες οὖν οἰκιστὰι πρότερον. Ср. Геракл в Гадесе, Аппиан (ed. Bekk. p. 49) говорит Ὁρησκεύεται νῦν ἔτι φοινικικῶς.

[316] Восточный характер культа Геракла в Мелите был впервые, как я полагаю, отмечен Курцием и далее подчеркнут Вахсмутом, *Stadt Athen*, p. 404 ff. Он никогда, как я полагаю, не обсуждался в связи с перемещением населения из Мелита в Диомею.

[317] См. Lewy, *Die Semitischen Fremdwörter im Griechischen*, p. 209, корень mālaṭ ὤλη спасать, נִצְּלָה.

[318] Diod. V. 12 καὶ πρώτη μὲν ἐστὶν ἡ προσαγορευομένη Μελίτη ... ἐστὶ δὲ ἡ νῆσος αὕτη Φοινίκων ἄποικος οἱ ταῖς ἐμπορίαις διατείνοντες μέχρι τοῦ κατὰ τὴν δύσιν Ὠκεανοῦ καταφυγὴν εἶχον ταύτην, εὐλίμενον οὖσαν καὶ κειμένην πελαγίαν.

[319] Strab. X. 472 ... ἀπελθεῖν τούτους (τοὺς Κορύβαντας) εἰς Σαμοθράκην καλουμένην πρότερον Μελίτην.

[320] Diod. V. 47 ἔνιοι δὲ φασὶ τὸ παλαιὸν Σαόννησον καλουμένην ... ἐσχῆκασιν δὲ παλαιὰν ἰδίαν διάλεκτον οἱ αὐτόχθονες ἧς πολλὰ ἐν ταῖς θυσίαις μέχρι τοῦ νῦν τηρεῖται ... ὄρους θέσθαι τῆς σωτηρίας.

[321] Hesych. s.v. ἐκ Μελίτης μαστιγίας, καλεῖται δὲ ὁ ἐν Μελίτῃ Ἡρακλῆς ἀλεξίκακος. Греческий, несомненно, как указывает Льюи, был просто переводом какого-то семитского божественного титула ὤληη νῆη mēmallēṭ mērā'ā, Preserver-from-Evil.

[322] Diod. IV. 39. Далее Диодор описывает странную первобытную церемонию усыновления, посредством которой Гера натурализовала Геракла среди олимпийцев; см. мои *Пролегомены*, с. 347.

[323] Strabo X. 471.

[324] Plut. *Vit. Them.* 1.

[325] Культ Геракла в Диомее содержит и другие элементы, явно семитские, обсуждение которых завело бы нас далеко. Подробности приведены в моей *книге Myth. and Mon. Ancient Athens*, p. 216, но семитский характер легенды о "белой собаке" я тогда еще не осознавал. Профессор Робертсон Смит уже давно (*Religion of the Semites*, p. 274, note 2) указал, что предполагаемая "белая собака" на самом деле является "вольером для собак" и что священные собаки - это класс семитских храмовых служителей (см. Deut. xxiii. 18, и C.I.S. No.

86). К вопросу о семитских элементах в поклонении Гераклу я надеюсь вернуться в другой раз.

[326] Plut. *Vit. Them.* 22 ... ἥν Ἀριστοβούλῃν μὲν προσηγόρευσεν.

[327] Porphy. *de Abst.* II. 54 ἐθύετο γὰρ καὶ ἐν Ῥόδῳ μηνὶ Μεταγαιτιῶνι ἐκτῇ ἰσταμένου ἄνθρωπος τῷ Κρόνῳ ὃ δὴ ἐπὶ πολὺ κρατῆσαν ἔθος μετεβλήθη- ἓνα γὰρ τῶν ἐπὶ θανάτῳ δημοσίᾳ κατακριθέντων μέχρι μὲν τῶν Κρονίων συνεῖχον, ἐνστάσης δὲ τῆς ἐορτῆς προαγαγόντες τὸν ἄνθρωπον ἔξω πυλῶν ἀντίκρου τοῦ Ἀριστοβούλης ἔδους οἴνου ποτίσαντες ἔσφαττον. В этой связи странно, что традиция о человеческом жертвоприношении перед битвой при Саламине, возможно, апокрифическая, приписывается Фемистоклу; см. мои *Prolegomena*, p. 489.

[328] Plut. *Vit. Them.* 1.

[329] Aug. Mommsen, *Feste der Stadt Athen*, p. 160. Вероятно, Моммзен прав в своем предположении, что жертвоприношение Метагейтнии, упомянутое Плутархом, было фактической частью или, по крайней мере, предварительной частью *Ираклеи*.

[330] Я выбрал для обсуждения поклонение Гераклу, потому что у нас есть определенные доказательства того, что Геракл связан с Диомеей, а также с Мелитой. Не менее ярким примером переноса чужеземного культа из Мелита в район Илиссоса является культ Афродиты Урании. Павсаний (I. 14. 7) видел святилище в Мелите, отметил его восточное происхождение и существующую историю о том, что Порфирион основал святилище Афродиты в демоне Атимоней, *то есть* по пути из Марафона. Придя на Илиссос в район садов (I. 19. 2), он видит святилище Афродиты Урании, ее изображение в виде *кувшинки* и надпись, гласящую, что она старшая из судеб. Он отмечает, что "никаких местных легенд нет". Да и как она может быть, если культ был перенесен? От этого святилища он переходит к Киносирхе.

[331] Paus. I. 19. 5.

[332] Plat. *Phaedr.* 229 A.

[333] См. *Myth. and Mon. Anc. Athens*, p. 226 и рис. 17. С тех пор как я написал этот рассказ, Греческое археологическое общество провело раскопки на предполагаемом месте Эннеакруноса на Илиссе; были найдены следы каналов для проведения воды, но вода, проведенная таким образом, не пригодна для питья. Отчет см. в *Πρακτικὰ τῆς Ἀρχ. Ἑταιρίας*, 1893, pp. 111-136.

[334] *Etym. Mag.* Ἐννεάκρουνοσ- κρίνη Ἀθήνησι παρὰ τὸν Ἰλίσσον, ἥ πρότερον Καλλιρόη ἔσκεν ἀφ' ἧς τὰ λουτρά ταῖς γαμουμέναις μετίασι. Πολύζηλος Δημοτυνδαρέω

ἴξει πρὸς Ἐννεάκρουνον, εὐυδρον τόπον'.

См. Koch, *Frag. Com.* vol. I. pp. 790-2. Полицелос, конечно, не несет ответственности за утверждение об Илиссосе.

[335] Hesych. s.v. Ἐννεάκρουноσ принимает его рассказ и признает его ὥς φησι καὶ Θουκυδίδης.

[336] Suidas, s.v. νυμφικὰ λουτρά-τὰ εἰς γάμους ἐκ τῆς ἀγορᾶς ἀπὸ κρίνης λαμβανόμενα.

[337] Hierocles, *Hippiatr. praef.* sub fin. Ταραντῖνος δὲ ἱστορεῖ τὸν τοῦ Διὸς νεῶν κατασκευάζοντας Ἀθηναίους Ἐννεακρούνου πλησίον εἰσελαθῆναι ψηφίσασθαι τὰ ἐκ τῆς Ἀττικῆς εἰς τὸ ἄστὺ ζεύγη ἅπαντα- φόβῳ δὲ τοῦ ψηφίσματος τινα τῶν γεωργῶν ἡμίονον ἀγαγεῖν γέραιον

ἄγοντα ἔτος ὀγδοηκοστὸν, τὸν δὲ δῆμον τιμῇ τοῦ γήρωος προηγητόρα τῶν ζεύγων εἰς τὴν κατασκευὴν αὐτὸν τοῦ νεῶ καταστήσαι προβαδίζειν τε ἄζεукτον καὶ ἄπληκτον ψηφίσασθαι μηδένα δὲ τῶν πυροπῶλων ἢ κριθοπῶλων ἀπελαύνειν αὐτὸν τῆς ἐστίας ἢ ἀπείργειν τῆς βρώσεως. Как видно, я истолковал πλησίον с κατασκευάζοντας, что является обычной трактовкой. Дайер, однако, указал (*Journal of Philology*, III. 1871, p. 90), что его можно взять с εἰσελαθῆναι.

[338] Plut. *Cat.* V. ὁ δὲ τῶν Ἀθηναίων δῆμος οἰκοδομῶν τὸν Ἑκατόμπεδον, и *De sollert. an.* XIII. τὸν γὰρ ἑκατόμπεδον νεῶν Περικλέους ἐν ἀκροπόλει.

[339] Ael. *Hist. An.* VI. 49 Ἦνίκα γοῦν Ἀθηναῖοι κατεσκεύαζον τὸν Παρθενῶνα.

[340] Aristot. *Hist. An.* VI. 24 ἤδη γάρ τις βεβίωκεν ἔτη καὶ ὀγδοήκοντα οἷον Ἀθήνησιν ὅτε τὸν νεῶν ὠκοδόμουν- ὃς καὶ ἀφειμένος ἤδη διὰ τὸ γῆρας, συναμπρεύων καὶ παραπτορευόμενος παρώξυνε πρὸς τὸ ἔργον ὡς ἐψηφίσαντο μὴ ἀπελαύνειν αὐτὸν τοὺς σιτοπῶλους ἀπὸ τῶν τηλιῶν. Аристотель, очевидно, является конечным источником утверждения Тарантино.

[341] Профессор Эрнест Гарднер в своих "*Древних Афинах*", стр. 20, цитирует отрывок Тарантиноса как часть "подавляющего доказательства того, что Каллирроэ лежал в постели Илисса". Насколько мне известно, никто никогда не сомневался в том, что в ложе Илисса лежал Каллирроэ, вопрос в том, лежал ли там тот самый Каллирроэ, который был превращен в Эннеакруноса. Я полагаю, что профессор Дёрпфельд впервые обратил внимание на различные храмовые постройки, с которыми связана история мулов. Я обязан ссылками на книгу д-ра Боденштайнера "Эннеакрунос и Ленайон", *Blätter f. das Gym. Schulwesen*, 1895, p. 31.

[342] Почти невероятно, что тот факт, что Алкифрон в одном послании (III. 49. 1) упоминает Эннеакрунос как источник обычной питьевой воды, а в другом (III. 51. 1) говорит о Каллирроэ как о предмете воздыхания, был приведен в качестве аргумента в пользу Эннеакруноса на Илоссосе. Очевидно, что он говорит о двух разных источниках. Плиний (*N. H.* IV. 7. 11), перечисляя аттические фонтаны, говорит: "Cephisia Larine Calliroe, Enneacrunos", и некоторые редакторы предполагают, что Плиний написал Calliroe Enneacrunos в результате смешения. Конечно, как замечает Дайер (*Journ. Phil.* III. p. 87), поскольку Плиний подсчитывал фактическое количество фонтанов, он должен был предупредить своих читателей, что это всего лишь два разных названия одного и того же объекта, и вставить между ними *seu* или какое-нибудь подобное слово.

[343] Paus. I. 8. 5 οὐ πόρρω δὲ ἐστᾶσιν Ἀρμόδιος καὶ Ἀριστογείτων. I. 14. 1 ἐς δὲ τὸ Ἀθήνησιν ἐσελθοῦσιν Ὠδεῖον ... πλησίον δὲ ἐστὶ κρήνη, καλοῦσι δὲ αὐτὴν Ἐννεάκρουνον ... ναοὶ δὲ ὑπὲρ τὴν κρήνην ἔτι δὲ ἀπωτέρω ναὸς Εὐκλείας.

[344] Дальнейшие сведения об этих святилищах см. в моих *Myth. and Mon. Anc. Athens*, pp. 89-111.

[345] Об Элевсинионе и Фесмофорионе см. Dörpfeld, *A. Mitt.* XXII. 1897, p. 477, и 1896, p. 106.

КРИТИЧЕСКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

О Фукидиде II. 15 §§ 3-6. Текст см. на [с. 7](#).

Мне кажется, что в этом отрывке, вероятно, нет никакой коррупции и что мы можем следовать MCC во всем. (MCC - Hude's A B C E F G M.)

l. 1. πρὸ τοῦτου: πρὸ τοῦ C G. Не является улучшением, будучи немного менее определенным, чем πρὸ τοῦτου; но по техническим причинам вполне вероятно, что это правильно.

ἡ ἀκρόπολις ἡ νῦν οὔσα πόλις ἦν: Худе переносит ἡ, чтобы читать ἡ ἀκρόπολις νῦν οὔσα ἡ πόλις ἦν. Возможно, немного проще. Стюарт Джонс сохраняет чтение MS.

l. 2. καὶ ἄλλων θεῶν ἐστὶ: Классен отметил здесь пробел, и большинство редакторов следуют за ним. Смысл ἄλλων, несомненно, заключается в "другой Афине", которой во времена Фукидида принадлежал Акрополь. Вопрос в том, должен ли Фукидид для того, чтобы сделать ἄλλων ясным, упомянуть Афины в этом пункте; или же (1) из упоминания τῇ θεῷ в последнем предложении и (2) очевидной и тесной связи между Афиной и афинским Акрополем, ссылка на нее может быть "понята".

С чисто критической точки зрения это трудно решить, поскольку это зависит от различных нерешенных проблем, касающихся состояния наших MSS Фукидида и степени отклонения от гладкого письма, на которое был способен Фукидид. Но, если мы все же предположим, что строка выпала, я не думаю, что аргумент вполне подходит к исправлениям вроде класеновского ἄλλων θεῶν ἐστὶ <καὶ τὰ τῆς Ἀθηνᾶς>, или Виламовица ἐν αὐτῇ τῇ ἀκροπόλει <καὶ ὑπ' αὐτῇ τῆς τ' Ἀθηναίας> καὶ ἄλλων θεῶν. Все знали, что Афина живет на Акрополе. Вам бы понадобилось <οὐ μόνον τῆς Ἀθηναίας ἀλλὰ> καὶ. И этот смысл, в конце концов, как раз то, что мы имеем из текста в его нынешнем виде.

l. 4. τὸ ἐν Λίμναις Διονύσου: τὸ <τοῦ> Кобета: на чисто лингвистических основаниях, убедительность которых трудно оценить. То же замечание относится и к предлагаемым пропускам τῇ δωδεκάτῃ или ἐν μηνὶ Ἀνθεστηριῶνι в следующем предложении.

l. 7. σκευασάντων: κελευσάντων в двух MCC (C G), явно неверно.

l. 8. ἐκεῖνη MSS.: ἐκεῖνοι (*m. e. oí ἀρχαῖοι*) Bekker. Это упрощает конструкцию и палеографически очень вероятно.

τὰ πλείστου ἄξια: τὰ πλείστα ἄξια двух MSS. (A B): простое проскальзывание.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Фукидид, II. 15, обсуждение.

N. Wecklein, *Sitzungsber. der Bayer. Akad.*, 97, 1887.

P. Stahl, "Thukydides über das alte Athen vor Theseus." *Rhein. Mus. für Philol.*, L. p. 566, 1895.

W. Dörpfeld, "Das alte Athen vor Theseus." *Rhein. Mus. für Philol.*, LI. p. 127, 1896.

C. Wachsmuth, "Neue Beiträge zur Topographie von Athen. Das Thukydideische Ur-Athen." *Abhandl. der K. Sächs. Ges. der Wiss.*, XLI. 1899.

A. W. Verrall, "Thucydides II. 15 and Recent Explorations." *Classical Review*, XIV. p. 274, 1900.

L. P. Фарнелл, "Вопросы, касающиеся аттической топографии и религии". *Classical Review*, p. 369, 1900.

M. Carroll, "Thucydides, Pausanias and the Dionysium in Limnis." *Classical Review*, XIX. p. 325, 1905.

Pausanias, Commentaries on.

T. H. Dyer, *Ancient Athens, its History, Topography and Remains*, ch. vi. p. 180 sqq., 1873.

Харрисон и Верралл, *Мифология и памятники древних Афин*, стр. 90, 1890.

O. Fallis, *Pausanias auf der Agora von Athen*. Мюнхен, 1895.

Hitzig und Blümner, *Pausaniae Graeciae Descriptio*, 1896.

J. Г. Фрейзер, *Описание Греции Павсания*, 1898.

Официальные отчеты о раскопках Немецкого археологического института в Афинах, опубликованные в...

(1) *Mittheilungen des K. Deutschen Archaeologischen Instituts in Athen*.

(a) *Die Ausgrabungen am Westabhang der Acropolis*.

I. W. Dörpfeld, "Allgemeine Uebersicht", XIX. p. 496, Pl. XIV., 1894.

II. W. Dörpfeld, "Das Lenaion oder Dionysion in den Limnai", XX. p. 161, Pl. IV., 1895.

III. X. Шрадер, "Funde im Gebiete des Dionysion", XXI. p. 265, Pl. VIII.-X., 1896.

IV. O. Кёпре, "Das Heiligtum des Amynos", XXI. p. 287, Pl. XI., 1896; и см. Körte, "Bezirk eines Heilgottes", XVIII. p. 231, Pl. XI., 1893.

V. C. Watzinger, "Einzelfunde", XXVI. p. 305, 1901.

(b) *Die Ausgrabungen an der Enneakrounos*.

I. W. Dörpfeld, XVII. p. 439, 1892.

II. W. Dörpfeld, XIX. p. 143, 1894;

и см. Dörpfeld, "Die verschiedenen Odeien in Athen", XVII. p. 252, 1892.

S. Wide, "Inscription der Iobakchen", XIX. p. 248, 1894.

H. v. Prott, "Enneakrounos, Lenaion, u. Διονύσιον ἐν Λίμναις", XXIII. p. 205, 1898; и см. Prott, Nachtrag dazu, XXIII. p. 367, 1898.

C. Watzinger, "Mimolog. Terracotta vom Westabhang", XXVI. p. 1, Pl. I., 1901.

C. Watzinger, "Vasenfunde aus Athen", XXVI. p. 50, Pl. II.-IV., 1901.

Fr. Gräber, "Die Enneakrounos", XXX. p. 58, 1905.

E. Ziller, "Wasserleitungen von Athen", II. 1877.

Фабриций, "Поликрат на Самосе", IX. с. 165, 1884.

Дельбрюк у. К. Г. Фольмёллер, "Das Brunnenhaus des Theagenes", XXV. p. 23, Pl. VII., VIII., 1900.

Funde.

1. "Афродита Пандемос", XIV. p. 121, 1889; и см. G. Kawerau u. F. Weibach, "Die Pandemosweihung auf der Akropolis", XXX. p. 298, 1905.
2. Открытия, различные, XV. с. 343, 444, 1890; XVI. с. 140, 252, 361, 443, 1891; XVII. с. 90, 281, 449, 1892.
3. "Stoa Basileios", XXI. pp. 103, 458, 1896; XXII. pp. 225, 476, 1897.

Sitzungsprotokolle.

- W. Dörpfeld, "Alopeke", XX. p. 507, 1895.
- P. Wolters, "Δεξιων", XX. p. 508, 1895.
- W. Dörpfeld, "Enneakrunos im Siebzehnten Jahrhundert" (Guillet et Coronelli), XX. p. 510, 1895.
- W. Dörpfeld, "Aphrodite Pandemos", XX. p. 511, 1895.

(2) Antike Denkmäler d. K. Deutschen Archäologischen Instituts Berlin. (Официальные планы раскопок с текстом.) Ausgrabungen in Athen, 1899-1901, II., Pl. 37, 38.

(3) Jahrbuch d. K. D. Arch. Inst.

- W. Dörpfeld, "Anzeiger", XI. p. 19, 1896.
- C. Belger, "Anzeiger", XI. p. 40, 1896.

Топография Афин:

Общая.

- M. Leake, *Topography of Athens*, 1821.
- M. Leake, *Topography of Athens and the Demi*, 1841.
- P. Forchhammer, "Topographie von Athen" (*Kieler Philol. Studien*). Киль, 1841.
- E. Curtius, "Attische Studien" (*Abhandl. d. Göttinger Ges. d. Wiss.* XI. XII.) Göttingen, I. 1862; II. 1865.
- E. Curtius, *Erläuternder Text der Sieben Karten zur Topographie von Athen*. Берлин, 1868.
- H. G. Lolling, *K. Baedekers Griechenland*, pp. 34-83, 1883.
- Н. Г. Лоллинг, "Anhang zur Hellenischen Landeskunde und Topographie" (*I. Müller's Handb. d. C. A. W.*), III. 290.
- A. Milchhöfer, "Athen" (Baumeister, *Denkmäler des class. Alt.*, I. p. 144, 1884).
- C. Wachsmuth, *Die Stadt Athen im Alterthum*, I. 1874, II. 1890.
- C. Wachsmuth, "Neue Beiträge zur Topog. von Athen" (*Abh. d. K. S. Ges. d. Wiss.*, XLI.).
- W. Judeich, "Anzeiger von C. Wachsmuth, Stadt Athen", *Jahrbuch für Class. Phil.* v. A. Fleckeisen, p. 721, 1890.

Pickard, "Dionysos ἐν Λίμναις." *Am. J. of Arch.* VIII. p. 56, 1893.

J. Миддлтон, Планы и чертежи афинских зданий, *J.H.S. Supplement* III., 1900.

A. Малинин, "Zwei Streitfragen der Topographie v. Athen", 1901.

O. Jahn и A. Michaelis, *Arx Athenarum a Pausania Descripta*, 1901.

A. Michaelis, *Tabulae Arcem Athenarum illustrantes*, 1901.

E. A. Gardner, *Ancient Athens*, 1902.

H. Lechat, *Au Musée de l'Acropole d'Athènes*, 1902.

H. Lechat, *La Sculpture Attique avant Phidias*, 1904.

C. H. Weller, "The pre-Periclean Propylaea on the Acropolis of Athens," *Am. Journ. Arch.*, pp. 33-70, Pl. I.-VI., 1904.

Пещера Пана.

W. Dörpfeld, Report, *Ath. Mitth.* XXI. p. 460, 1897.

P. Kabbadias, Τοπογραφικὰ Ἀθηνῶν, *Ephem. Arch.* XXI. Pl. I.-IV. pp. 1-32, 1897.

Bulletin de Corr. Hel. XX. p. 382.

A. Michaelis, *op. cit.*, *Atlas*, Pl. XVII., 1, XVI., 1 a.

Pelargikon.

H. Unger, "Enneakrunos und Pelasgikon", p. 263 (*Sitzungsber. d. K. Bayer. Akad. d. Wiss. zu München*), 1874.

W. Миллер, "История афинского Акрополя". *Amer. Journ. Arch.* VIII. p. 481, 1893.

J. W. White, Περὶ τοῦ Πελαργικοῦ ἐπὶ Περικλέους. Ἐφημερίς Ἀρχαιολογική, 1894, стр. 2.

Г. Николаидес, Περὶ Καλλιρρόης καὶ Ἐννεακρούνου. *Εφ. арх.* 1893, p. 176.

W. Dörpfeld, Ἡ Ἐννεάκρουνος καὶ ἡ Καλλιρρόη. *Εφ. арх.* 1894, p. 1.

Эннеакрунос.

Здесь не приводится полный список разрозненной и объемной иностранной литературы по "эпизоду Эннеакруноса", поскольку полные ссылки можно найти в трех книгах, которые обязательно должны быть в руках любого, кто попытается провести независимое исследование этого или любого другого вопроса, касающегося топографии Афин - это:

1. H. Hitzig и H. Blümner, *Pausaniae Graeciae Descriptio*, Berlin, 1896 (для эпизода с Эннеакруносом, I. часть 1, с. 166-172 и с. 187-191).

2. C. Wachsmuth, "Athenai," in Pauly-Wissowa, *Real-Encyclopädie*. Supplement, Erstes Heft, Stuttgart, 1903.

3. W. Judeich, *Topographie von Athen*, München, 1905, in Iwan von Müller's *Handbuch d. kl. Altertumswissenschaft*, Band 3, Abt. 2, Hälfte 2.

Классические источники по *Эннеакруносу* и другим топографическим вопросам удобно собраны д-ром Мильххофером в E. Curtius, *Die Stadtgeschichte von Athen*, Berlin, 1891.

КЕМБРИДЖ: НАПЕЧАТАНО ДЖОНОМ КЛЭЕМ В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.